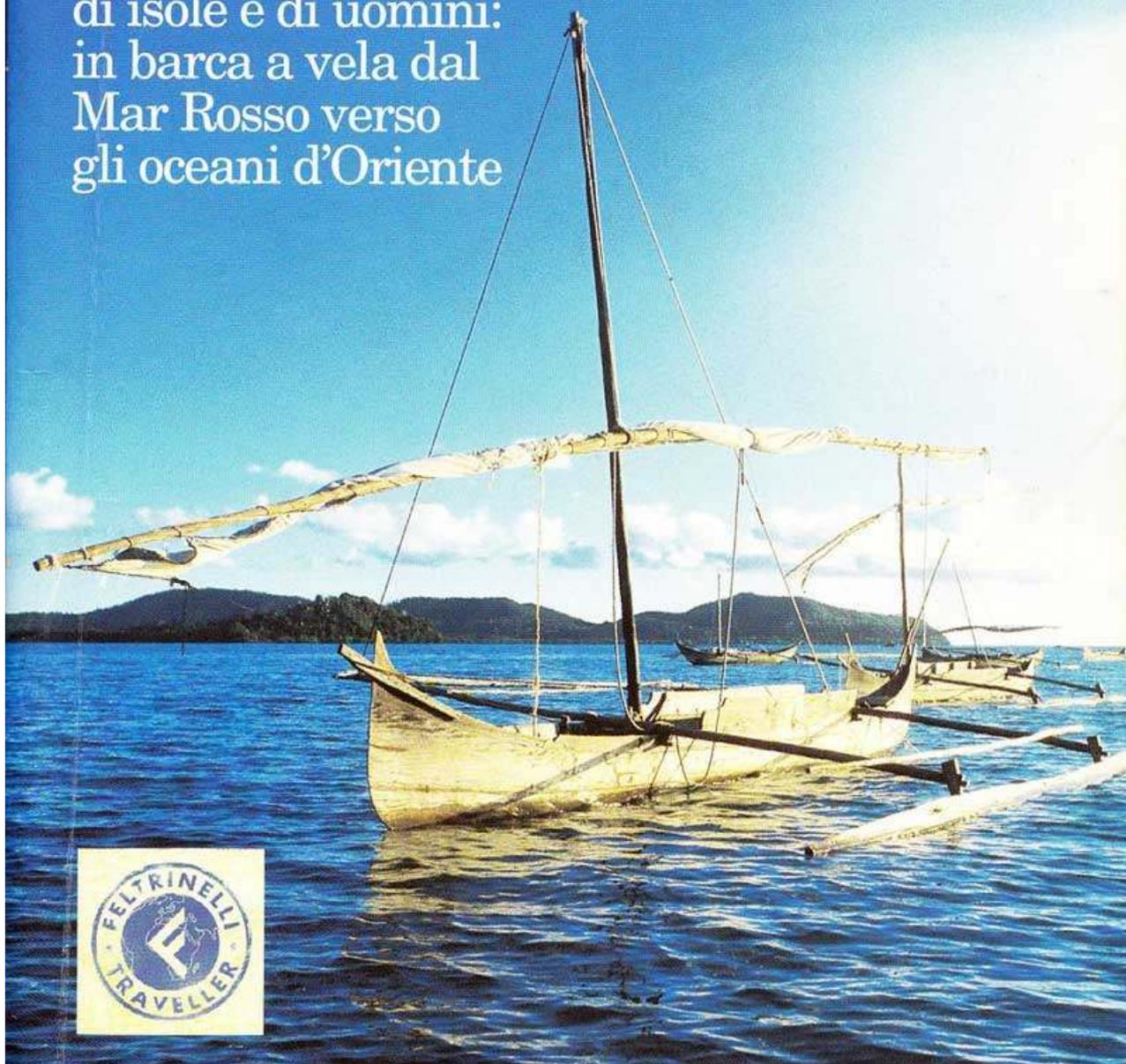

Universale Economica Feltrinelli

**CARLO AURIEMMA
ELISABETTA
EÖRDEGH**

MAR D'AFRICA

Storie di terre e di vento,
di isole e di uomini:
in barca a vela dal
Mar Rosso verso
gli oceani d'Oriente

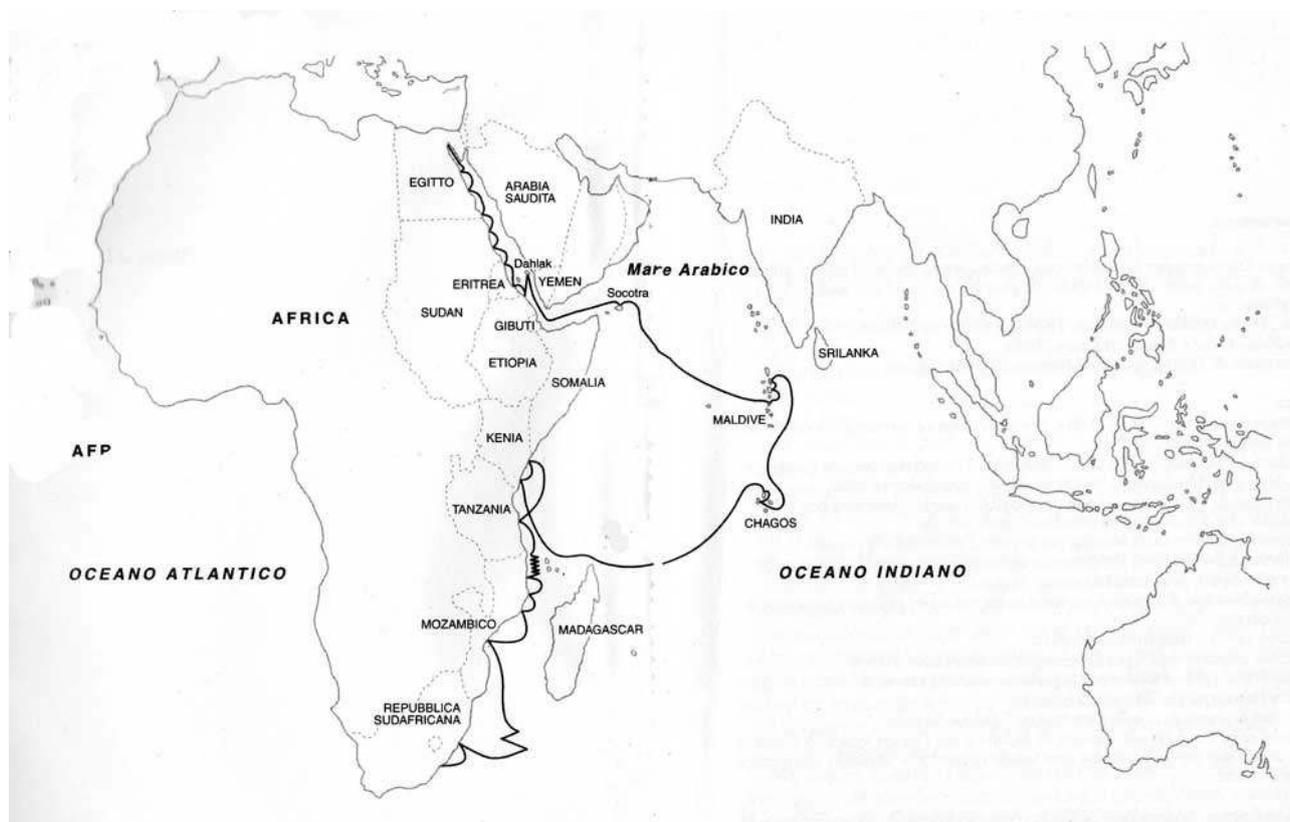

На итальянском языке книга впервые издана в 1999 году издательством FERTINELLI (www.fertinelli.it). Переиздавалась в марте и октябре 2002г. ISBN 88-07 81684-9

Истории о странах и островах, о ветре и людях: на парусной лодке из Красного моря в океаны Востока.

Мужчина, женщина и парусная лодка. Невероятное плавание из Красного моря в Индийский океан в поисках неизвестных островов и народов. Охотники на акул в Красном море, затерянные поселения кочевников в пустыне. Остров Сокотра, бывший в своё время базой пиратов, о котором почти ничего не известно. Прекрасные, нетронутые атоллы Чагос, недоступные для туристов селения на Мальдивах, опасные берега восточной Африки, течения и циклоны Мозамбикского пролива... Путешествие по нехоженным маршрутам, следуя только инстинкту и желанию приключений, в поиске последних затерянных уголков планеты.

Элизабета Ёрдег (1955) и Карло Ауриемма (1951) живут путешествуя на парусной яхте по свету. Они побывали в Южной Америке, на островах Полинезии в Азии и Африке. Много лет исследуют Индийский океан в поисках неизвестных традиций, народов, исчезающих видов животных. Снимают документальные фильмы и репортажи для телевидения, сотрудничают с газетами и журналами. В 1992 году они издали книгу «Под необъятными небесами», рассказ о кругосветном путешествии на парусной яхте.

Маршрут плавания «Барка Пулита»

Содержание

От переводчика.	стр. 3
0. Предисловие.	стр. 3
1. Кофе в пустыне.	стр. 4
2. Красное море	стр. 8
3. Город призрак	стр. 19
4. Женщины на войне	стр. 26
5. Архипелаг Панго	стр. 30
6. Охотники на акул	стр. 37
7. Фейерверки в Йемене	стр. 42
8. Сокотра	стр. 46
9. Посреди океана. Часть 1	стр. 51
10. Ночные мысли	стр. 56
11. Посреди океана. Часть 2	стр. 61
12. Мальдивы	стр. 65
13. Деньгу	стр. 70
14. Чагос	стр. 75
15. Мишель	стр. 80
16. Мост через залив	стр. 89
17. Ночь на доу	стр. 94
18. Занзибар	стр. 99
19. Остров птиц	стр. 105
20. Гечь	стр. 108
21. Браконьеры	стр. 113
22. Остров воров	стр. 119
23. В море грязи	стр. 124
24. Шторм	стр. 131
25. Глядя на горизонт	стр. 135

От переводчика.

Карло и Лиззи (это не фамильярность, они сами себя так называют) люди которых я бесконечно уважаю и так же сильно завидую. И не только потому что вот уже больше 20 лет они путешествуют по морям и океанам нашей планеты. Думаю что это очень счастливые люди. Отправляясь в свою первую кругосветку они и в мыслях не имели намерений стать морскими бродягами или что-то в этом роде. Своей городской жизнью были довольны и просто решили взять двухлетний перерыв, чтобы посмотреть мир. Однако в море, нашли себя и вернуться к «нормальной» жизни у них не получилось. Но и здесь они нашли свой способ не расставаться с парусами, не просто бросили всё и отправились бродяжничать, они придумали себе работу. Не имея опыта и связей, они стали теледокументалистами, снимают фильмы и пишут книги. Часто, прочитав какую-нибудь книгу о кругосветном плавании, поражаешься мужеству людей их совершающих. Но в книгах Карло и Лиззи всё наоборот, своим читателям они пытаются внушить, что для того чтобы пересекать моря и океаны не надо быть не смелым, не сильным, не опытным, и что совершить плавание, которое совершили они и написать такую книгу может каждый, так как сами они совершенно нормальные люди. Нужно просто иметь желание, обладать здравым смыслом и быть готовым переносить некоторые неудобства походной жизни.

Кипорук И.

0. Предисловие

Когда мы собрались у карты мира, чтобы решить куда отправиться, не было никаких сомнений: начнём с Красного Моря.

“Barca Pulita” была готова к отплытию и нужно было определиться с маршрутом.

- Сколько продлится на этот раз путешествие?
- Куда направиться?
- А лодка?

Мы начали отвечать на эти вопросы намного раньше, чем появились ответы на них. На карте мира изобразили маршрут, прочертили красивую голубую линию, которая извивалась между берегами и островами, проходила через красивейшие места и терялась среди атоллов в центре океанов.

Мы нарисовали маршрут и сделали вид, что верим в него.

Определили длительность: один год на Индийский океан, один год на Тихий и год на Атлантику, как если бы океаны были все одинаковы и словно за один год действительно можно пересечь океан останавливаясь посмотреть и понять несколько десятков тысяч островов и километры побережий. Потом добавили ещё один год на непредвиденные обстоятельства: всего четыре года.

- Плавание продлится четыре года. - отвечали мы всем кто спрашивал.

Но вечером, разговаривая между собой перед тем как уснуть, после длинных и странных дней проведенных в поисках дефицитных запчастей, маловероятных спонсоров, общения с невнимательными партнёрами,... вечером эти вопросы не находили ответов и присоединялись к тысячам других:

- Сумеем ли мы снять фильмы?
- Сумеем написать следующую книгу?
- Сумеем уложиться в имеющуюся сумму денег?
- Сможем ли мы управлять этой новой лодкой, такой большой, такой сложной, с двумя мачтами и всеми этими парусами?
- Конечно сможем. Однако теперь давай спать

Эта книга – рассказ о трёх годах бродяжничества по морям и странам, в попытках добраться до самых дальних уголков и заново открыть то, что осталось забытым в истории человечества и мира.

Во всех краях где мы побывали, старались исследовать самые дальние уголки, самые невероятные закутки. Мы тщательно изучали карты, анализировали туристические (если они были) и коммерческие маршруты и говорили: «Здесь», ткнув пальцем в самый далёкий остров или полуостров наиболее удалённый от всех дорог и причалов. Иногда нам везло и мы оказывались в удивительных и невероятных местах. Иногда нет, и мы сталкивались со слишком сложными обстоятельствами, или было слишком страшно, или ничего не находили.

Но наш дом – лодка, и лодка это замечательное средство, поскольку позволяет каждый раз снова отправиться в путь и пробовать снова. Нужно лишь поднять паруса и выйти в открытое море, чтобы снова оказаться перед лицом мира, без обязательств и временных ограничений, свободные выбирать новый сценарий в бесконечном каталоге предлагаемом планетой. И это то, чем мы занимались в течении трёх лет.

Наше намерение, когда мы отчалили от мола в Портовенере, было – снимать и рассказывать. И мы старались всегда помнить об этом. Когда снимали на видео животных, фотографировали людей, всегда делали заметки, записывали впечатления, страхи, тревоги и радости. Так получилось с десятков тетрадей исписанных от руки, которые потом превратились в эту книгу.

Эта книга могла бы быть написана любым другим, так как она рассказывает о том, что мы встретили и пережили во время путешествия которое и любой другой мог бы совершить. Ходить по миру на лодке, забираться в самые удалённые места, сходить на берег там, где никто не сходит, это совсем не сложные вещи. Не нужно быть опытными, не нужно быть сильными и даже смелыми. Достаточно следовать своему чувству любопытства и иногда смириться с некоторыми неудобствами и непредвиденными обстоятельствами. Самое трудное, наверное, это отправиться.

Все истории, приключения, встречи и упоминаемые в этой книге места – реальные. Люди названы своими реальными именами, только в четвёртой главе мы использовали вымышленные имена, чтобы гарантировать героиням конфиденциальность. Эритрейские девушки нас об этом попросили.

1. Кофе в пустыне

В хижине жара страшная. По крайней мере мне так кажется, потому что трудно дышать и капли пота падают на линзы очков, затуманивая зрение. Поднимаю скальпель, приближаю к нарыву и неуверенной рукой вонзаю внутрь, как иголку в вишню. При виде странного заострённого инструмента, поблескивающего в полумраке, две женщины примолкли, а больная повернула голову, пытаясь догадаться, что я собираюсь делать.

Из язвы начинает выходить смесь крови и гноя, кожа вокруг разреза словно трескается и внутри открывается плоть: розовая. Такая розовая, что трудно представить под этой тёмно коричневой кожей.

Отвращение парализует меня. Чувствую в глубине, как желудок начинает выворачиваться и все те чашки кофе, что я проглотила, вдруг неожиданно поднимаются к горлу. Сверхчеловеческим усилием сдерживаю рвоту. Женщины заинтересованно разглядывают рану и с испугом слушают звуки, которые я издаю, чтобы не сблевать.

И подумать только, маленькой я хотела стать доктором. В больнице, может быть в скорой помощи... Но будучи взрослой смогла только самоназваться бортмедиком. Перед отправлением я раздобыла книгу, которая учит, как лечится самим и загрузила медикаменты следуя критерию: посреди моря придется выкручиваться самим, что бы не случилось. Поэтому на нашей лодке есть всё, игла и нить для наложения швов, гипсовые бинты для

гипсования, антибиотики широкого спектра, бинты и повязки для ожогов, скальпели, пинцеты и так далее, включая морфин, который мы достали почти нелегально, и, который, надеюсь мне никогда не придётся использовать.

Есть много всего, потому что опыт научил – все эти медикаменты, кроме нас самих, понадобятся другим. К примеру, на крохотном островке в Папуа Новая Гвинея мне случилось лечить массовый приступ дизентерии, израсходовав все запасы Биксимины. В другой раз я облегчила страдания солдата, который сломал руку. Я раздавала дезинфицирующие препараты и антибиотики, аспирин и противомаларийные средства. На Соломоновых островах мы даже организовали экспедицию в лагуну Морово лишь для того, чтобы раздать хинин жителям деревни, страдающим от малярии и оставшимся без медикаментов из за задержки почтового судна.

В общем играть во Флоренс Найтингейл* мне действительно нравится. Однако, то что я делаю сейчас, превышает мои возможности и знания.

Всего лишь день, как мы прибыли сюда, в *marca Gel Farayid*, на южном побережье Египта. Встали на якорь и на тендере высадились на берег, поискать моллюсков на прибрежной полосе и просто посмотреть. Вокруг пустыня, коричневая земля покрытая пятнами соли и россыпями ракушек, ни деревца, ни травинки. Бирюза моря на километры вклинивается в тёмный берег и там, где кончается вода, периодически появляющееся облачко пыли выдаёт присутствие трассы соединяющей Египет с Суданом, проходящей в нескольких километрах от берега.

Прошло совсем немного времени, как мы вышли на берег, как что то появилось на горизонте.

- Эй, здесь люди. - предупреждаю Карло.

- Где?

- Там вдалеке, и направляются к нам. - показываю рукой.

- Ты уверена? Я не вижу.

Три маленьких фигурки движутся в нашем направлении.

- Подождём их?

Перспектива встречи с незнакомыми людьми в незнакомой стране всегда вызывает некоторую напряжённость.

- Пойдём им навстречу.

Мы идём в их сторону, наступая на соляные пятна, которые крошатся под ногами. Там и тут, скрытые складками местности верблюжьи кости выбеленные солнцем и временем создают ощущение неподвижности, неизменности, почти вечности окружающего пейзажа.

Группа состоит из двух женщин и мужчины. Старые, сгорбленные, мужчина опирается на палку, женщины покрыты покрывалами, грязными и изношенными, которые когда то, наверное, были зелёными. Кожа тёмная и сморщенная, ноги худые и главное, белый налёт на глазах, из за которого из далека они кажутся голубыми.

Горячо приветствуют нас и жестами объясняют, что кто то заболел и нуждается в нашей помощи, но это далеко, на том берегу залива.

Однако солнце уже довольно низко.

- Сегодня ничего не получится, у нас едва осталось времени вернуться на борт до темноты.

Оставить лодку на ночь на неизвестной якорной стоянке, лучше даже не думать об этом. Ночью никогда не знаешь что может приключиться. И если что-нибудь случится, кто нас найдет тут в глубине пустыни? Поэтому жестами и отдельными словами на арабском обещаем вернуться завтра с медикаментами.

- *Bukra, bukra* - завтра.

Пунктуально на рассвете выходим на берег с чемоданчиком скорой помощи.

Старики уже здесь, ждут нас. Идем с ними примерно пол часа, прежде чем замечаем хижины деревни, спрятанные в низине и защищённые от ветра барьером из сухих, ошетилившихся колючками кустов. Хижины - ненадёжное укрытие, покосившиеся и

вибрируют под порывами ветра. Они построены из материалов которые выбрасывает море: куски дерева и картона, ткань и листы железа со странными надписями на разных языках. Обломки кораблекрушений и мусор выброшенный с судов, части ящиков упавших в море неизвестно когда и неизвестно где, море носит их течениями, выбрасывает на берег волнами и приливами, и обитатели залива собирают их как драгоценные материалы.

Вокруг лачуг, среди камней пасутся козы, детишки глядят на нас с любопытством и убегают, чтобы спрятаться за мамами покрытыми покрывалами. Женщины держатся на расстоянии. Молодых мужчин не видно. Видимо они далеко, пасут верблюдов - единственное богатство этих беднейших племён. Старики предлагают нам расположиться на грязной циновке в тени одной из хижин.

Две женщины начинают готовить кофе.

Это длинная церемония, которую нам уже довелось наблюдать раньше. Старухи раздувают угли в металлическом ящике, потом поджаривают зёрна кофе в старой консервной банке с длинной ручкой и толкут их в ступке вместе с кусочками имбиря и сахара сырца. В это время ставят кипятить воду в керамическом горшочке закопченном от дыма, и когда начинает подниматься пар, добавляют приготовленную смесь. Наконец разливают настой в миниатюрные чашечки, которые никогда не видели воды и мыла, и предлагают присутствующим. Закончив первый круг, начинают всё сначала и все опять пьют, потом снова и снова, до тех пор пока не закончатся зёрна кофе. Так можно провести всю первую половину дня.

С другой стороны, здесь в деревне нечем заняться, и наше присутствие здесь, как иностранцев, создаёт разнообразие для всех, даже для тех кто просто смотрит из далека.

Кофе очень крепкий и очень сладкий, полон гущи, но вкусный и ароматный. После первых пяти обязательных чашек пытаюсь узнать побольше о больном, которого я должна лечить. Тогда женщины, немного нехотя, потому что приходится покинуть застолье, ведут меня к хижине, построенной из обломков дерева, ткани и листов металла и делают знак войти.

Внутри темно, жарко и затхло. На песчаном полу набросаны рваные циновки и на одной из них мой пациент, лежащая на боку старуха. Вошедшие со мной женщины присели на корточки и говорят на гортанном диалекте, так что я не могу разобрать ни одного слова. Тогда старушка переворачивается на живот и они поднимают тряпку, которой покрыто тело, указывая мне на повязку. Хотя назвать повязкой это нельзя, но я затрудняюсь подобрать слова для определения этого куска тёмной материи на ноге покрытого ещё более тёмными мокрыми пятнами.

Я стою в полумраке с моим чемоданчиком скорой помощи и женщины мне делают знаки - иди сюда, вниз, к нам. Я опускаюсь на колени, рядом с перевязанной ногой, когда одна из них снимает повязку и моим глазам открывается ужасное зрелище: бубон размером с апельсин, неопределённого цвета, что-то между красным и коричневым. Он блестящий и так надут, что кажется может взорваться с минуты на минуту. Достаточно минимального нажима, и так как он расположен с обратной стороны колена, это может произойти достаточно легко.

Приглядевшись получше замечаю в центре бубона отверстие, небольшой кратер из которого выходит беловатая жидкость. Накатывает волна отвращения, хочется выйти на открытый воздух, но я здесь с тремя старухами, которые рассчитывают на меня.

Первым делом одеваю перчатки, кто его знает... Рассматриваю инструменты, в то время как старухи продолжают говорить, пытаюсь что то подсказать. В конце концов беру скальпель, вспоминая что мне сказал Джильберто когда дал мне его: «Если это абсцесс, достаточно проткнуть его острым скальпелем».

Так я и делаю, стараясь почти не смотреть, и тут появляется это розовое мясо...

Когда наконец я сумела укротить попытки желудка избавиться от своего содержимого (думаю мне это удалось только представив, что бы случилось потом в этой душной хижине и при такой жаре), решаю набраться смелости и продолжать. Протыкаю и разрезаю, чтобы

открыть канал для дренирования, повторяю операцию в двух других точках. Наверное нужно сдавить нарыв, чтобы вышел весь гной, но мне не хватает смелости. Становится всё жарче, моя майка вся мокрая и прилипает к телу, немного кружится голова. Закручиваю кусок марли, смачиваю дезинфектантом и пинцетом засовываю его в бубон стараясь прочистить внутри.

Больная поворачивает голову и издаёт слабый возглас протеста. Её подруги заставляют её замолчать и продолжают наблюдать в тишине, глазами подёрнутыми катарактой. Одна из них положила руку на спину больной, может быть чтобы успокоить, костлявым указательным пальцем вырыла маленькую ямку в песке, сплюнула и присыпала лёгким движением руки.

Я, тем временем, повторяю пару раз чистку марлей, стараясь не смотреть на неё когда вынимаю и замечаю, что припухлость уменьшилась. Старуха уже может сгибать ногу, которую раньше она была вынуждена держать прямой.

Решаю, что настал момент чудодейственной мази: антибиотика. Для тех, кто как эти женщины, никогда в жизни не пользовались лекарствами, антибиотики просто волшебное средство. Выдавливаю в рану немного Ауромицина и покрываю стерильным бинтом. Укладывая бинт, стараясь покрыть инфицированный участок, чувствую под пальцами что то твёрдое и острое. Аж подпрыгиваю – кость! – и убираю руку, но потом думаю, что там не должна бы быть кость, и если бы был перелом, больная не смогла бы согнуть ногу.

Три пары глаз смотрят на меня.

С уверенным видом снимаю бинт, снова беру пинцет и пытаюсь найти в ране твёрдый предмет, который чувствую пальцем. Когда вытаскиваю пинцет, сама себе кажусь ведьмой: осколок стекла, немного испачканный мазью, острый и блестящий длиной около трёх сантиметров зажат в нём. Не верю своим глазам: «Как он мог попасть сюда?».

Женщины возбуждены и толпятся возле пинцета, чтобы лучше видеть, хлопают меня по спине и что то говорят, наверняка хотят сказать: «Видишь, у тебя получилось!».

Я ошеломлена больше них. Принимаюсь снова шарить в ране – кто его знает – но, к большому разочарованию моих старушек, на этот раз ничего нет и можно дезинфицировать и перевязывать. Снова накладываю мазь, стерильную марлю и забинтовываю колено безупречной повязкой.

Когда женщины поднимают матерчатый полог, открывая мне выход, ослепительное солнце бьёт в глаза. Должно быть уже полдень, потому что оно стоит высоко. Карло со стариком идут к нам.

- Наконец-то, мы уже дошли до двадцати чашек. Ещё одна и мой желудок лопнет.

- С моим тоже были кое какие проблемы!

Женщины рассказывают о том что произошло и гордо показывают осколок стекла, извлечённый из раны. Мужчина держит руку перед лицом, защищаясь от солнца. Подходит ко мне убирает руку и показывает глаза покрытые катарактой. Показывает на солнце, ветер и мои очки: ему нужно что-нибудь наподобие. Показывает также на глаза своих подруг, которые, в свою очередь укрываются от света рукой и куском покрывала. У всех у них катаракта и всем им грозит слепота. Причина тому солнце, ветер и отсутствие лечения. Пытаюсь объяснить, что тут мы не можем ничего сделать, что необходима операция.

“Hospital, hospital.”

Конечно, я осознаю бесполезность своих слов. Эти старики никогда не покидали берегов своего залива. Самое дальнее место, где они были – верблюжье пастбище. Естественно они не знают как найти клинику, как вести себя после выздоровления, и даже если бы знали, у них нет денег не на дорогу не на операцию.

Ограничиваюсь тем, что достаю из сумки пузырёк глазных капель и рекомендую закапывать несколько капель каждое утро. Они уходят довольные, но это только обман. Не знаю сколько ещё жителей деревни в таком состоянии, но этим трём пузырька капель не

хватит даже на неделю и их действие будет мало чем отличаться от действия чистой воды в их глазах сожжённых пустыней.

2. Красное море

Берега Красного Моря не очень многоцветны, но они самые красивые в мире. На закате солнце, когда прячется за дюны, высвечивает оттенки фиолетового, жёлтого, тёмно-зелёного, это симфония цвета, которая очаровывает. Мы сидим и смотрим на эти берега, эти краски. Днём наблюдаем за крабами и скопами, плаваем в самом нетронутым в мире море среди рыбьих стай, кальмаров и кораллов, в воде прозрачной как в аквариуме.

В этой северной части Красного моря всегда дует ветер, и его песнь сопровождает нас день и ночь. Немного грубая ласка, которая не прекращается ни на минуту и пахнет раскалёнными на солнце камнями и пустыней. Когда мы идём, он нам помогает, потому что дует всегда с севера на юг и толкает нас в корму, удаляя от Средиземного моря и приближая к Индийскому океану. Но когда стоим недалеко от берега, ветер несёт едва ощутимую мелкую пыль, которая оседает на лодке покрывая всё.

“Barca Pulita” стоит посреди лунного пейзажа. Берега пустынные и безлюдные. Чёрные холмы. Пустое море. И посреди этой пустоты наша лодка это всё что у нас есть: дом, убежище, родина. И её тёплое нутро, это место где можно расслабиться и оставить снаружи чувство бесконечного одиночества которое исходит от этих мест.

Однако каждое утро мы оставляем своё убежище и отправляемся исследовать берега пустыни.

- А если сломается подвесной мотор? Как мы вернёмся на лодку? - Ветер унес бы нас в открытое море, совершенно пустынное, где на сотни миль можно никого не встретить. Теперь мы лелеем подвесник, как если бы он был третьим членом нашего экипажа.

- Ты проверил свечу?

- Конечно, и даже взял запасную канистру с бензином.

- А вёсла?

- Я взял четыре.

Четыре весла вместо двух, длинный конец и якорь, чтобы быстро зацепиться в случае необходимости за рифы – коралловые образования, которые разбросаны здесь повсюду - это некоторые предосторожности которые мы предприняли из страха быть унесёнными в море. И как последнее средство, всегда берём с собой по паре ласт, если вдруг не получится вернуться на вёслах, есть возможность бросить тендер и добраться вплавь. Может показаться странным, что вплавь двигаться легче чем на вёслах, но на самом деле надувной тузик с двумя человеками на борту на ветру парусит намного сильнее, чем пловец, который погружён в воду и к ветру почти не чувствителен.

Когда оставляем лодку, из осторожности, всегда идём строго на ветер. В случае аварии ветер сам принесёт нас обратно, нам останется только поймать лодку на ходу. Конечно, это на пятьдесят процентов ограничивает наши возможности исследований, но и оставшиеся пятьдесят процентов в этом мире без границ, это всё равно больше, чем можно пожелать.

А вечером пишем. Я вооружаюсь карандашом и пытаюсь описать: цвета, звуки, пустыню. Но это труднее чем кажется. Перечитываю и мне никогда не нравится. Из под карандаша выходят только бледные образы, как через грязное стекло. Тогда закрываю глаза. Пытаюсь вспомнить ощущения и перенести их на бумагу, просто, так как чувствовал.

Акулы

Спускаюсь в воду у внешнего края рифа, где колонии кораллов неожиданно обрываются в глубину. Лодка стоит вдалеке и я вижу только её мачты, возвышающиеся за коричневой песчаной косой. Берег всего в двухстах метрах. Оставляю тендер, который доставил меня

сюда, долго и глубоко дышу и ныряю, плавно погружаясь ко дну. Спускаюсь на несколько метров, хватаюсь за валун и останавливаюсь задержав дыхание.

Море полно рыб. Увидев меня они сразу пускаются наутёк, но когда я останавливаюсь, останавливаются и они. Потом, убедившись в моей неподвижности, возвращаются. Сначала медленно, но с каждой секундой становятся всё более любопытными; расстояние сокращается, в то время как окружающая тишина наполняется ожиданием чего-то.

Мир кораллового рифа на самом деле не похож на тот, каким он видится на экране цветного телевизора. На первый взгляд он кажется идиллическим местом полным фантастических созданий, грациозно двигающихся между коралловых ветвей без всякой видимой цели, кроме как покрасоваться. На самом деле в этом мире господствует страх. И все эти цвета, которые нам кажутся такими красивыми, предназначены только для борьбы за выживание, которая не прекращается ни на секунду. Пёстрые ливреи служат для того, чтобы привлечь добычу или ввести в заблуждение агрессора или даже являются предупредительным сигналом, как в случае с рыбами – бабочками, которые спокойно держатся на виду, потому что вызывающими цветами своего тела и плавников, как условным кодом, предупреждают всех о своей ядовитости.

Под водой каждая щель скрывает какое-нибудь существо в засаде. Идеально закамуфлированные осьминоги осторожно высовываются из скальных трещин, собрав щупальца под телом и готовые наброситься на первое же существо, которое приблизится слишком близко. Мурены проводят целые дни карауля добычу. Их желтоватое тело скрыто в норе и только голова высовывается из отверстия. И даже разноцветные морские анемоны, что раскачиваются от течения как цветы на ветру, совсем не то, чем кажутся. Их стрекочущие щупальца способны парализовать жертву простым прикосновением. И наконец есть крупные хищники, такие как барракуды, которые ходят стаями по несколько сотен и атакуют все одновременно, или огромные груперы у которых пасть больше человеческой головы и акулы, патрулирующие дно и всем своим видом показывающие, что им некого бояться.

В этом чужом нам мире, красивом и безжалостном, каждое существо проводит свою жизнь в шатком равновесии между охотой на более мелких животных и страхом быть съеденным более крупными.

Остаюсь неподвижным на дне, задержав дыхание, и через несколько десятков секунд меня уже окружают рыбы. Первыми, как всегда, появляются барракуды. Веретенообразное тело покрыто светлыми полосами, в приоткрытой пасти видны ряды острых зубов. Останавливаются в паре метрах, рассматривая меня настороженно. Потом появляются рыбы –попугаи, зеленушки, дорадо, пагеллы и в конце концов я оказываюсь в центре карусели любопытных рыб. Они медленно кружат перед маской в абсолютной тишине, в то время как мои лёгкие начинают требовать воздуха.

Десятка два каранксов с телом испещрённом люминесцентными искорками вместе с другими плавают вокруг меня. Сжимаю челюсти, преодолевая желание вдохнуть воздуха и заставляю себя оставаться неподвижным, пока не выбираю одного из них подходящего размера. Жду пока он окажется перед остриём гарпуна и нажимаю на курок подводного ружья. Стрела срывается, летит в воде и вонзается рыбе точно в бок, у самой головы, где тело расширяется и легче прицеливаться. Каранкс вздрагивает, взмывает свечой, яростно отчаянно бьётся в воде. Его тело пробито гарпуном, который привязан к моему ружью коротким чёрным линьком.

И в этот момент происходит нечто. Серебристо-серая молния. Неистовый рывок. Ещё рывок... Акула появилась из ниоткуда. Может быть она пришла снизу, может быть сзади, не знаю. Схватила мою рыбу своими челюстями и вырывает у меня. С одной стороны акула тянет рыбу с гарпуном, с другой стороны я, совсем без воздуха, совершенно произвольно и неистово вцепился в ружьё и тяну изо всех сил. Линь натягивается как струна, вижу как гарпун начинает изгибаться под нагрузкой. Несколько мгновений осмысливаю опасность, в

то время как акула тянет и дёргает чудовищными рывками, в облаке крови и чешуи. Появляются другие акулы и бросаются на первую с распахнутыми пастьми.

- К чёрту!. - Бросаю ружьё и сматываюсь, гребя назад. Лёгкие сжимаются от недостатка воздуха. Знаю, что не должен выныривать из воды, знаю, что не должен терять из виду акул, я много раз читал это в руководствах по погружению и в историях аналогичных встреч произошедших с другими. Вынырнув я не смогу больше контролировать пространство вокруг себя, в то время, как очень важно держать акул под присмотром и отражать любую их попытку приблизиться. Они то попадают то исчезают из поля зрения маски, бешено мечутся в дикой карусели, резкими бросками и неожиданными сменами направления. Вода становится мутной от крови моей рыбы и, наверное, крови раненой акулы.

Добравшись до рифовой стенки я становлюсь спиной к кораллам. Легкие разрываются, сердце бешено колотится. Три акулы увязались за мной и теперь выписывают нервные полукружья вокруг. Стараюсь оставаться спиной как можно ближе к вертикальной стенке, чтобы избежать атаки сзади.

- Если бы хоть было ружьё...- Даже незаряженное ружьё, это уже что-то. Некоторым удавалось отбиться стукнув акулу по морде простой палкой.

- Если ещё приблизишься, я тебе врежу. - вытягиваю руку со сжатым кулаком в сторону ближайшей твари, в то же время, стараясь не терять из виду остальных, медленно поднимаюсь к поверхности. Лёгкие уже горят.

Это самый опасный момент. Многие ныряльщики подверглись нападению как раз в момент выхода, когда голова уже на поверхности, а тело ещё в воде. Поэтому высовываю из воды только затылок, чтобы трубка была на поверхности а маска в воде и можно продолжать наблюдать.

Воздух из пластиковой трубки булькая наполняет мои лёгкие словно живительной водой из горного ручья. Тяжело дыша с бешено бьющимся сердцем смотрю на акул, которые остались несколькими метрами ниже, словно им не нравится слишком яркий солнечный свет. Кажется они успокаиваются. начинают описывать всё более широкие круги и двигаются медленнее.

Сражение под водой закончено. Ружьё валяется на песке в тридцати метрах от меня. Гарпун чист и зверюга, которая украла у меня рыбу, исчезла. Другие акулы спускаются ко дну в нереальной тишине и только барракуды, величиной с меня, проплывают рядом направляясь неизвестно куда, поглядывая неблагоприятным взглядом.

Я в нерешительности, не выныриваю и не двигаюсь. Сердце успокаивается и вместе с ним мир кораллового рифа, который принимает обычный вид. Рыбки пощипывают медленно колеблющиеся кораллы. Восстанавливаю дыхание, долго дышу и ныряю. Хочу подобрать ружьё с горки белоснежного песка, куда оно улеглось, упав в щель между кораллами. Хватаю его и поднимаюсь вверх нервно осматриваясь. В несколько гребков добираюсь до надувного борта тендера, где (не знаю почему) мне кажется более безопасно. Держусь за чёрный баллон и через маску продолжаю осматривать пространство под собой. Всё спокойно. Рыбы снова плавают безмятежно.

Мои нервы вибрируют от страха, хочу немедленно вернуться на лодку. Но кто-то внутри меня не согласен.

- Не хочешь же ты вернуться на борт с пустыми руками? - говорит мне этот другой голос.

-Ну и что. Всегда можно поесть консервированного тунца. - отвечаю я. На самом деле, вместе со страхом и инстинктивным желанием убратся отсюда, я испытываю также непреодолимое желание попробовать ещё раз. Непонятное желание поднимается из неизвестно каких глубин моего сознания и заставляет меня вернуться к охоте. Наверное это осталось от инстинктов, которые в своё время позволяли людям ежедневно сражаться за выживание в лесу. Восстанавливаю дыхание и ныряю, хоть внутри меня всё дрожит и вибрирует.

Держась вплотную к стенке рифа, опускаюсь всего на несколько метров и останавливаюсь. Выжидаю. Стреляю первую же рыбу которая оказывается на расстоянии выстрела. Она маленькая, и я даже не знаю, что это за рыба, но на ужин сгодится.

Военный флот

- Sail boat, sail boat, this is Egyptian Navy. - парусная лодка, парусная лодка, здесь египетский военно-морской флот.

-Отвечу?

- Нет, подожди, если ответим уже не выкрутимся».

- Sail boat, sail boat, this is Egyptian Navy.

Всё более настойчиво звучит голос из динамика радиостанции. Один раз, два, три, десять раз продолжает повторять тот же вызов с терпеливой и немного тупой настойчивостью, которую мы уже не раз встречали у людей в этих местах.

Однако до сих пор нам всегда везло. Военные гарнизоны на египетских берегах Красного моря очень маленькие и редкие, это единственный признак человеческого присутствия в бесконечной пустыне. Несколько желтоватых палаток стоящих на песке вдоль берега, несколько верблюдов, ржавые бочки с питьевой водой разбросаны вокруг. Военные, неизвестно зачем, заброшены сюда каким то далёким стратегическим командованием. С какой целью, непонятно. Может быть охранять пустыню. Или может охранять море, которое ещё более пустынно чем пустыня. Естественно им скучно, и каждый раз, когда из лагеря видят что мы появляемся у берега, начинают свистеть, жестикулировать и кричать, чтобы мы остановились. Но даже при желании мы не могли бы остановиться. Вдоль пляжей здесь разбросаны подводные скалы и рифы, мели с обрушивающимися валами и о берега постоянно бьётся прибой. Потом все эти истории, которые мы слышали о других лодках, которые остановились и остались заблокированы на недели с арестованными паспортами в ожидании контроля и проверки.

Так, до сегодняшнего дня мы позволяли им свистеть, делая вид, что не слышим и не понимаем. Мы продолжали идти своим курсом, рассчитывая на то, что у них нет лодки, чтобы подойти к нам. С нашей стороны мы приветствовали их широкими жестами, пока не скрывались за горизонтом.

Сегодня, однако, всё не так. Слишком поздно мы заметили огромный гарнизон, растянувшийся вдоль берега на несколько километров. В бинокль вижу сотни палаток, множество верблюдов, грузовик, металлические бараки и два огромных резервуара. И, что самое плохое, вижу серый сторожевой катер стоящий на якоре у пляжа.

-Small boat, small boat, this is Egyptian Navy, this is Egyptian Navy.”

Лодка идёт под полными парусами, и лёгкий ветерок толкает её в корму. Нашим пунктом прибытия сегодня должен бы был стать небольшой залив в нескольких милях отсюда, крохотная зарубка на береговой линии, где мы собирались провести ночь на якоре.

Но присутствие военных всё меняет, спускаемся в каюту, чтобы изучить карту. Что бы я хотел сделать, так это повернуть нос на восток и бежать в открытое море. К сожалению это невозможно. Карта показывает в миле от суши длинный коралловый риф, который тянется вдоль берега и закрывает путь в море.

Мы в мышеловке. Нам некуда деваться. Справа берег с военными, слева риф. Чтобы вырваться, нужно было бы поменять курс на противоположный и подняться на север, по проходу между рифом и берегом, по которому мы пришли сюда. Но сделав это, поменяв резко курс, мы создадим впечатление будто желаем сбежать, и будет только хуже.

- Small boat, small boat, stop, stop! - в голосе уже звучит раздражение.

- Лучше ответить, Карло. Эти ведь способны и стрельнуть.

- Здесь “Barca Pulita”, здесь “Barca Pulita”, кто вызывает?

- Парусная лодка, парусная лодка, здесь египетский военно-морской флот. Вы в военной зоне. Остановитесь и идите к берегу.

- Я же говорил, что не надо отвечать. И что теперь делать? - До того как заметили военных, мы были уверены, что уже прошли Египетскую границу¹, находимся в водах Судана и рассчитывали за оставшиеся часы светлого времени закончить переход до залива. Где то здесь, как утверждает лоция, находятся развалины древнейшего поселения римлян. И надежда провести спокойный день среди римских развалин подвигла нас ввязаться в это сложное плавание между рифами и берегом.

- Sail boat, sail boat. Немедленно остановитесь и направляйтесь сюда .

- Скажи ему что у нас нет карты. - подсказывает Лиззи.

Отвечаю на английском, стараясь чтобы голос звучал как можно более натурально. Говорю, что у нас нет карты, что проблемы с мотором и что они находятся с наветренной стороны от нас и против солнца. Это последнее, к тому же было правдой. Утонув в потоке извинений военный замолкает. Потом находит решение, требует: «Остановитесь. Мы подойдём к вам.»

- Не можем - отвечаю. - Солнце уже садится, через час станет темно и мы не будем знать куда идти.

И это, к сожалению, чистая правда.

На самом деле, направившись сюда, мы попали в нехорошую ситуацию. Мы в тропических водах и море на две три мили от берега усеяно коралловыми банками. Ветвистые кораллы, из которых они состоят, развиваются вверх, накладываются друг на друга и почти достигают поверхности, прикрытые лишь несколькими сантиметрами воды. Временами банки располагаются длинными барьерами недалеко от берега. Иногда возвышаются отдельные изолированные рифы даже там где большая глубина. Коралловые барьеры для ныряльщика это прекрасный мир полный животных и цветов, для моряка это только скалы, твёрдые и опасные. Достаточно одного удара - пробоина, и лодке конец.

Пока светло, с большой осторожностью, с помощью морской карты и по очереди наблюдая с носа и с мачты у нас получается избегать их. Но ночью кораллы невидимы, и продолжать идти по этому каналу, было бы всё равно что играть в русскую рулетку.

С другой стороны парусное судно не может остановиться с наступлением темноты как останавливается автомобиль на стоянке автострады. В общем, с наступлением темноты мы должны как можно быстрее уходить или в залив, на якорную стоянку, либо в открытое море, где нет кораллов. Единственное чего мы не можем сделать, это остаться здесь.

Всё это я пытаюсь объяснить голосу из радио.

- Остановитесь и ждите нас. - коротко обрывает военный, и не остаётся ничего другого как покориться.

Опускаем оба стакселя, грот и бизань устанавливаем в диаметральной плоскости и лодка останавливается, слегка покачиваясь дрейфует на юг.

Катеру потребовалось пол часа чтобы добраться до нас. Тридцать метров серого железа покрытого большими пятнами ржавчины. На носу маленькое чёрное орудие и по бокам пулемёты. Приближается выбрасывая спирали чёрного дыма и намеревается стать борт к борту. Очень опасный манёвр. Борты у катера высокие и ребристые и могут повредить нашу лодку, но видно что экипаж об этом не задумывается.

- Stop! Stop! Go away! - это Лиззи отгоняет их криком.

Люди на борту озадачены. Они все мужчины, арабы и кроме того военные и не знают как реагировать когда женщина кричит. Жестами даём им понять, что спустим на воду тендер и сами подойдём к ним.

В конце концов Лиззи остаётся на лодке, потому что лодку нельзя бросить дрейфовать одну в канале, а я на надувашке преодолеваю сто метров, которые отделяют нас от военного катера.

- Ты мне сказал что на твоей лодке нет мотора, тогда как он есть. Ты сказал, что вы направляетесь в порт Судан, но это курс не на Судан. И потом, почему не отвечал на радиовывозы? Теперь поедешь со мной на базу.

Военный, который говорит со мной, тот самый, из радио. Молодой, чёрные усы, уверенные черты лица, характерные для людей пустыни. Он единственный носит латаный военный мундир, остальные одеты в тряпье и на голове традиционный арабский головной убор. Английский у парня не очень уверенный, но достаточный, чтобы понять его решимость. Он уверен, что я вожу его за нос, и наверное он прав, но я боюсь даже представить, что будет, если меня и вправду потащат на базу и Лиззи останется одна на лодке. Наступает ночь, течение, берег в нескольких милях с одной стороны и кораллы с другой.

- Ну нет же, нет, капитан, я только сказал что мотор работает не очень хорошо, а не что он сломан. И мы действительно идём в порт Судан. Пойдем посмотрим бортовой журнал. Только вечером мы подходим к берегу, потому, что ночью нам необходимо останавливаться, мы ведь только вдвоём и не можем плыть ночью, вам не кажется?

Офицер очень подозрителен, но аргумент, что нельзя плыть ночью (что на самом деле неправда), кажется пробил брешь. Вскоре кто-то приносит чай (хороший знак), и капитан объясняет мне, что это запретная военная зона, что мы вошли в неё без разрешения, что мы может быть шпионы и т. д. Наконец решает, когда закончим пить чай, лично подняться к нам на борт (ещё один хороший знак), чтобы убедиться, что мы не шпионы.

Чай, инспекция, разговоры. Обстановка разряжается и уже видна счастливая развязка. Тем временем пляж уже почти не виден в спускающихся сумерках, и солнце уже заходит за холм, который должен был служить ориентиром для нахождения якорной стоянки.

- Теперь можете идти. Остановитесь у берега и ждите завтрашнего дня, но будьте осторожны, здесь полно опасных скал. - заключает военный и передаёт мне две буханки тёмного хлеба и большой клубень, похожий на те, что мы ели в Полинезии, здесь в Египте он скорее всего привезён из долины Нила.

- Мы не можем теперь встать на якорь, недостаточно света, чтобы подойти к берегу, нам нужно возвращаться в открытое море. - пытаюсь объяснить как могу.

- Нет, я должен сначала доложить командиру базой. Он должен дать вам разрешение на выход. - тон снова сухой и не оставляет надежды.

- Хорошо, хорошо. Становимся на якорь. - заканчиваю я разговор и наконец мы видим как они удаляются и пропадают в темноте.

- Действительно хочешь встать на якорь?

- Ты что, как мы подойдём к берегу в темноте?

- И что делать?

- Можно вернуться назад. - предлагаю я. - Сегодня утром мне показалось, что канал свободен от рифов. Нужно постараться пройти тем же курсом назад.

- А военные?

- Если у них нет радара, они нас не увидят. А если есть, можно надеяться, что они его не включили, или он не работает, или не направлен в сторону моря...

Решаем попытаться пользуясь темнотой, теперь уже абсолютной, которая должна скрыть нас, и нашим GPS, самым современным навигационным инструментом, который определяет положение лодки по сигналам со спутников и, в определённых пределах, позволяет идти в темноте.

Лёгкий и тёплый ветер дует с севера, тот самый, что этим вечером доставил нас сюда. Теперь он дует нам навстречу и нам приходится лавировать, идя зигзагом между берегом и рифом. Лодка слегка кренясь поднимается на ветер. Короткие галсы сменяются каждые четверть часа. Галс в сторону моря, в темноте, прижимает нас к коралловому барьеру, в то время как галс в сторону берега приводит нас вплотную к военным. Наши ходовые огни выключены, в каюте я прикрыл даже слабый свет навигационных приборов. Делая повороты выбираем шкоты плавно, не допуская чтобы паруса запласкивали и создавали шум.

Инстинктивно мы даже прекратили разговаривать, и когда нужно что-то сказать, шепчемся как дети, которые не хотят чтобы их услышали взрослые. Свет костров на берегу медленно движется, высвечивая силуэты людей сидящих на корточках, собирающихся то ли готовить, то ли ужинать. Они кажутся ужасно близко и временами, когда звуки голосов долетают до нас, смешиваясь с шелестом корпуса разрезающего воду, я вдруг начинаю бояться, что они могут услышать шум, заметить белую лодку или паруса. Но на самом деле мы невидимы, затеряны в ночном море, идя без ходовых огней, стараясь не шуметь и не зажигать даже минимального света на борту.

Продолжаем идти так, короткими галсами, пока после десятка зигзагов не достигаем точки, где карта показывает проход в рифе, который лежит между нами и морем. Проход узкий, едва пол мили, но он выводит на свободную воду, где нам больше нечего будет бояться.

Я осмеливаюсь:

- Рискнём?

- Какие есть альтернативы? - спрашивает Лиззи.

- Лавировать ещё двадцать миль вдоль берега, пока не кончится риф.

- Тогда рискнём!

В нормальных условиях я даже и не подумал бы ночью соваться в такой узкий проход. Но сегодня другое дело. Из двух рисков выбирают меньший. Между опасностями исходящими от моря и от людей, мы выбираем море.

Наносим на карту наше положение: широту и долготу считанные с GPS откладываем с максимальной точностью. Для уверенности, каждый из нас повторяет сделанное другим и проверяем результаты друг друга.

- Кажется здесь.

Травим паруса и уваливаемся. Курс 65 градусов. Это направление, которое должно привести нас напрямиком в проход между рифами проведя точно по центру, в четверти мили от двух коралловых бастионов. Лодка ложится на новый курс и немного ускоряется, а моё сердце ускоряется с бешеной силой. Вокруг крошечная тьма и мы слепо полагаемся на показания электронных приборов, в чёрном море не видно ничего, что могло бы подтвердить наше местоположение. Ощущение ужасное, всё равно что вести машину в тоннеле с закрытыми глазами.

Мы молчим, слушаем шум моря и вглядываемся в его чёрную таинственную поверхность. Если что-то пошло не так, если мы слишком близко к рифу, надеюсь, что в последний момент белая пена разбивающейся волны или может быть шум прибора предупредят об опасности.

Слушаю. Ничего.

Вглядываюсь в темноту. Ничего.

Только шелест нашего форштевня, который прокладывает дорогу в это ничто.

Проходят минуты. Лиззи на руле и я вижу её напряжённое лицо. Слегка подсвеченное отражением от компаса. Она сосредоточена на курсе и не поднимает головы, но я знаю, это её способ преодоления страха. Смотрю на светящиеся стрелки своих часов. Ещё десять минут и будем в открытом море.

Иду на нос, мне кажется, что что-то начинает меняться. Действительно, нос начал раскачиваться, поднимается и опускается, очень мягко, но явно.

Прибой! Пытаюсь понять с какой стороны он идёт. Но шума не слышно. Проходит минута, другая и качка усиливается. Соображаю, что это не прибой, это длинные волны открытого моря, и они с течением времени увеличиваются. Это значит, что между нами и морем нет больше рифа, который гасил длинные волны.

- Кажется прошли. - шепчу я спускаясь в каюту проверить показания инструментов. GPS холодом своих светящихся цифр подтверждает, что мы уже снаружи, в полумиле от последнего коралла. Высовываюсь в кокпит.

- Прошли, можем уваливаться на юго-восток. - говорю я Лиззи, которая всё ещё стоит на руле.

- Значит теперь можно разговаривать в полный голос. - отвечает она смеясь.

- Кстати, смотри кто пожаловал. - Слева по курсу, лёгкая, слегка красноватая и закопченная появляется луна. Как раз вовремя, появившись она немного раньше и раскрыла бы наш последний обман.

- Sail boat, sail boat, this is Egyptian Navy, this is Egyptian Navy.

- О, нет. Нас заметили...

- Sail boat, sail boat. Командующий даёт вам разрешение выйти завтра. Вы хорошо встали на якорь?

- Да, капитан. Спасибо и спокойной ночи.

Тем временем ветер несёт нас в море, огромное и пустое, вдаль от людских интриг и суши. Взошла луна, яркая и молчаливая.

- Крошка, нас ожидает ещё одна ночь в море.

- Лучше в море, чем с военными.

- Стою я первую вахту?

Звёзды, лангусты и кораллы

Суданский берег изрезан заливами, называемыми *марса*. Эти лунные бухты, врезаны в пустыню, и лодка может месяцами стоять в них на якорю пока кто-нибудь заметит её присутствие. *Марса*, как фиорды следуют одна за одной вдоль береговой линии. Может быть это долины древних рек, а может быть трещины земной коры, затопленные морем. Как бы то ни было, для нас эти глубокие и неподвижные реки, которые рука матери природы щедро разбросала вдоль берегов Красного Моря - нежданное убежище. "Barca Pulita" может стоять на якорю защищённая от волн, останавливаться и отдыхать каждый раз как мы только захотим. Их положение на карте обозначено очень плохо и некоторые, возможно никогда не исследованы, не обозначены совсем. Чтобы найти их, приходится плыть как можно ближе к берегу и периодически забираться на мачту, откуда поле зрения расширяется, захватывая пустыню. Когда *марса* найдена, необходимо определить как зайти в неё, угадывая проход между глыбами кораллов, на которых обрушиваются волны, но стоит только попасть внутрь, как сразу оказываешься в неподвижной воде. Водная дорога углубляется в пустыню, петляет, расширяется, сужается, раздваивается и через несколько километров непременно заканчивается озером с солёной водой.

Вокруг *марса* нет ничего. Только пустынные берега, холмы и ветер. Но достаточно хорошенько посмотреть вокруг и подождать, как рано или поздно всегда что-нибудь происходит.

В *марса Gwilaib* мы встретили пару дюгоней, в *марса Abu Imama* караван верблюдов идущий на север по древнейшему пути, связывающему Египет и Судан.

«Салам алейкум» мы сошли на берег с консервами и сигаретами. «Алейкум ассалам» погонщики, у которых не было ничего предложить нам на обмен, разрешили сфотографировать себя, что с точки зрения мусульманина, большой подарок, так как многие верят, что фотография отнимает душу.

В *марса Halaka* мы украли душу у пары скоп, которые свили огромное гнездо прямо на берегу, в пятидесяти метрах от нас. Мы установили телекамеру на штативе в двух шагах от гнезда. Потом вернулись на борт и контролировали съёмку прямо с лодки. Удобно расположившись под тентом с помощью дистанционного пульта включали и выключали камеру, каждый раз, когда там что-нибудь происходило.

В *марса* Агакіаі мы опять оказались в компании военных, расположившихся в этот раз на внутреннем берегу. Маленькая группа, около двадцати человек и стадо верблюдов.

Повторяется обычная сцена. Солдаты кричат и машут руками. Хотят, чтобы мы пригласили их на борт или сами сошли на берег. Но вид у них слишком оборванный.

Так как было уже поздно и темнело, мы ограничились тем, что встали на якорь подальше от берега и остались на лодке. Кажется невероятным, но на этих заставах нет даже никакой лодчонки, чтобы добраться до нас.

Хоть случай и забросил их на берег моря, они остаются бедуинами, сухопутными жителями, обитателями пустыни. В пустыне они передвигаются с непринуждённостью, выработанной тысячелетиями, но море для них среда чужеродная и они испытывают перед ним почти суеверный страх. Я никогда не видел, чтобы они входили в воду или чтобы рыбачили. Таким образом, хоть они и видят нас, и мы находимся на расстоянии слышимости, морская вода, отделяющая нас от берега, для них непреодолимое препятствие, а для нас гарантия безопасности.

Однако, на следующее утро солдаты спускают на воду, неизвестно откуда появившуюся, облупленную лодочку. Кажется что они потонут с минуты на минуту, гребут беспорядочно и продвигаются с большим трудом, но в конце концов причаливают к нашему борту и нам приходится принимать гостей:

- Салам алейкум.
- Алейкум ассалам.

Из под одежды виднеются пистолеты, лучше принять их на борт.

- Паспорт.

Показываем паспорта. Не настоящие, а фотокопии, подготовленные и сброшюрованные заранее, как раз для таких случаев. Они переворачивают белые листы жирными потными пальцами. Листают, останавливаются разглядывая печати. Возможно не умеют читать, или читают только по-арабски, но удовлетворяются и после обычных церемоний удаляются.

На следующий день они снова здесь.

- Опять. Что им надо на этот раз?

Просто они привезли нам пол ведра верблюжьего молока и две буханки грубого хлеба, испечённого поваром гарнизона. Частички соломы и отрубей проглядывают в корочке.

- Ммм...Хорошо. - говорит Лиззи отпивая глоток молока прямо из ведра. И только я, хорошо зная её, зная как она ненавидит молоко, даже пастеризованное и стерилизованное, заметил, что на самом деле, закрывшись ведром она даже не разжала губ. Позже мы узнали, что верблюжье молоко солёное и слабит. Но это не важно, важно то, что они принесли нам то немного, чем располагают, а мы подозревали неизвестно что. В ответ мы дали им огромную банку томатной пасты, и снова они удалились на своей невозможной лодчонке.

Но в большинстве случаев *марса* пустынный, какими они и были на протяжении последних тысячелетий. И если на суше нет не деревьев не травы, то море предлагает всё что душа пожелает. Вдоль береговой линии моллюски многочисленны как галька, и лангусты ночью вылезают из своих нор и бродят по рифу на глубине всего пол метра в поисках водорослей, которыми питаются. Достаточно иметь подводный фонарик, чтобы просто собирать их руками.

- Когда увидишь лангуста, направь свет на него. - советует мне Ренато, который плывёт сейчас рядом со мной в темноте ночи над рифом лежащем на глубине пол метра. - Увидишь, он не двинется с места. Держи фонарик всё время направленным, подплывай, хватай его сзади и суй в мешок.

Луч моего подводного фонаря высвечивает фрагменты таинственного мира. Вот фиолетовое существо извивающееся между кораллами, вот гигантская морская звезда обвившая устрицу. В гроте освещаю голубую рыбу, которая глупо тарашится на свет. Но вокруг светового луча вода абсолютно чёрная и непроницаемая и оттуда сотни красных глаз кажется смотрят на меня. Плыву медленно и беспокойно смотрю вокруг на незнакомый мир.

Ренато плывёт на небольшом расстоянии. Временами луч его фонаря пересекается с моим, иногда вижу как он удаляется и бросаюсь вдогонку, боясь потерять его в темноте. Он живет здесь уже десять лет с женой Кристиной и семилетней дочерью Иларией и этот лунный мир стал его приёмной родиной. Живут они на деревянной парусной лодке, построенной в Италии в конце прошлого века для транспортировки мрамора вдоль итальянских берегов. Они купили её по дешёвке, когда ту собирались ломать, отремонтировали и придумали себе работу, сопровождать подводные экспедиции в самых красивых местах Красного Моря. Когда у них нет клиентов, они приходят сюда, на север, чтобы спрятаться в безлюдных *марса*, и в одной из них мы и встретились.

- Карло, луна заходит. Самое время для лангустов. - предложил Ренато вечером.

- Пошли. - я поднялся, изображая энтузиазм, которого на самом деле не испытывал. Я совсем не люблю нырять ночью. Мы уже пробовали вместе с Лиззи и каждый раз оставалось чувство опасности и того, что мы зашли слишком далеко. Но не хотелось разочаровывать Ренато, или просто не хотелось показаться трусом. И мы пошли в ночь на его надувашке, оставив позади огни наших лодок, которые качались борт к борту в тишине суданской *марса*.

Мы прошли километр или больше между извилистых берегов канала, едва видных в неверном свете пропадающей луны. Ренато смотрел вокруг, отыскивая ориентиры, которые только он мог заметить.

- Останавливаемся, а то рискуем подойти слишком близко к выходу в море. - Мы бросили якорь на коралловой платформе в двухстах метрах от берега и спустились в воду, теперь уже совершенно чёрную.

- Оставайся там, где мелко, не выходи за границу рифа. Смотри, там водятся хищники. - сказал мне Ренато, показывая рукой в сторону моря, на восток.

Действительно, считается, что акулы ночью идут охотиться на мелкую воду. Никто этого не знает наверняка, но у берега больших акул видят на рассвете и на закате чаще чем в дневные часы.

Поэтому мы остались на мелкой воде. Медленно плыли, обшаривая лучами фонарей рифовую платформу. Ночью вид кораллов очень меняется. Ночные существа приходят на смену дневным. Цвета исчезают, потому, что в них нет больше надобности и вода полна таинственных чёрных тварей. Блуждающие тени, фигуры, неясные контуры. Замечаю огромную серую мурену, выплывающую из норы. На какой то момент кажется, что она движется ко мне, но меняет направление и укрывается под глыбой извиваясь синусоидой. Тело скрыто и наружи остаётся только голова, до странности маленькая, которая глядит за меня злыми глазками. Постоянно вижу червеобразные существа блуждающие по дну странными волнообразными движениями.

Проходит пол часа. Ренато поймал шесть лангустов, я только двух, но когда он предлагает мне: «Что скажешь, возвращаемся?» я с удовольствием соглашаюсь.

На носу тендера мы оставили включенную лампу и теперь, когда луна скрылась, её слабый свет, единственное, что видно в кромешной тьме. Пльвём на свет и забираемся на борт с мокрыми мешками, полными лангустов, которые протестуя издают странные щелкающие звуки.

- Я проголодался. Надеюсь девушки оставили нам поесть. - говорит Ренато, маневрируя подвесником на малом ходу, удаляясь от рифа на глубокую воду. Я устраиваюсь на носу, чтобы показывать ему дорогу.

Ночь спокойная, ветер тёплый и ничего не видно. Кажется, словно нас завернули в занавеску из чёрного бархата.

- Попробуй с фонариком. - предлагает Ренато.

Я включаю его и направляю туда, где должен бы быть берег, но сноп света освещает пустоту и теряется в ней. В компенсацию, яркий свет режет глаза.

- Брось, так ещё хуже видно. - заключает Ренато.

Отказываемся от фонарей и двигаемся в темноте, пытаюсь угадать внешний край рифа, который определяет судоходный канал между кораллами. Мы должны двигаться вдоль него, пока не увидим огни наших лодок. Но это очень трудно. Кораллы угадываются в последний момент, как сероватые привидения под тонким слоем воды. Если будем держаться слишком близко, рискуем сесть на мель, если удалимся в сторону глубокой воды, рискуем потерять ориентировку. Вдруг тендер вздрагивает и слышится скрежет днища по кораллам, мы налетели на мелкий риф. Снимаемся с мели отталкиваясь шестом и идём дальше. Несколько раз удаляемся слишком и кораллы исчезают в неожиданно глубокой воде, и нет никакого ориентира, чтобы понять куда мы двигаемся, видимо во время одного из этих отклонений мы и ошиблись. Прошло пол часа, а огни лодок всё не появляются, не вижу ничего кроме темноты. Потом мне показалось, что я заметил что-то: «Смотри Ренато, лодки» но сразу пропало.

Слабый свет, как от погребальной лампадки. Не могу сказать на каком расстоянии. «Это не могла быть лодка» думаю я - «Слишком слабый свет». Но если это не лодка, то что это? И где мы чёрт возьми находимся?

Привидения, духи, разбойники. С трудом сохраняю ясность мысли. В глазах пляшут светящиеся пятна, которые накладываются на черный фон мира.

Продолжаем плыть. Ещё пять минут, десять. Ренато молчит. Молчу и я. Никто из нас не осмеливается признать правду: мы заблудились и находимся неизвестно где в лабиринте каналов и скал в неизвестном месте на пустынном побережье Судана.

Потом появляется молочное свечение, горизонтальными полосами. Не могу определить расстояние. Словно беловатые линии под поверхностью воды.

- Что это?

- Не знаю. Подойдём потихоньку.

- Эй. Это прибой.

- Это невозможно.

- Да точно.

Прибой мягко разбивается широким фронтом и теряется на рифовой банке. Это светящийся планктон сделал его видимым. Турбулентность разбивающихся гребней волн заставляет светиться миллионы мельчайших существ, которые подсвечивают воду изнутри. Волшебный, гипнотический эффект.

Трясу головой. Невозможно, внутри залива не может быть прибоя. Реальная картина начинает вырисовываться в моей голове. Прибой означает волны, волны – значит открытое море. Не могу объяснить, как это случилось, но видимо в какой то момент мы поменяли направление и, не отдавая себе отчёта, пошли по каналу выходящему в открытое море. Смотрю на небо и получаю подтверждение: Орион стоит низко и уже заходит справа по курсу. Если запад у нас справа, значит мы движемся на юг! И каждый пройденный метр удаляет нас от залива и от лодок.

- Стой, нужно возвращаться назад. - Но как мы теперь найдём вход в *марса*? Если вспомнить, как было трудно найти его днём, мысль о том, что придётся искать его сейчас, ночью, приводит меня в ужас. Оглядываюсь ещё раз по сторонам и обнаруживаю, что мир снова исчез. Его поглотила темнота и я нахожусь посреди пустоты стараясь сдерживать приступы паники.

- Попробуем поразмыслить. Мы шли примерно пол часа. Прошли три мили, может четыре. Все на юг?

- Зависит от того, когда мы поменяли курс.

- В любом случае мы не можем быть далеко от лодок, не больше пяти миль. - заявляю я, хоть совершенно в этом не уверен.

Думаю о Лиззи и Кристине: - Они могли бы решить отправиться искать нас и сами потеряться.

Решаем развернуться и отправляемся на север. Теперь кроме кораллов держим под наблюдением и звёзды. Если бы мы сделали это сразу, то поняли бы, что ошиблись направлением. Орион слева и мы снова следуем вдоль линии рифа, по уже пройденному ранее пути.

- Нужно идти так с пол часа, или минут сорок. - думаю вслух. - Риф должен повернуть влево. Мы это заметим, так как Орион будет прямо по курсу и это будет сигналом, что мы на входе в *марса*. Тогда прибор должен исчезнуть и это будет знаком, что мы вошли в проход.

- Сколько у нас бензина?

- У меня запасная канистра.

Я не видел, как Ренато взял ещё одну канистру. Предосторожность оказалась спасительной. Через сорок минут мы нашли вход в залив, а больше чем через час лодки. На борту нас ждут, а в это время там, в дали, Орион заходит за невидимые дюны.

3. Город призрак

«Суакин, это мёртвый город. Входишь через арку сложенную из больших камней, как в средневековых городах, с деревянным порталом, защищённую двумя пушками, и видишь внутри город с улицами дворцами и мечетями. И ни души. На башнях только орлиные гнёзда и вокруг только пустыня.»

Слова Ренцо, как яркие мазки кисти. Видение заброшенного города на берегу моря вставало перед глазами, живое и полное солнца, хотя вокруг нас была зима, холод и мрачный туман венецианской лагуны. Я слушал его, как слушают учителя. Ренцо рассказывал о ветре, о пустыне, о далёком мире, диком и прекрасном. Рассказывал, как на своей двенадцатиметровой лодке прошёл против ветра всё Красное Море и остановившись в заливе на Суданском побережье обнаружил мёртвый город Суакин.

Это был период, когда мы начали готовиться к нашей экспедиции. Лодка уже имела название - “Barca Pulita”, но в реальности ещё не существовала. Был проект, но не было денег. Целыми днями мы писали и звонили в поисках маловероятных спонсоров, контактировали с партнёрами не проявляющими интереса. В общем было трудно, и когда по случаю конференции в Триесте, Ренцо пригласил нас на уик-энд, мы провели два дня слушая его. Сердце моё питалось этими рассказами, и я делал заметки в большой зелёной тетради.

Прошли четыре года, и зелёная тетрадь с заметками лежит открытая на штурманском столике. Несколько минут назад мы оставили Порт Судан и направляемся на юг вдоль побережья. Море вокруг нас сказочное, точно как его описал Ренцо, но суша унылая и безлюдная.

Суданцы живут держась за скупую пустыню, под безжалостным солнцем, которое иссушает почву и угнетает жизнь. Пустыня кругом и в пустыне люди живут в дощатых хижинах или пещерах, вырытых в подножье серых каменистых гор. Менее бедные имеют верблюдов и коз и из молока получают всё необходимое. Самые бедные пасут верблюдов менее бедных и плату получают молоком.

Но если в пустыне не весело, то в городе ещё хуже. На пыльных улицах Порт Судана нет даже верблюдов, и в раскаленном воздухе чувствуется немая покорность.

Улицы завалены мусором, который никто никогда не побеспокоится убрать и нищие бродят пытаясь укрыться в тени падающих стен. Воды нет, гигиена неизвестна и редкие магазины пусты.

Мы стоим в порту на якоре (для нашей безопасности, как говорит начальник полиции), вдалеке от пирсов в таможенной зоне, куда суданцам вход запрещён. Но в компенсацию мы, чтобы сойти на берег, пойти в город, должны каждый раз спрашивать разрешение у начальника таможни.

Во время одного из походов в поисках провианта неожиданный запах хлеба заводит нас во двор среди полуразрушенных домов. Под навесом из дырявого металлического листа (всё равно здесь никогда не бывает дождя), в полумраке чёрные руки замешивают пышное тесто для хлеба. Маленькие белые буханки пекутся на полу, в нише окружённой углями и издают дурманящий запах. В обмен на пачку ничего не стоящих банкнот покупаем мешок ароматных, ещё горячих хлебцев. Ещё до того как выйти, мы уже проглотили по одному, с аппетитом людей, которые уже несколько месяцев не ели свежего хлеба, и хлебопёки смотрели на нас с любопытством и гордостью.

- Как вкусно.

- Возможно мы взяли слишком много.

- Пока наедемся вволю. Остальное можем высушить.

Позже, под светом палящего солнца, мы разглядели, что хлеб просто нафарширован крохотными насекомыми.

- Да ладно. Ничего страшного. Они же печёные, жар их простерилизовал.

- Да, да. Но есть их я больше не буду - решает Лиззи.

- И что с ним делать? Не выкидывать же?

- Подожди...

Достаточно было предложить кусочек ребёнку, как в несколько секунд мы были окружены толпой менее привередливых чем мы, и освободились от проблемы.

Потом мы нашли рынок. Кривая линия полупустых повозок, где каждый продавец выложил перед собой своё маленькое сокровище из разношерстного товара. Подпорченная морковь, два три клубня подозрительного вида, горка репы покрытой земляной коркой, которая потом оказывается свеклой, капуста и так далее. Покупаем всё, переходя от одного к другому, потому что чтобы набрать три килограмма моркови или пять килограммов свеклы пришлось закончить запасы у четырёх разных торговцев.

В конце мы даже нашли старика с корзиной грейпфрутов, огромных как дыни. Я их сразу узнал.

- Смотри Лиззи. Маркизские грейпфруты.

Точно такие мы первый раз пробовали на Маркизских островах. Мы пришли на “Vecchietto”(наша первая лодка) с Галапагосских островов, преодолев половину Тихого Океана, пробыли в море двадцать восемь дней, и все двадцать восемь дней не видели ни земли, ни лодки, ни живого человека. Во время такого длинного перехода на лодке кончается всё. Сначала заканчиваются свежие овощи, потом хлеб, яйца, лимоны, картошка, лук. В конце концов остаётся только рис, полный насекомых, вылупившихся за это время, порошковое молоко, сухие бобы и консервы. И ничего удивительного, что с появлением земли желания и ожидания становятся прозаическими: волнение встречи с новым миром на время уступает место желанию поесть, мяса, свежих овощей.

Мы зашли в небольшую бухту Атуона и встали на якорь, глядя по сторонам, растерянные, очарованные яркой зеленью земли и с удивлением ощущая под ногами неподвижную палубу после стольких дней качки. Вёсельная лодочка подошла к нашему борту, привезя в подарок нам батон хлеба и грейпфрут.

- Welcome. - сказал человек и сразу удалился.

Грейпфрут был точно такой, какие мы нашли в Порт Судан в корзинке у старика. Кожура губчатая и толстая, больше сантиметра, хорошо защищает их от окружающей среды и позволяет хранить их много недель. Внутри скрываются большие мясистые дольки с розовой плотной мякотью с привкусом земляники и лесных ягод. Короче говоря, это было, как найти сокровище, тем более, что уже несколько недель мы не видели фруктов и ещё месяцы не

рассчитывали найти их. Тем временем с десятков плохо одетых юношей окружают нас, споря за право нести наши корзины с овощами. Мы предпочитаем нести сами, как всегда делали, но от них нелегко избавиться. Нам немного страшно: их много и они голодные, а мы, как всегда только вдвоём.

Возвращаемся с кортежем, сопровождаемые колонной носильщиков, как путешественники колониальной эпохи. На обратной дороге удалось купить сливочное масло: оно упаковано в большие голубые банки с жёлтыми звёздами и надписью: *Помощь Европейского Сообщества суданскому народу, продажа запрещена*. Видимо оно прибыло с судном гуманитарной помощи и теперь жулики продают его на уличных углах.

Мы останемся всего на несколько дней. В зоне порта запрещено фотографировать и нельзя сойти на берег без письменного разрешения портовой полиции. Запрещено приближаться к судам стоящим у пирсов. Запрещено выходить из города. Воды нет. Бензина и дизтоплива нет. В аптеках пустые полки. И в довершение, каждый раз когда возвращаемся на борт, вооружённый охранник грязными руками шарит в мешках с тем немногим, что удалось купить.

Каждое утро с лодки наблюдаю процессию людей, спускающихся помыться в порту. Вода здесь затхлая и дурно пахнет, но другой нет и они с удовольствием заходят в море - мужчины с голым торсом, женщины одетые с головы до пят. Делают несколько шагов и садятся, наружи остаётся только голова. Так можно раздеться и помыться, укрывшись от чужих взглядов мутной водой. Подумать только, кто-то мне говорил быть осторожнее, так как в порту полно акул...

Теперь Порт Судан просто красное пятно на берегу пустыни, в окружении дюн, холмов и гор. Зелёная тетрадь с заметками Ренцо лежит открытая на штурманском столике, мы идём курсом на юг. Примерно через тридцать миль мы должны найти город Суакин.

Едва мы вышли из порта, вода под килем снова стала прозрачной и поверхность моря играет золотыми бликами. Какой контраст между чистотой моря и безнадёжностью городского агломерата! И море опять пустынно, только одно судно.

- Смотри, судно. Кажется стоит.

- Наверное контрабандисты.

- Не думаю, слишком близко от берега.

Один раз, именно в этих местах у нас уже была странная встреча. Мы шли на “Vecchietto”, поднимаясь к Средиземному морю в конце нашей первой кругосветки. В море заметили судно, казалось оно дрейфует, по крайней мере не на ходу и стоит поперёк ветра. Это тревожный знак. Суда не останавливаются просто так посреди моря. Мы находились в двадцати милях от берега, на границе территориальных вод и шли в бейдевинд, при сильном ветре и большой волне. Идя своим курсом мы должны были пройти слишком близко у них по носу. Мы решили связаться с ними по радио.

- Парусная яхта, парусная яхта вызывает судно. Не можем понять ваш манёвр. Подтвердите, что вы не на ходу.

Ответ пришел сразу и был для нас холодным душем:

- Sailing boat, keep away, keep away. - Голос говорил по-английски, но акцент был индийский или пакистанский и тон не вызывал желания дискутировать. Мы повернули без всяких возражений, потому что в море так: территория без законов, где правила часто диктуются только с позиции силы.

Позже мы узнали, что судно за территориальными водами это плавучий рынок оружия, снабжающий Сомали.

Однако сегодняшнее судно, кажется банальный контейнеровоз, и я корректирую чуть-чуть курс так, чтобы пройти от него на небольшом расстоянии.

Море гладкое как озеро и плавание кажется просто отдыхом.

«Внимание» говорит лоция, «зона вокруг Порт Судан полна опасностей». Действительно, десятки отдельно стоящих коралловых барьеров поднимаются со дна как подводные грибы и

стоят невидимые, пока не подойдёшь к ним вплотную. Иногда их замечают слишком поздно и всё Красное Море усеяно остатками кораблекрушений: судами, лодками, паромами, которые лежат на рифах как привидения, красные от ржавчины. Самые ранние из них даже указаны на морских картах, потому что видны из далека и в местах таких как это, где нет ни буев, ни маяков, даже сидящее на мели судно может быть полезным, сигнализируя о наличии рифа, на котором оно сидит.

Тем временем мы приблизились к контейнеровозу и уже можно различить краны на палубе, контейнеры и якоря под носовым свесом, которые блестят на утреннем солнце. Странно. Судно слишком неподвижно для стоящего на якоре, и морская вода по мере приближения неожиданно меняет свой цвет. Из синей становится голубой, потом зелёной с желтоватыми пятнами. На какой то момент это меня озадачивает, не могу найти объяснения этому феномену. Может быть рыба стая? Может быть манти – пытаюсь найти объяснение жёлтым пятнам. И вдруг до меня доходит:

- Поворачивай, Лиззи! Поворачивай, скорее поворачивай! - ору и бегу отключать ветровой рулевой и отдавать оттяжку фиксирующую гик.

- Какого чёрта... - Лиззи, лежавшая на палубе со своим дневником, понимает на лету, бросает всё и хватается шкоты стакселей, в то время как я, переложив руль полностью на другой борт, повисаю на гика шкоте, чтобы хоть как-то смягчить переброс гика на другой галс. “Barca Pulita” поворачивает через фордевинд, меняет направление на девяносто градусов и ложится на курс параллельный контейнеровозу, застрявшему навечно на коралловой банке всего в пяти милях от берега.

- Ты что, его не видел?

- Да совсем ничего не было видно. Только в последний момент увидел, что цвет воды меняется.

- Ты только посмотри, должно быть это недавно случилось.

- Странно что его ещё не разграбили.

Судно словно только что прибыло, кажется, что экипаж оставил его всего несколько часов назад, и никто пока не нашёл способа прийти и забрать контейнеры.

Ужас. Они, как и мы не видели рифа. И если ошибаются они, имея самые свежие карты, современные инструменты, радар и т. д., как мы можем претендовать избежать ошибок?

Продолжаем идти с гораздо большей осторожностью, проверяя каждую минуту своё положение, сравнивая его с картой и безостановочно оглядываясь вокруг.

- Это должно быть Фауад риф. Видишь его? Вон там, где вода слегка светлее. Вон то судно на мели вдалеке не отмечено на карте. А через две мили слева должна быть большая отдельная банка.

Я рассуждаю вслух. Лиззи делает вид что слушает, хотя она погружена в записи. Неважно. Я разговариваю с ней, чтобы не потерять концентрацию. Лодка плывёт, день клонится к закату и риф тянется в море играя бесчисленными оттенками синего и голубого.

Уже почти закат, когда мы входим в канал углубляющийся в глубь берега и в глубь пустыни. Думаю о словах Ренцо: *«Входишь через арку сложенную из больших камней, как в средневековых городах, с деревянным порталом, защищённую двумя пушками...»*

- Но куда же подевался город? Канал ведёт на юг, вклиниваясь в пустыню между безымянными отмелями серого песка. Ширина канала примерно сто метров и глубины кажется достаточно, но вода мутная, и чтобы не рисковать, приходится идти очень медленно. Город не появляется.

Потом канал сужается. Тянется между серых берегов, иногда попадаются хижины, видимо нежилые. Коричневая вода не позволяет видеть дно, и мы двигаемся всё медленнее, не отрывая взгляда от эхолота и соревнуясь с солнцем, которое быстро спускается к горизонту. Если оно зайдет прежде чем мы доберёмся до места, будет совсем нехорошо.

- Сколько ещё? – спрашивает Лиззи.

- Не знаю, здесь написано только следовать каналом. – отвечаю я, поднимая глаза – Смотри, там справа кажется более светлая вода!

Лиззи резко переключается румпель влево. Длинная песчаная коса вытянулась перегородив почти весь канал. Проходим её едва не касаясь противоположного берега.

-Ух... На волосок. И что теперь?

Идти дальше всё более рискованно, но и остановиться нельзя – недостаточно места чтобы встать на якорь. Не остаётся ничего другого как продолжать, надеясь что информация верна, что канал за эти годы не занесло песком и что он не будет дальше сужаться. Проходим ещё одну излучину, ещё одну... и открывается невероятное. Островок абсолютно круглой формы, перед которым водная дорога останавливается и раздваивается, охватывая его. И на острове стоит город с башнями, арками, мечетями и большим порталом, защищённым пушками. Я забираюсь на мачту и с высоты вижу аккуратные улицы, пересекающие его с одного края до другого, большие здания, частично обрушенные, свидетельствующие о невероятном великолепии древности.

-Эй, проснись, куда мне идти? Голос Лиззи возвращает меня к реальности. И к проблеме не терпящей отлагательства, найти место где поставить лодку на якорь, прежде чем стемнеет. Лиззи стоит на руле в нерешительности, направиться в правый рукав или в левый. Я на мачте пытаюсь направлять её. Между каналами нет большой разницы. Оба кажется делятся ещё немного и видимо занесены песком, словно они выполнили свою задачу, достигнув мёртвого города. У нас очень мало пространства для манёвра и осталось совсем мало света. Выбираем правый канал, который кажется чуть шире. Восточный берег, на котором находится Суакин, не отстоит и на пятьдесят метров от западного, на котором только пустыня. Места недостаточно, потому что если бросить якорь в центре, ветер может вынести нас на один или другой берег. И всё таки я знаю, что торговые суда, в своё время, заходили сюда! В конце концов находим решение: становимся на два якоря. Один с носа, на краю канала, у самой пустыни, другой с кормы, у самой каменной арки, которая представляла собой северный вход города. Таким образом “Barca Pulita” стоит поперёк и закрывает весь проход, удерживаемая в центре двумя якорями, которые тянут в противоположных направлениях. Думаю именно так стояли на якорь суда древних купцов.

Маленький Тай толкает гигантские ворота, которые скрипят и кажется сейчас развалятся, и делает знак входить. Несколько шагов и мы оказываемся в призрачном мире: заброшенные дома, наполовину обрушенные, грифы летают кругами и издают пронзительные крики, ветер свистя носит песчаные вихри от одних развалин к другим.

Тай, это мальчишка восьми лет, который вышел нам на встречу на своём ветхом каноэ, таком же маленьком как и он сам, когда мы на тендере подходили к острову в поисках места где причалить. Он сделал знак следовать за ним, что то хочет нам показать. И вот, за тяжёлыми воротами то, что осталось от Суакина, некогда процветающего порта на Красном Море. Здесь торговали золотом, слоновой костью, специями, страусиными перьями, здесь был крупный рынок рабов. Жители города были богаты, они построили свои дворцы из коралловых глыб но спроектировали их как в Венеции или в Константинополе, украшая арками, коваными решётками, куполами и цветной плиткой. Потом неожиданно всё закончилось: суда стали слишком большими для маленького фиорда, в другом месте построили новый порт и Суакин был заброшен. Со временем ветер пустыни несущий песок стал подтачивать дома, и они, кирпич за кирпичом начали рушиться.

Тай перенял от своего деда историю Суакина. Перебегая от одной кучи обломков к другой он поясняет: здесь был минарет большой мечети, это колонны дворца правителя, а вот это ворота крытого рынка. Его дедушка ещё помнит времена, когда Суакин был жив. И может быть, кто знает, древние жители Суакина возвращаются сюда в ночи полнолуния и развлекаются в своих старых дворцах.

Малыш ведёт нас мимо остатков аркад, переступает пороги, за которыми теперь ничего нет. Для каждого развалин у него есть соответствующие названия, которые позволяют ориентироваться в лабиринте улочек: “Slaves, stores, chief, camel”.

С этим последним словом он выводит нас через другие ворота и мы снова в пустыне перед узким перешейком, длиной несколько десятков метров, который соединяет остров с материком. Сразу же за перешейком огромное пространство окружённое стенами, по большей части разрушенными, древний караван-сарай. Здесь останавливались караваны верблюдов и колонны рабов в ожидании продажи на аукционе: в город впускали только свободных людей и ценные товары.

Чуть дальше находится новый посёлок. Новый, если можно так сказать, потому что это всего лишь группа лачуг вдоль грязной и пыльной дороги, полной мусора и колдобин. Портной выставил посреди дороги свой древний «Зингер» с педальным приводом. Босая нога выглядывает из под белого балахона и ритмично двигается в такт с движением иглы. В грязных лавчонках продают овечьи шкуры, ещё свежие, покрытые мухами, неизвестные крупы в круглых корзинах посреди дороги, мелкий древесный уголь вперемешку с тараканами, почерневшую керамическую посуду.

Тай похоже недоволен нашими исследованиями за пределами города и старается вернуть нас назад, пытаясь что-то объяснить:

- Вукга, вукга... - завтра.

- Но почему завтра?

- Может он просто хочет сказать что уже поздно?

Солнце опять опустилось низко над пустыней, и небо за коралловыми руинами стало тёмно голубым. Чтобы вернуться туда, где мы оставили тендер, мы снова должны пройти через брошенный город. Мальчик прощается с нами у ворот, и его бесконечное «bukra» заставляет нас предположить, что завтра утром мы опять встретимся.

В самом Суакине тени облаков летящих по ветру оживляют старые дворцы. Это игра узоров и кружев. Дряхлый минарет кажется качается и невидимая рука непрерывно открывает и закрывает арку ограничивавшую территорию складов специй.

Вдруг из за угла в полумраке материализуется человеческая фигура, одетая в длинные белые одежды, лицо чёрное, испуганный взгляд. Суёт руку под короткую жилетку из тёмной ткани и в лунном свете блестит лезвие кинжала. Кровь стынет у меня в жилах, пытаюсь восстановить в голове кратчайший путь в лабиринте улочек до нашей надувашки. Потом думаю, что он наверняка знает дорогу лучше, и убежать не удастся. Инстинктивно укрываюсь за спиной Карло, который схватил меня за запястье и тянет вниз, притягивая как можно ближе к себе.

Проходит пара бесконечных секунд, прежде чем наконец могу разглядеть лицо мужчины. Вижу, что он испуган больше нас. Стоит неподвижно, раскрыв рот и, кажется, готов с момента на момент удариться в бегство.

- Салам алейкум – приветствую я его.

- ...алейкум ассалам.

Он не ожидал. Лицо расслабляется и изображает некое подобие улыбки. Приближается к нам, всё так же с обнажённым кинжалом и уже более твёрдым голосом заявляет:

- “Talatamia dinar!” триста динар.

- Он хочет просто продать нам его?

- Думаю да...Всё таки мы немного чокнутые!

Очень красивый кинжал, с костяной ручкой, раздваивающейся на два завитка, кожаные немного воняющие ножны, закрывают острый сужающийся клинок, хоть и слегка ржавый.

Мы так испуганы, что даже не торгуемся, хотя триста динар для суданца это целое состояние. Карло вытаскивает из кармана деньги, отсчитывает и суёт мужчине, который не верит своим глазам, забирает у него кинжал и тащит меня к тендеру, который заждался нас. Старый суданец остаётся там, в белом балахоне, разглядывая своё сокровище в свете луны.

На следующий день встречаем Тая у ворот. Он кажется спешит и ведёт нас короткой дорогой между коралловых глыб, через дворы старых дворцов, к перешейку.

На той стороне видно движение множества людей. Сюрприз. Пространство внутри караван-сарая, которое вчера было пусто, теперь полно верблюдов мужчин, женщин и детей. Верблюды, стоящие и лежащие жуют или дремлют. На огромных шерстяных коврах коричневого и бежевого цвета в одном углу спать дети, в другом, сидящие на корточках женщины продают ткани, одежду, благовония и кожу.

Одежды у бедуинок очень ярких цветов. Юбка, состоящая из нескольких зелёных, красных и жёлтых лоскутов с золочёной, чёрной или красной каймой и тёмно-красная блузка. Две чёрных бархатных накидки с серебристым краем покрывают голову, лицо и плечи. Видны только глаза, и чёлка из чёрных блестящих завитков на лбу.

- И откуда они появились? – Я ошеломлена цветастой толпой.

- Не знаю, из пустыни.

Вот, всегда так. Как мы не стараемся всё задокументировать, каждый раз, когда прибываем на место, что-то от нас ускользает. Как бы мне хотелось узнать побольше об этих людях! Видно, что это кочевники пустыни. Вид у них гордый и воинственный. Мужчины вооружены длинными саблями, которые носят на поясе или оставляют притороченными к верблюжьим вьюкам. Конечно, они тоже бедны, если бедными считать людей не имеющих дома, автомобилей и электроприборов. Но бедными они не кажутся. По их манере двигаться, по тому как они смотрят в глаза, уверенно и без смущения, понимаешь, что им всего хватает.

У бедуинских женщин очень красивые украшения. На голых руках виднеющихся из под бархатной накидки у каждой выше локтя красуется пара серебряных браслетов. Все браслеты украшены резьбой, а некоторые инкрустированы лазурью и бирюзой. Еще браслеты на запястьях и по серебряному кольцу на каждый палец. На шее великолепное кольцо из янтаря, серебряных подвесок и в центре старинная серебряная монета.

Я останавливаюсь у одного из ковров и женщина, продающая ткань, предлагает мне свои кольца. Я хотела бы её кольцо, но ничего не поделаешь, оно не продаётся. Показывает мне на группу мужчин собравшихся в углу караван-сарая. Водой из кожаного бурдюка они моют руки перед молитвой. Если я правильно поняла, кольцо это что-то вроде обручального кольца.

Подходят другие женщины, предлагая браслеты, которые они носят на запястьях. Они состоят из двух полуколец шириной около двух сантиметров соединённых штифтом. Застёжка – винт, спрятанный под пластинкой в форме цветка с бирюзой в центре.

Начинается долгий торг, они хотят по пятьсот динар за каждый браслет, но у меня, к сожалению, мало денег. Доллары здесь неизвестны и тогда я предлагаю обмен. Первое, что у меня просят, это моё кольцо, но я тоже не могу отдать его. Чтобы дать им понять, пытаюсь снять, но оно не снимется. Отчасти от жары, отчасти от всех этих верёвок, которые мне пришлось тянуть при бесконечных поворотах в последние дни, руки ужасно раздулись. Женщины поражены, и понимают, что кольцо мне надели на палец ещё в детстве.

В рюкзаке, который у меня с собой есть расчёски, шапочка, спички, сигареты (хоть я и не курю, но всегда ношу, чтобы угощать), освежающие салфетки и даже баночка крема Nivea, которую я ношу с собой неизвестно сколько времени.

При виде моего товара, все хотят продать мне что-нибудь. Мне предлагают кольца и браслеты, а самая предприимчивая посылает за мужем, который приходит с саблей и страусиным яйцом.

Все смеются, шумят, хлопают друг друга по спине. Женщины периодически достают грудь из под бархатной накидки и кормят детей, когда те начинают капризничать. Постепенно каждый получает желаемое. Наши покупки: страусиное яйцо, сабля и несколько браслетов. Последний кусочек Судана, который увезём домой.

После Суакина мы возьмём курс на порт Массава, на Эритрею.

4. Женщины на войне

Широкий подъезд погружён в полумрак. У лестницы стёртые ступеньки и расшатанные перила. На втором этаже Абеба останавливается перед дверью и стучит, крича что-то на гортанном наречии. Появляется девушка, высокая и худая с приятным лицом. Она уже поняла, кто эта иностранка, что стоит перед ней и на церемонном английском приглашает меня войти. Мы входим в длинный коридор, который дальше поворачивает под прямым углом. Высокие потолки и стены цвета упаковочной бумаги, пестрят пятнами отвалившейся штукатурки. В середине коридора окно, выходящее на лестницу. Стёкла в нём заменены кусками картона. В полумраке различаю двери, но свет виден только из комнаты в самой глубине коридора. Любезная девушка показывает нам дорогу и жестами головы и рук, сопровождаемыми “Please” и “Welcome” ведёт нас к свету.

Заглядывая изподтишка в другие двери, вижу комнаты, совершенно пустые, кроме санузла, где возвышается облупленная ванна на ножках. Освещённая же комната является одновременно кухней, спальней и салоном. Лампа, свисающая с тёмного потолка, отбрасывает приглушённый свет а от керамической печи периодически исходят красные отблески.

Абеба приветствует всех присутствующих по очереди, наклоняясь и троекратно целуя их в щеки, потом берёт меня за руку и тянет к соломенному тюфяку, на котором сидит пожилая женщина.

- Это мама. Поприветствуй её, пожми ей руку.

Удивительная старушка. Посеребрённые волосы разделены на множество косичек, которые проходят полосами по голове и расширяются гривой к плечам, сильные серые глаза стального цвета улыбаются. Ладони и ступни выкрашены в тёмно-красный цвет, тонкое прямое тело обернуто белой марлей. Ещё две молодых женщины в брюках и свитерах, и на углу того же тюфяка, на котором сидит старушка, свернувшись клубочком и сунув палец в рот, спит девочка.

С улыбками и фразами на английском языке девушка готовит нам кофе. Мама отодвигается на край тюфяка и мы с Абебой садимся рядом.

Какое приятное тепло. Здесь, в Асмаре, когда заходит солнце становится жутко холодно, чуть больше десяти градусов. Уже почти Рождество, и хоть мы близко к тропикам, мы так же на 2500 метров выше уровня моря.

Приехать из зноя Массавы в одних джинсах и футболках было опрометчиво. “Barca Pulita” осталась на якоре посреди порта а мы приехали сюда. Дорога длинной чуть больше пятидесяти километров подняла нас с уровня моря на эфиопское плато.

Едва мы прибыли, Карло заболел. Уже два дня он в постели с высокой температурой и завтра ему предстоит тест на малярию. Я провожу дни отчасти составляя ему компанию в гостиничной комнате с тёмными полами и стенами цвета охры, отчасти просто брожу по улицам.

Старые Multipla 600 и 1100 припаркованы вдоль тротуаров, на маленьких улочках часовые мастерские, булочные и кондитерские. Во всех уголках города разбросаны виллы в которых раньше жили богатые итальянские бизнесмены. Есть рынок специй, овощной, старой мебели и рынок на котором продаётся всё железо использовавшееся на войне. Есть проспект, который раньше назывался – проспект Италия, потом Муссолини, теперь называется – проспект Освобождения. И есть бары: бар Рома, бар Каффе Централе, бар Италия, бар Альба. Войдя внутрь, словно попадаешь в прошлое. Мраморные или из нержавеющей стали стойки, кофейные машины Фаэма, ещё огромные, округлой формы, с рукояткой, которую нужно потянуть вниз, чтобы получить кофе. Миксеры с механической частью закрытой цветным пластиком и с хрустальным бокалом, круглые столики с металлическими ножками и пластмассовыми столешницами пастельных цветов. Стулья тоже из пластика и металла, а

вместо двери что-то вроде ширмы из цветных полосок, вроде тех что ещё можно встретить у нас в сельских магазинах.

В одном из этих баров я и встретила Абебу. Я зашла перекусить. За стойкой стоял мужчина, чернокожий, седые волосы, спокойная улыбка и глаза, горячие и хитрые.

- Добро пожаловать. Могу поспорить, что ты хочешь горячий капучино

Он не сомневался, сразу заговорил по-итальянски, как собственно и все, кто останавливал меня на улице, чтобы поприветствовать.

В Асмаре пока ещё нет туристов и немногие белые, которые живут здесь всю жизнь, знакомы всем. Естественно, что я, с моим нелепым аварийным одеянием против холода, вызываю всеобщее любопытство. И никто его не скрывает. На улице меня все приветствуют, белые и чёрные, и без всякого колебания начинают говорить по-итальянски.

- Я учился в итальянской школе.

- Я работал с итальянцами.

- Я десять лет жил в Италии, а теперь вернулся.

- Мой муж был итальянец, и я тоже итальянка.

Чувствуешь себя просто как дома. Так же холодно и кругом рождественские украшения, простые и наивные, как те, что мы делали дома, когда были маленькими.

- Капучино! С тех пор, как мы отправились из Италии я не выпила ни одного! – начинаем мы болтать с седым мужчиной в баре. Я рассказываю ему о лодке, о путешествии, что прибыла в Эритрею несколько недель назад и почти всё время провела в Массаве.

- О, Массава больше почти не существует. Раньше она была красивой! Её построили итальянцы. В порт: заходили роскошные суда полные элегантных людей со всего света.

На стенах за моей спиной висят старые фотографии Массавы. Пассажирское судно и военный корабль с поднятыми флагами расцветивания пришвартованы у пристани, много зелени и цветущие клумбы. Набережная, где с одной стороны видны припаркованные шикарные автомобили а с другой барные столики, женщины в белых одеждах, мужчины в соломенных шляпах, зонты и закрытые веранды – неузнаваемо.

Теперь там, в порту стоят суда FAO, разгружающие гуманитарную помощь, мешки с мукой, да маленькие деревянные лодки – самбуки, грузящие овец, чтобы везти их в Мекку. Посреди порта два эфиопских судна, затонувших во время войны и здания вокруг несут на себе отметины сражений. Стены портовых и таможенных офисов испещрены отверстиями от пулёмных пуль, половина главного фасада белого здания, которое раньше было Центральным Банком, обрушена, великолепный дворец Nailé Selassié, в центре маленького круглого островка, сияет голубым блестящим куполом, разрушенным пушечным выстрелом.

В то время как я пью мой капучино с мягкой булочкой с повидлом и сахарной глазурью – совсем как те, что я ела в детстве в Генуе – неожиданно с улицы доносится звук взрыва. Может быть это просто глушитель старого авто, но я подскакиваю. От одного из столиков доносится голос:

- Не беспокойся. Уже два года как не стреляют.

Это девушка. Чёрная, полноватая, одета по европейски, неопределённого возраста, между двадцатью и тридцатью.

- Меня зовут Абеба. Я говорю по-итальянски, потому что училась в итальянской школе. Потом правда пришлось бросить.

И за несколько минут рассказывает всю свою историю, тесно связанную с событиями страны: эфиопы, DERG¹, сражение у Керен, Массава, освобождение.

- Ты тоже воевала?

- Нет. Я, нет. Я хотела сбежать. Но одна моя подруга... Как это сказать по-итальянски, которая участвует в сражениях...

- Солдат?

- Да нет. Солдаты были эфиопы. Мы были...

- Партизаны?

- Да, правильно. Она была партизанка. Её зовут Зеуди, она живёт рядом. Если хочешь я отведу тебя к ней.

- Хорошо... когда?

- Сейчас, если у тебя есть время. Сейчас пять часов, мы застанем её дома.

Сразу, как только Абеба заканчивает свой чай, мы вливаемся в движение озябшего проспекта. Она поворачивает направо, потом налево и мы входим в старые ворота. И вот мы пьём кофе, едим лепёшки, сидя на тюфяке в этой тёплой уютной кухне.

- Вот моя подруга партизанка – начинает Абеба, представляя одну из девушек в брюках. Она очень красива, только лоб прочерчивают мелкие морщины.

- Мы с Зеуди знакомы с детства. С самого рождения мы только и слышали разговоры о войне. Эфиопские солдаты постоянно ходили по городу. Иногда они забирали какую-нибудь девушку, и больше о ней никто ничего не слышал, либо она возвращалась избитая и изнасилованная. Родители от страха не выпускали нас на улицу. Многие были рады, когда их дети уходили к партизанам. Лучше рисковать жизнью на войне, чем подвергаться насилию эфиопов.

- Жить в Асмаре, особенно молодым девушкам было ужасно. В восемнадцать лет мы решили сбежать. Украли свадебные золотые серьги своих матерей и пошли продавать их ювелирам, которые держат лавки возле рынка. Мы хотели уехать подальше и направились на север в сторону Судана. - Ты знаешь Судан, была там? – спрашивает Абеба.

Когда месяц назад я прибыла в Эритрею, как раз из Судана, первое ощущение было – освобождение от чувства подавленности которое витало там. Здесь та же бедность, но воспринимаемая, как нечто случайное, временное, как нечто, что завтра станет меньше а послезавтра ещё меньше. Как прекрасен оптимизм и гордость эритрейцев в сравнении с немой покорностью суданцев. Какая активность и человеческое тепло на разрушенных улочках Массавы в сравнении с тотальной инерцией и убожеством Порт Судана и Суакина. В Массаве есть разрушенное почтовое отделение со следами пуль на фасаде, но оттуда я звонила домой Маргарите, и оператор давала мне информацию на итальянском. Во всём Порт Судане не было ни одного телефона.

Но Абеба и Зеуди представляли себе Судан, одно из самых бедных и заброшенных мест какие я только видела, землёй обетованной в сравнении с Асмарой и с Эритреей, где они родились и где война всегда была у дверей дома.

Зеуди и Абеба убежали из дома и почти сумели добраться до границы когда наткнулись на колонну партизан. Их приняли за шпионов и взяли в плен. Но Абеба заболела. Партизаны её подлечили и оставили у миссионеров в ближней деревне. Зеуди же заставили вступить в отряд и она осталась. В одном только она была уверена, что никогда не хотела бы вернуться в Асмару.

Так две подруги расстались и больше пяти лет ничего не слышали друг о друге.

Зеуди говорит только на тигрино и в разговоре её переводит Абеба. Эту историю они рассказывали вместе уже тысячу раз и Абеба рассказывает наизусть приключения подруги, та только изредка вставляет некоторые детали.

Партизаны большей частью были молодые люди, ровесники Зеуди, многие из них девушки. Жизнь была тяжёлая. Перемещались чаще всего ночью, чтобы не быть замеченными неприятельским патрулем. В горах и скалах не существовало троп. Днём прятались живя под землёй, в траншеях и землянках, которые партизаны нарыли за тридцать лет войны. Под землёй были госпитали, обучались врачи, медсёстры, планировались диверсии, помощь, координировались действия различных групп FLE (Фронт Освобождения Еритреи).

Зеуди научилась пользоваться оружием. Её научили наводить, прицеливаться, твёрдо держать автомат, чтобы не вскидывало при выстреле. Она научилась оказывать помощь раненым и подготавливать боеприпасы. Казалось это не очень сложно. И, наконец, она приняла участие в своей первой операции.

Эфиопские солдаты провели рейд в деревне, где они думали скрываются эритрейские повстанцы, и убили пять человек. Группа Зеуди отправилась по следу патруля и преследовала их шесть дней и шесть ночей, перестреливаясь на расстоянии. Достать эритрейцев в их непроходимых горах было невозможно. В конце концов эфиопские солдаты попали в засаду. Зеуди должна была перезаряжать автоматы и сидела укрывшись за скалами, когда увидела неприятельского солдата и навела на него калашников.

- Я нажала на курок...Помню до сих пор выражение ужаса и боли на лице солдата, слышу его крик, вижу тёмные пятна, выступающие на одежде, поднимающуюся пыль. Потом у меня всё закружилось, я провалилась в темноту и ничего больше не видела. Когда пришла в себя, девушка, которая была со мной, сказала что это от того, что в первый раз. Со временем станет легче и проще.

Девочка спавшая на краю тюфяка посасывая палец, проснулась. Она очень маленькая, примерно двух лет. Поднялась и устроилась на животе Зеуди. Распахнула кофту, пошарила под рубашкой, достала грудь и принялась её сосать. Зеуди продолжает свой рассказ, лишь обняла одной рукой девочку и помогла расстегнуть рубашку. Совсем не изменилось выражение её правильного лица, не смягчился взгляд немного грустных глаз. Она продолжает рассказывать через Абебу о пяти годах проведённых с партизанами: о ночных переходах, боях, о раненых, которым нужно было оказывать помощь, о убитых эфиопских солдатах, о пленных, о обмене их на партизан, о Текле.

- Вначале я боялась партизан, но вскоре они стали моей новой семьёй. Сражаться было необходимо для нашей земли, для нашего народа, чтобы не было больше детей таких как я, рождённых и выросших в войну. Сначала я не понимала всего, что говорят о Фронте освобождения, о необходимости международной помощи, чтобы вернуть Эритрею её народу, но чувствовала, что они делают правое дело. Люди в деревнях обожали партизан. Старики и дети проделывали километры дороги, чтобы передать нам пакет муки, козу или немного молока.

Пока Зеуди рассказывает о мёртвых, раненых, о крови, девочка сосёт грудь, счастливая, далёкая от всего этого, иногда оглядываясь вокруг угольно чёрными глазами, словно чтобы убедиться, что всё по прежнему на своих местах.

В комнате находятся мама, Зеуди со своей дочкой, две сестры, Абеба и я – все женщины. Здесь женская компания это не выбор. Это традиция, а теперь и грустная неизбежность. Отец девочек умер уже давно, их единственный брат не вернулся с войны, как и Текле – отец малышки.

Он был старше Зеуди. Он научил её многому, а она лечила его после ранения. Они полюбили друг друга и были вместе пять лет. Текле объяснил Зеуди истинное значение борьбы за освобождение. Как важно для достижения независимости своей страны, чтобы эритрейский народ оставался единым. Зеуди едва умела читать и писать. Она была старшей дочерью и начала рано работать, чтобы помогать родителям и братьям. Текле стал для неё учителем. Он доставал книги и помогал ей их прочитать и понять и потом доставал новые.

Когда Зеуди заметила, что ждёт ребёнка, все были счастливы: она, Текле, их товарищи. Даже посреди войны ребёнок это всегда плод любви, обещание будущего. Может ему доведётся жить в независимой стране и в мире.

Но прежде чем закончилась война, эфиопская пуля настигла Текле, попав ему в голову. Это случилось днём. Вместе с другими он отправился на разведку окрестностей лагеря и они наткнулись на вражеский патруль. Текле погиб первым. Два других его товарища были серьёзно ранены и только третий сумел вернуться и принести известие.

Зеуди тоже хотела умереть. Она не ела, не разговаривала, не хотела не вставать не двигаться.

Прошло несколько месяцев, когда пришло известие. Известие, которого они ожидали тридцать лет: Еритрея свободна. В Эфиопии было свергнуто правительство, диктатор

Менгисту в изгнании, Эфиопия освобождённая от диктатуры освободила также Эритрею от гнёта завоевания и возвратила ей независимость.

- Невозможно описать радость которая охватила страну при этом известии Люди на улицах пели плясали, обезумев от радости.

Глаза Абебы блестели и ей не хватало слов, чтобы выразить эмоции по-итальянски. Слова мир и независимость были сказаны и повторялись много раз, но абсолютное большинство населения, молодёжь и дети знали лишь что такое война, плен, подчинение.

Зеуди проснулась от своей апатии, нельзя умирать, она должна родить ребёнка Текле, который будет жить в мире и свободе, которых его отец так и не дождался. Как только стало возможно, она вернулась в Асмару в поисках семьи: отца, матери сестёр и брата. Не все были живы, остались только женщины. Через месяц родилась Абеба. Зеуди дала дочери имя подруги, с которой она начинала своё большое приключение.

- Я её крёстная мать. Мы католики.

Смотрю на Зеуди, она запахивает кофту и гладит по головке маленькую Абебу. У неё есть возможность вырастить свою дочь в свободной стране, чего не довелось не ей самой не её матери, и маленькая Абеба сможет стать свидетелем строительства собственной страны.

5. Архипелаг Панго

Тридцать лет борьбы за независимость Эритрея была изолирована от мира. Немногие туристы отваживались появляться здесь, но только по суше, на лодке было невозможно. Пять лет назад, когда мы проходили мимо на "Vecchietto", возвращаясь из первой кругосветки, приходилось держаться подальше от территориальных вод считавшихся тогда эфиопскими. За несколько месяцев до этого другая парусная яхта слишком приблизилась к берегу и была арестована.

В особенности оставался отрезанным от остального мира архипелаг Dahlak. Это десятка три островов, плоских и частично пустынных. Они расположены на отмели, около тридцати метров, как раз напротив Массавы и тянутся на восток и юг около пятидесяти миль.

Последняя экспедиция на Dahlak была в шестидесятых годах и его острова, и особенно море описывались как хрустальный аквариум населённый разноцветными рыбками. Кораллы, раковины, нетронутое дно, разнообразие видов, удивительные острова населённые прекрасными людьми.

Было от чего появиться желанию попасть туда. Для нас это был также шанс одними из первых прийти в эти девственные места на лодке, рассказать и задокументировать, прежде чем многие другие смогут попасть туда. И действительно, теперь, когда война закончилась, многие готовы отправиться, чтобы открыть заново и возможно колонизировать Dahlak.

Едва прибыв в Массаву, наша первая мысль была найти хоть какую-нибудь информацию о островах. Последний опубликованный путеводитель "Touring" вышел в 1936 году. Мы хотели узнать, что можно ожидать там найти, куда лучше направиться и есть ли ещё места закрытые для иностранцев.

В Массаву было легко завести дружбу с людьми. На улицах не было других белых. В магазинах все пытались завести разговор с нами и когда узнавали что мы итальянцы, глаза их просто светились. Через несколько дней нас знали все: таксист, который когда то был вратарём в национальной сборной по футболу, хозяйка бара, где в миксере, таком же какой был у моей мамы, когда мы были маленькими, готовили вкусный коктейль из папайи, хозяйка ювелирного магазина, вдова итальянца, которая десять лет жила в Милане в нескольких десятках метров от нашего дома, Филиппо, единственный итальянец оставшийся в Массаву, Бруно, который ремонтировал моторы и у которого была коллекция вырезок из журналов, рассказывающих о Феррари а также жена, такая молодая, что мы сначала

принимали её за внучку. А также многие другие, наполнявшие встречами наши дни среди груд развалин старой Массавы.

Однажды, разговаривая с Саидом, который учился в Италии и теперь является единственным морским агентом, разговор заходит о том, что мы ищем информацию и хотели бы знать, могут ли быть какие-либо проблемы для съёмок на островах Dahlak. По слухам некоторые из них могли быть заминированы.

Он не знает ничего об этом, но не теряет:

- Поехали, спросим у министра! – садит нас в машину и везёт на периферию Массавы на виллу, не очень большую, чистую и свежеекрасненную с верандой поддерживаемой белой колоннадой.

Это дом и студия господина Салема Алеки, министра морского развития.

Министр принимает нас в полотняных брюках и цветастой рубашке, с широкой улыбкой и загорается когда мы начинаем рассказывать, что путешествуем по свету на парусной лодке, что приходится ждать нужный сезон, чтобы отправиться дальше, что проводим дни и недели между морем и небом. Он засыпает нас вопросами о нашей кругосветке, о Полинезии, о Галапагосских островах, о китах и дельфинах, о рыбах, которых нам доводится ловить.

- В детстве я ходил рыбачить с отцом на маленькой самбуке моего отца. Выходил днём и ночью, каждый раз когда была возможность. Доходил до Зелёного острова, первого из архипелага Dahlak. Я проводил в море всё свободное время, наблюдал рыб, птиц, водоросли, дрейфующие брёвна, раковины нараставшие на киле лодки и живущих на них крабов. Мой отец говорил, что я научился плавать раньше чем ходить.

Ему совсем не кажется странным, что кто-то беспокоит его, министра, чтобы получить банальную информацию, как та, что необходима нам. Он говорит, что Dahlak прекрасны, что в море там полно рыбы, что на некоторых островах можно увидеть важные исторические свидетельства: дохристианское кладбище, цистерны для сбора воды, места содержания рабов. Он говорит, что нет никаких препятствий для фото и видеосъёмки.

- Dahlak это наш парк. Уже есть много предложений по развитию морского туризма, но мы пока не готовы. Там нет инфраструктуры, нет государственного контроля, нет органов власти. Мы не можем дать детальную информацию. Даже население немногих обитаемых островов не описано. Подумайте только, рыбаки с островов предпочитают идти в Емен, чтобы продать улов там и не платить налоги здесь, в Эритрее. И мы не в состоянии их контролировать.

- Напротив. – добавляет он, - Возможно оставите нам потом немного материалов. Dahlak были изолированы столько времени. И у нас нет даже видеофильма о островах.

- А правда, что остались ещё заминированные острова?

- Нет, это только слухи распушенные во время войны. На самом деле у нас никогда не было возможности ставить мины.

Выходя из дома министра, мы на седьмом небе от счастья. Трудно поверить! Не только можно без всяких проблем идти на острова, которые обещают быть красивейшими, но даже можно собирать видео и фотоматериалы, которые послужат эритрейцам.

Наш проект начинает набирать силу. Отправимся на ближайшие острова архипелага, потом на всё более дальние, будем снимать, фотографировать, познакомимся с людьми, посмотрим подводный мир, отыщем памятники старины. В общем получилось.

Стараемся узнать как можно больше практических аспектов, разговаривая со старыми рыбаками, капитанами самбук, которые делают челночными рейсами перевозят людей в Саудовскую Аравию. Однажды, когда мы говорили о экспедиции, Карло пришла в голову идея:

- Раз это так просто, пойдём в министерство туризма. Там нам точно смогут что-то посоветовать.

И вот, будучи в Асмаре, как только Карло оклемался после болезни (это была банальная простуда) мы записались на приём к министру туризма.

На этот раз министр, любезная женщина, хоть и с агрессивным именем - Ворку.

Красивая женщина, больше похожа на загорелую европейку, чем на африканку. Приятные черты лица и красивая фигура. Но сразу же понимаешь, что для неё быть женщиной, и особенно красивой, не имеет никакого значения. Она одета в широкую юбку, что-то вроде мужской рубашки с закатанными рукавами и монашеские сандалии. Но не смотря на это всё равно остаётся привлекательной.

Она не встаёт из за стола за которым сидит и даже не достаивает нас улыбки. Спрашиваем, предпочитает она говорить по-итальянски или по-английски, жестом даёт нам понять, что не имеет значения. Нерешительно начинаем на английском.:

- Итак, мы прибыли из Италии на парусной лодке. Мы путешествуем по свету в поисках необычных, малоизвестных мест, нетронутой природы, пишем, фотографируем, снимаем фильмы. Лодка называется “Barca Pulita”, потому что... защита окружающей среды...

Выражение на лице не меняется, не интереса не скуки, просто слушает.

- Сейчас мы собираемся на острова Dahlak и хотели бы узнать в министерстве туризма если есть какая-нибудь интересная информация, какие-то важные моменты, может вы можете что-то подсказать нам.

- А кто вам сказал, что вы можете идти туда?

Нарушившая тишину фраза даже не звучит особенно угрожающе.

- Ну мы думали... А что, нельзя?

- Нет!

- Ааа...мы думали можно. А почему?

Её жёсткое лицо совсем не меняет выражения и не даёт никакой подсказки. Мы смотрим друг на друг сконфуженные, потерянные и слегка разочарованные.

- А что, совсем нельзя...?

- Нет, без разрешения нельзя!

- Да... – появляется надежда - ... и как можно получить разрешение?

- Нужно написать заявление!

- Кому и где?

- Мне!

- Чёрт возьми, она разрешения не даст – подумалось мне.

- И что мы должны делать?

- Напишите заявление. Без разрешения вы ни в коем случае не можете идти на Dahlak. До свидания.

Выходим из кабинета дезориентированные, не осмелившись даже спросить, как писать заявление.

Четверо служащих министерства проявляют намного больше любезности чем их начальница и помогают нам оформить заявление, задавая массу вопросов: где родились, где жили, вероисповедание, сколько раз были в браке, были ли мы когда либо в Эфиопии, Соединённых Штатах, Саудовской Аравии, Советском Союзе...и даже не собираемся ли мы посетить секретные военные объекты!

- Это просто чтобы произвести хорошее впечатление, чтобы показать, что вам нечего скрывать. – говорит один из служащих.

- Знаете, Dahlak наши острова, единственное, что у нас есть, поэтому мы должны беречь их. - говорит другой.

- Люди там не привыкли видеть посторонних, мы должны защитить их

В конце концов заявление готово

- Мы дадим вам знать, как только будут известия. – прощаются с нами.

Спустившись по лестнице полуразрушенного здания министерства туризма, выходим на холод, на улицу полную весёлых улыбающихся людей. Чтобы поднять себе настроение идём в бар на проспекте Освобождения и за чашкой дымящегося капучино пытаемся воспрянуть духом.

- Именно в министерство туризма назначили эту мегеру. Да она разгонит всех туристов. – я разочарована и расстроена. – И потом, какого чёрта нам пришлось в голову идти спрашивать чего-то. Другой министр нам уже сказал – да!

- Посмотрим на положительную сторону ситуации. - пытается размышлять Карло. –Если она принимает всех так, значит на Dahlak людей побывало действительно очень мало.

- И если их защищают так активно, острова должны быть прекрасны.

- И, видимо, абсолютно девственны.

Преодолев досаду, принимаемся с надеждой ждать ответа. Ещё несколько дней гуляем по Асмаре и окрестностям и возвращаемся на лодку в Массава.

Стоять в порту Массава интересно.

Прибывают суда FAO груженные мешками с мукой, старые грузовики, также с надписью FAO, развозят их по деревням. Видна цепочка грузовиков поднимающихся по серпантину ведущему на плоскогорье. Цепочка останавливается в каждой деревне и сгружается определённое количество муки. Потом деревенский староста распределяет её среди семей в соответствии с нормами. Думаю ни в каком другом месте в мире распределение не происходит так организованно и точно, без разбазаривания и воровства. Похоже на идеально организованное общество, как у пчёл или муравьёв.

Другой раз наблюдаем в порту погрузку овец, предназначенных для паломников направляющихся в Мекку. Каждый правоверный, согласно Корана, во время хаджа должен собственными руками принести в жертву овцу. Но в Саудовской Аравии нет овец, а паломников миллионы, поэтому торговля овцами между двумя берегами Красного моря процветает. Овец везут из Египта, Судана, а теперь ещё из Эритреи. Некоторые дни в Массава с утра весь мол и прилегающая территория бывают покрыты блеющей массой перепуганных животных, ожидающих погрузки на десяток самбук выстроившихся у причала. Их тащат за задние ноги и кидают в трюм, а когда трюм полон, размещают на палубе. Каждая самбука вмещает около сотни овец и ужас виден в сотнях пар глаз, сгрудившихся в тёмном тесном трюме или глядящих за борт на тёмную подвижную массу моря, которого они не видели никогда в жизни. И не важно если какая овца взбрыкнув поранится или поранит другую, конец который им предназначен не требует безукоризненной физической формы.

Одним прекрасным утром, когда мы завтракали бутербродами с яйцом и коктейлем из папайи в единственном баре города, пришёл Саид.

-Пришло письмо которое вы ждали!

Белый конверт с государственными гербами Эритреи запечатан красным сургучом. Вскрываем печать и внутри находим листок с тремя строчками на тиграи и подпись.

- Что здесь написано, Саид! – мы не можем сдержать волнения.

- В ответ на ваше заявление поданное в Асмаре такого-то числа, сообщаем, что в вашей просьбе о посещении островов Dahlak отказано. Подписала министр туризма государства Эритрея: госпожа Ворку.

- Это невозможно, ты уверен?

- Да. Мне очень жаль. – наш друг обескуражен.

- Я знала, что она не даст разрешения, но, по крайней мере, говорит почему?

- Нет. Здесь не говорится ничего другого. Может попробуем попросить министра морского развития убедить её... – Саид почти просит извинения.

- Думаю лучше не надо. Не хочу прослыть человеком создающим проблемы. – отвечает Карло, глядя вдаль.

Саид присоединяется к нашему завтраку и мы заканчиваем свои бутерброды. Потом идём бродить по пыльным улочкам и как только Саид оставляет нас и возвращается на работу, спрашиваю Карло:

- Ты и в правду хочешь оставить это дело?

- Я не хочу впутывать другого министра.

- А острова?
- На острова пойдём всё равно, без разрешения.
- Уверен? А если нас обнаружат?
- Ты помнишь что сказал министр? Там нет органов власти, они не могут контролировать рыбаков и не знают даже кто там живёт! Сначала пойдём на ближние острова и если будут проблемы, сразу уйдём, если нет, пойдём дальше!

Решено. Закупаем хлеб маленькими булочками, сыр типа провола, произведённый на плоскогорье, ветчину, напитки: ром, джин и дзибибо, делать который начали итальянцы а эритрейцы продолжают производить. Потом, после того как древняя пожарная цистерна *fire brigades* 1941 года заехала на мол, чтобы заполнить водой наши цистерны, оформляем выход и покидаем порт самбук с официальным пунктом следования Аден, но с твёрдым намерением остановиться на Dahlak.

Добираемся вечером. Dahlak Kebir пустынный, плоский и серый остров негостеприимного вида. С трудом становимся на якорь в большом заливе с жёлтой водой, так как ничего уже не видно.

- А разве здесь не должна была быть прозрачнейшая вода?

Не видно ни одной живой души, кроме миллионной колонии птиц. Много пеликанов. Они огромные, серого цвета, с огромным зобом, точно как в мультфильмах. Множество незнакомых птиц поменьше проносятся над головой в разных направлениях.

- Видишь как просто. Вот мы и на Dahlak.

- Действительно. Пока никого нет...

Жителей не видно, лодок нет, совсем никого. Спускаем на воду тендер и пробираемся к берегу отыскивая проходы посреди острых кораллов скрытых под мутной водой. Местность плоская и каменистая, вдали у подножия пустынного холма виден посёлок.

- Постой, не будем показываться.

Слишком поздно. Появление людей разрешает наши сомнения, идти дальше или нет.

Женщины одеты в старые выцветшие платья, оставляющие открытыми длинные руки, на мужчинах старые штаны или просто куски материи вокруг бёдер. Улыбаются, жестикулируют, говорят на неизвестном диалекте и немного на арабском, зовут нас в сторону глинобитных хижин стоящих на чёрной земле. Появляется деревянный балдахин с двумя подушками на которых мы церемонно восседаем ожидая пока приготовится кофе. Женщины, отбросив свою обычную стыдливость, снимают вуали закрывающие лица. Улыбаются, разговаривают с нами. Они из племени Афар, объясняют нам и показывают с гордостью подпиленные резцы.

Афар! Мы уже слышали о них. Директор музея в Асмаре рассказывал о них как о диком племени которое живёт в Судане и Эритрее. Они наполовину кочевники и свободно перемещаются, как делали это всегда, вдоль побережья и между островами не признавая ни одно из этих государств. Я представлял их бесстрашными воинами, высокими, гордыми и грозными. На самом же деле они маленькие, бедно одетые, любезные и улыбающиеся.

Тем временем, совсем рядом, опершись о глинобитную стену хижины, только что окотилась коза. Малыш чудом стоит на ногах, неуверенный, дрожащий мокрый и липкий. Глаза ещё не видят, но он уже ищет сосок. Он ещё не знает что это и где это, ошибается и сосёт ногу, пробует ещё и сосёт живот. Первый раз, но в конце концов он находит. Готов наконец и кофе. Чёрный и очень сладкий с имбирём, как у тех суданских старушек.

Согласно путеводителя 1936 года здесь рядом, в окрестностях посёлка, должны находиться около сотни подземных цистерн вырытых в стародавние времена, когда остров служил базой для торговли рабами между Африкой и Аравией. Но вокруг нас лишь бесконечная жёлтая сухая равнина с редкими возвышенностями и редкими кустами, годящимися на корм верблюдам. Пытаемся спросить у наших новых знакомых о цистернах, изображая рытьё ямы в земле и с помощью арабского: «Маа», вода.

Нас повели по извилистой тропинке, по которой навстречу нам идут девушки возвращающиеся в деревню с сосудами с водой на голове. Подходим совсем близко к морю, севернее того места, где оставили лодку. Здесь нет цистерн, которые мы искали, но место великолепное. В тени небольших пальм находится впадина с рядом отверстий в земле. Мягкий ковёр из зелёной травки уже своим существованием подтверждает присутствие воды. И действительно, хотя большая часть отверстий сухие, в некоторых на дне находится лужица воды. Мутная, коричневая с мальками и головастиками, но это пресная вода и здесь, где никогда не бывает дождя, это лучшее, на что можно рассчитывать.

Когда возвращаемся на лодку, уже почти вечер. Бухта сильно изменилась. Отлив обнажил сотни метров дна и пеликаны наводнили зону водорослей. Похоже на какой-то иной мир. Голубоватый слабый свет, вода, небо, бухта, пеликаны, луна – пейзаж доисторических времён.

Цистерны мы нашли через неделю в Сараде, южнее на этом же острове. Это подземные гроты покрытые каменным сводом, вырытые тысячелетие назад, чтобы поить рабов перевозимых из «Черной Африки», предназначенных для невольничьих рынков Аравии, Египта, Емена и даже Индии.

Внутри них вода кажется ещё прозрачной. Ещё там рядом есть некрополь. Сотни хорошо сохранившихся могил, периметр из камней, резные плиты. Надписи на арабском, на персидском, на фарси. Полуразрушенные арки и колонны вырисовываются на фоне неба.

Старик, появившийся ниоткуда, даёт нам понять, что он сторож. Он что-то говорит. Сначала думаем, что он хочет денег, но он только хочет предупредить, что фотографировать и снимать можем сколько угодно, но камни уносить нельзя.

Мы согласны. Не возьмём ни камушка, и надеемся что все эти древности останутся здесь под солнцем ещё тысячелетия. Вокруг, насколько видит глаз, не видно никого и ничего.

Так как никто нас не останавливает, остров за островом мы продолжаем наши исследования. Выходим всегда рано утром, и каждый раз, когда выбираем якорь, сотни рыб безмятежно кружат вокруг лодки выставив из воды длинные плавники. Сегодня утром всего в нескольких метрах от лодки проплыла огромная черепаха, но я не успела взять телекамеру. Телекамера! Вместе с фотоаппаратом они видимо заменили нам лук и стрелы или копье, что-то, что служит для охоты. В конце концов, ведь разве мусульмане не верят, что тот, кто фотографирует, похищает душу?

При перехода с одного острова на другой мы всегда что-нибудь ловим, вчера каранкса, другой раз групера. Сегодня это была акула. Всего лишь акулёнок, но он яростно бился, когда мы держали его за бортом, пытаюсь освободить от крючка, и когда неожиданно, резким рывком он сорвался сам, острые зубы прошли в нескольких сантиметрах от моей руки.

На многих островах встречаются напоминания о былом Итальянском господстве. На Dohul это огромная бронзовая пушка с гербом итальянского королевства и клеймом завода изготовившего её. Она ещё смотрит в сторону моря, преграждая путь в канал между островом и материком уже несуществующему врагу, защищая дорогу на Массава.

На Shuma, низком, длинном, каменистом островке есть большой маяк, стоящий прямо в центре. Серая металлическая башня увенчана огромным фонарём. Он уже не работает, но всё ещё стоит, как напоминание о короткой но бурной “истории любви” между Италией и Эритреей.

На Dissei, где в тёплом песке, ноги на каждом шагу натываются на колонии моллюсков, нам встретился худой человек. На голове белая куфия, бедра обернуты сероватой тряпкой. Он говорит по-итальянски и называет себя именем Барбаросса.

- Я был проводником итальянской экспедиции, здесь, много лет назад. Ходил с ними на судне на острова, мне подарили фотоаппарат.

Он рассказывает так, словно это было вчера, с гордостью поглаживая бороду окрашенную хной, согласно заветам пророка. Он проводит нас к колодцу с водой за соломенные хижинки стоящие на берегу через поле поросшее низким, покрытым шипами кустарником. Вода

желтоватого цвета покрыта плавающим мусором и наш проводник пьёт её фильтруя через край своего платка. И здесь тоже - пресная вода, это лучшее что есть на острове.

Остров Dilemni отделён от материка коралловой банкой по которой в отлив можно пройти пешком до самого берега. Но на берегу не никого и ничего, ни следа, ни тропинки ведущей куда-нибудь. На Dilemni, как и на других островах море коричневого цвета. Встречая здесь рыбаков на деревянных лодках. Они ловят акул, беря от них только плавники и хвосты, а туши оставляют гнить и смердеть на берегу.

На сухой выжженной солнцем возвышенности стоит убогая грязная деревушка состоящая из соломенных хижин. Слышно как плачут дети. Староста, неопределённого возраста старик с водянистыми глазами, говорит по-итальянски. Спрашивает нет ли у нас хинина. Здесь все больны малярией и у них нет никаких лекарств, чтобы противостоять ужасным приступам лихорадки.

Мы возвращаемся с таблетками и старик собирает всех жителей деревни, раздаёт каждому по дозе хинина и объясняет, как его принимать, потом велит каждому поблагодарить нас. После раздачи лекарств он снова появляется из хижины с девочкой всего нескольких месяцев на руках, даёт её мне подержать, но вскоре забирает, предупреждая: «Осторожно! Пиисать!».

Потом были ещё Dhu-i-kurush, Dergamman Kebir, где мы остановились на неделю и не видели ничего кроме рыбьих косяков и стай птиц, прилетающих вечером покормиться на обнажающемся рифе.

И ещё Howeit, по форме напоминающий сердце, Umm En Naum, где нам, чтобы добраться до берега пришлось пол мили шагать по сохнувшему на солнце рифу, и Darraка, где на закате черепахи фыркали вокруг лодки. Острова прекрасные и дикие, каменистые, окружённые морем, мутным, но богатым жизнью. Богатым, однако, также акулами, поэтому купаясь надо быть очень осторожными. Плохая видимость не позволяет заметить их, кроме как в последний момент. И так как они тоже видят нас на близком расстоянии, могут случиться опасные недоразумения.

Всего мы провели на Dahlak два месяца и, несомненно, это того стоило. Острова необыкновенные, интересные, совершенно не тронутые. Конечно, они прекрасны, но не для туристов. Высадка на берег трудна и утомительна, приходится крутить слалом между острыми кораллами и липкими водорослями. На берегах только камни, жёлтая земля, сухие кустарники. Но самое обескураживающее – это море. В то время, как вдоль всех побережий Красного Моря на тысячи километров вода одна из самых прозрачных в мире, архипелаг Dahlak, единственное место где она настолько мутная, что временами похожа на грязь. Между островами море ещё прозрачно на несколько метров, но вблизи суши оно просто коричневое.

Глядя на карту можно даже понять, почему. Dahlak лежат на огромной мелководной банке, которая выдаётся в открытое море как некий подводный отросток эритрейского берега. Глубина здесь всего сорок метров. Такой тонкий слой воды легко прогревается на солнце и превращается в инкубатор для планктона, водорослей и рыбы и именно богатство планктоном делает воду мутной.

Каждый раз пробираясь в лабиринтах кораллов к якорной стоянке, все в нервном напряжении, стараясь вовремя заметить каменные глыбы в мутной воде, мы жалели, что пришли сюда и говорили себе – хватит, это в последний раз, завтра же уйдём с этого архипелага “Pango”¹, как мы его прозвали. Но, каждый раз, когда новый остров вырисовывался на горизонте по курсу, неизменно не могли побороть искушение остановиться ещё на несколько дней в надежде увидеть и испытать что то новое, неизвестное.

Кто знает, почему нам не дали разрешение зайти на острова? За два месяца пребывания здесь мы не увидели ничего такого, что могло бы объяснить ревность, неуступчивость и таинственность, которыми их окружали эритрейцы.

- И почему все описывали их как необыкновенные, окружённые чудесным морем?
 - Может быть прежде они такими и были? Или просто, тот кто это говорил, не видел ничего другого.

- Подумай, как будут разочарованы все те, кто уже мечтает устроить здесь турбазы, центры дайвинга и морские прогулки, когда увидят это коричневое море.

В действительности Dahlak таковы – голые выжженные солнцем острова, окружённые богатейшим морем, которое, однако скрывается под вечным слоем грязи.

- Знаешь что я тебе скажу? Я ничуть не жалею. Думаю этим островам не грозит нашествие туристов. Что то в них есть такое, что заставляет вспомнить министра туризма.

1.Прим. переводчика: Pango - от итальянских слов palta - грязь, и fango – грязь, ил

6. Охотники на акул

Мы совсем не ожидали встретить кого либо в этих суровых пустынных землях, где невозможно найти ни капли воды ни полоски тени, но встав на якорь в проливе между двумя островами, неожиданно заметили самбуку.

Спускаясь от Эритреи в сторону пролива Баб Аль Мандаб, ворота Индийского Океана, примерно на пол пути находятся острова Ханиш, единственное место где можно остановиться. Состоящие из чёрных вулканических скал они тянутся вдоль оси моря. Здесь нет якорных стоянок защищённых от всех ветров. В зависимости от сезона или времени ветер может дуть с севера или с юга, в зависимости от этого нужно выбирать место где бросать якорь, но быть готовым убраться в любой момент, если ветер вдруг вздумает перемениться. Кажущаяся спокойной бухта с изменением ветра может неожиданно превратиться в адский котёл, наполненный волнами.

Мы укрылись в узком коридоре между двумя горами, на чёрных скалах видны потёки лавы извергавшейся из древних вулканов. На крохотном пляже, вклинившемся между горой и скалами, стоит хижина, построенная из обрезков дерева и сухих веток. За пляжем лагуна, окружённая зелёными кустами и небольшими дюнами светлого песка. В лагуне ослепительно белые фламинго. Они стоят на длинных ногах, периодически погружая головы в воду в поисках пищи. Потом вдруг, словно по какому то неслышимому сигналу, расправив огненно красные крылья, все поднимаются в воздух, и в несколько взмахов перелетают на другой край лагуны, где мы их уже не можем видеть. В тот же момент из за острова на севере появляется самбука раскрашенная в зелёный и голубой цвета. Лодка проходит мимо нас в сторону пляжа с хижиной и бросает якорь.

- Должно быть рыбаки возвращаются в свой лагерь. Пойдём на берег, поприветствуем их.

- Может пойдёшь один? Я ужасно устала.

От островов Dachlak до этого места были три дня встречного ветра, постоянная смена парусов, лавировка, непрерывные вахты, из за оживлённого судового движения. И потом, этой ночью мне досталась последняя вахта, с трёх до шести, которую я больше всего ненавижу. Тебя будят в самый разгар сна и не утешает даже мысль о том, что через три часа, после вахты, можно будет снова вернуться в постель. На рассвете мы взяли курс на остров, потом искали место для стоянки и мне не удалось отдохнуть даже пол часа. Сейчас день уже клонится к вечеру и у меня нет ни малейшего желания спускать тендер на воду, снаряжать его, грести к берегу, начинать утомительный разговор, силясь вспомнить то небольшое, что знаю по-арабски, жестиковать и пытаться понять что хотят сказать собеседники.

- Да ладно. Не будь лентяйкой.

Карло неутомим, всегда готов отправиться в новое место или на рыбалку.

- Вот увидишь, если пойдём поприветствовать их разживёмся рыбкой на ужин.

В самом деле, из за постоянной усталости наша рыболовная снасть уже три дня остаётся намотанной на свою катушку.

Когда мы высадились на берег, рыбаки уже выгрузили плоды своего трудового дня: акулы, только акулы. Штук двадцать рыбин, от двух до трёх метров, неподвижные и уже неопасные, некоторые с разбитой головой, лежали на песке.

- Мне кажется, что на ужин тут ничем не разживеешься.

- Бедные твари. Жалко их.

Старший, как нам показалось, из рыбаков идёт нам навстречу. На нём красный шерстяной свитер, кусок ткани завязанный на поясе спускается до бёдер, другой намотан на голове.

Возраст его определить трудно, кожа тёмная и сморщенная но широкая улыбка обнажает неожиданно белые зубы.

- Саламалейкум.

- Алейкумсалам.

- Лиззи... Карло...

- Фетини Али.

После взаимного представления дружба завязана и охотник на акул Фетини широким взмахом руки зовёт нас присоединиться к остальным на берегу.

«Саламалейкум!» - кричат нам рыбаки. «Алейкумсалам!» - отвечаем, глядя как они начинают перетаскивать акул в воду глубиной всего в несколько десятков сантиметров.

Работают по двое. Каждая пара занимается одной акулой. Огромным ножом начинают отрезать плавники и хвосты. Жёсткая акулья кожа скрипит под сточенным лезвием и у меня бегут мурашки по телу, как когда скребут мелом по доске.

После каждого реза рыбаки точат нож о плоские камни, стёртые множеством лезвий, и странно, звук при этом намного мягче.

Потом приходит очередь голов, которые отделяют точным движением, кажется нож идёт гораздо легче. Вода начинает окрашиваться в красный цвет, вытекающей из обезглавленных туш жидкостью кирпичного цвета.

Я вхожу в воду вместе с рыбаками чтобы сфотографировать поближе, но вызывающий мурашки скрип ножей и красная вода, пачкающая мне ноги, наводят меня на мысль, что все живые акулы близлежащих морей сейчас соберутся здесь. Поэтому быстро возвращаюсь на сухой чистый пляж.

После голов приходит очередь внутренностей. Из живота акулы выпадает однородная масса заключённая в плёнку похожую на латекс. Её не раздумывая бросают в кусты, изъев предварительно печень, которую складывают в старую бочку на берегу в нескольких метрах от нас.

- И что они с ней делают? Едят?

- Не знаю. Что там есть ещё внутри?

- Дай посмотрю.

Лучше было не заглядывать, потому что чёрная как вар жидкость, мерзкая даже на вид, источала такое зловоние, что начинал бунтовать желудок.

- Ну и гадость. Ещё немного и меня бы стошнило внутрь.

- Думаю никто бы этого не заметил.

Тем временем рыбаки разделяют туши без костей на два огромных филе на которых делают ножом глубокие надрезы. Потом большие куски акульего мяса, промытые и посыпанные солью, аккуратно раскладывают на солнце на чёрных скалах, подальше от песка.

«Uahed liom...quais.» - высохнут за один день, информирует Фетини. Я даже не сомневаюсь. Мы на лодке тоже сушим рыбу. Нас научил Бруно, яхтсмен одиночка из Венеции, которого мы встретили во время нашей кругосветки на «Vecchietto». Он, когда вылавливал крупную рыбу, разрезал на тонкие полоски всё то, что не съедал сразу и

развешивал на нити натянутой между двумя штагами на корме, как бельё на просушку. Получались полоски сушёной рыбы, закуска на любой случай. Очень вкусно и вносит разнообразие в питание во время длинных переходов. Естественно, после первого недоумения, мы тоже последовали примеру Бруно и стали сушить рыбу на корме. И не только. Мы ещё придумали различные варианты, шпигуем рыбу горошком перца, посыпаем розмариновой солью, если есть, сушим рыбу с карри и красным перцем.

В зависимости от влажности воздуха за два три дня рыбные полоски готовы к употреблению, но здесь, в Красном море дует сухой ветер из пустыни и достаточно солнечного утра чтобы они полностью высохли.

Рыбаки закончили одну акулу и занялись другой, потом следующей. Работают по колёно в воде и покрывающие их тряпки мокнули в красного цвета море.

Стайка олуш летает над лагуной концентрическими кругами приглядывая куски рыбы оставшиеся без присмотра, чтобы стащить. Но добыча оказывается слишком тяжёлой для маленькой и лёгкой птички и сделав несколько взмахов крыльями в попытке набрать высоту они вынуждены выпустить её в море.

«Baby, baby..!» кричит Фетини и все собираются вокруг.

Из только что распоротого брюха акулы выпали четыре ещё не рождённых акулёнка. Нож Фетини на этот раз входит без скрипа и умелым движением он извлекает печень у акул, которую рыбаки тут же съедают сырой, как есть. Мне тоже предлагают. «Lah shukran.» - нет, спасибо. Совсем не тянет попробовать ещё и это, к счастью они не обижаются, только немного удивлены, как можно отказываться от такого лакомства и не теряя времени съедают мою часть.

Сразу после этого из живота ещё одной акулы появляется мешок с жёлтыми яйцами размером с вишню. Совсем как в детстве, когда в деревне я ходила к соседке крестьянке, которая сворачивала шеи курам и потом ощипывала и потрошила их. Я помню, что внутри у них иногда были такие же точно яйца: жёлтые шарики заключённые в прозрачную мембрану, пока ещё без белка и скорлупы.

Наконец всё почищено и приведено в порядок: плавники и хвосты положены сушиться на скалы повыше, солёное акулье мясо пониже, головы и внутренности сложены в дальнем углу пляжа а под бочкой с печенью разведён огонь. Когда всё закончено, Фетини направляется к хижине и жестами зовет нас последовать за ним.

- Sit, sit... Welcome.

Как только мы усаживаемся, он исчезает из нашего поля зрения вместе со своими друзьями.

- Куда они подевались?

- Они моются в море и стирают одежду. – Я вижу их через щели в хижине.

- Не показывай что смотришь. Они, должно быть, стесняются когда женщина видит их во время купания.

- Они меня не могут видеть из за веток, и потом, они так стыдливы, что моются одетыми.

Через некоторое время рыбаки помытые и переодетые идут молиться на площадке за хижинкой. Площадка ограничена белыми раковинами и ориентирована на северо-восток. Это их мечеть. День закончился и они благодарят Аллаха за то, что они есть, за то, что он дал им жизнь и конечно же за хорошую добычу. Хорошая добыча для них это, в основном, акулы плавники и хвосты. По этой причине акулы варварски истребляются по всему Красному морю и большей части Индийского океана. Плавники стоят двадцать четыре доллара за дюжину. Через длинную цепочку посредников из этого затерянного в Красном море места они попадут в Сингапур, откуда, соответствующим образом обработанные и упакованные отправятся на столы, радовать китайцев и японцев.

На других островах, здесь, в Красном море, нам довелось бродить по пляжам на протяжении нескольких километров заваленным разлагающимися акульими тушами. И у них были отрезаны только плавники и хвосты, остальное брошено гнить под солнцем. Сами

рыбаки жили среди этой гнили и смрада на открытых всем ветрам берегах. У них не было сил даже построить хижину. В промежутках между выходами в море они ночевали прямо на земле, под сшитыми мешком циновками, которые днём защищали их от солнца а ночью от холода.

Здесь, у Фетини, совсем иначе. Всё убрано и упорядочено, пляж чист от отбросов, которые сложены в дальнем углу на радость олушам и хищным птицам. В море тоже ничего не должно оставаться, могут прийти акулы. Акулье мясо не выбрасывается а сушится. Конечно, оно не принесёт того дохода что плавники и хвосты, но на рынке в Мока его купят эритрейские коммерсанты или сауды на корм скоту.

Через некоторое время монотонное бормотание молитвы закончилось. Готовое кануть в море солнце уже окрасило небо в красный цвет и воспламенило скалы из чёрной лавы. Рыбаки зашли в хижину и усаживаются рядом с нами, расстилают на песке циновки и одеяла, чтобы нам было удобнее.

Фетини самый старый из группы и остальные, почти ещё мальчики, почитают его как старосту.

- Carlo! Fethini...akhul.. – восклицает наш друг.

- Лиззи. Поняла? Он приглашает нас на ужин. Постарайся выразить им признательность.

- Нет! Прошу тебя! Эту чёрную мерзость я не хочу...И кроме того, мы отнимем пищу у них, которые вкалывали весь день. Придумай что-нибудь, давай. – вот вся признательность, которую я могла выразить.

Но это совсем не просто. На слабые протесты Карло, Фетини отвечает смехом и жестами, словно отправляя пищу в рот щепотью. Он уже решил за нас. Кажется все рады, такое событие – двое гостей иностранцев, пусть даже порции будут меньше.

Довольны все кроме меня. При одной только мысли о бочке с печенью меня одолевает ужас. Я уже знаю, придётся попробовать по крайней мере пару кусочков, отказаться будет невозможно.

Парень, по виду самый младший, остался снаружи хижины готовить ужин. Выхожу составить ему компанию. Парнишка копается в песке, разгребает его немного и поднимет полузасыпанную доску. «Tandoog» - говорит он показывая на картон и куски мешковины покрывающие закопанную в песок бочку. Внизу, на дне, краснеют угли а сверху пекутся две хороших рыбины. Парень сует руку по локоть в бочку, переворачивает рыбу. Запах очень аппетитный. Прежде чем закрыть бочку, Али делает две лепёшки из теста, которое он держит в жестяном тазике, расплющивает их ладонями и прилепляет к вертикальным стенкам бочки, чтобы они пеклись подальше от углей. Потом накрывает всё и присыпает песком.

Я приятно удивлена. В нескольких метрах на другом костерке, разведённом прямо на песке и укрытом от ветра картонной загородкой, стоят кастрюли, одна с рисом, другая с красноватым бульоном в котором варятся куски рыбы.

- Akul? – Еда? Я спрашиваю с деланным безразличием, показывая на кастрюли.

- Aiuu, akul - отвечает он блестя глазами и белозубой улыбкой.

- Точно? А печень? – я показываю на бочку стоящую на огне.

Наверное я его озадачила, потому что он, с озабоченным выражением лица бежит посмотреть внутрь.

- Сейчас его стошнит. – подумалось мне.

Но видимо тошнота его не берёт. «Lah akul...feluka» - Алим показывает на лодку и её киль.

- Что?...Ты хочешь сказать что... – и тут я вспоминаю сколько раз видела рыбаков, которые мазали лодки снаружи и изнутри какой то липкой, вонючей бурдой. Мы никак не могли понять, что это было. Много раз, садясь в пирогу или лодку побольше, я обнаруживала, что брюки безнадежно испачканы чем то тёмным и липким. Вероятно это служит для защиты дерева. И каждый раз, когда мы спрашивали, что это такое, владельцы лодок изображали рыбу и показывали на живот. Мне это казалось очень странным и в подробности я

предпочитала не вдаваться. А в следующий раз опять пачкала одежду и прилипала к очередной лодке.

Наконец я поняла, это что-то вроде защитной краски которую делают из печени акул (и, возможно, других рыб), кипятят её и оставляют тухнуть. Однако более приятным открытием было меню нашего ужина.

В хижину возвращаюсь бегом, обрадовать Карло. Там, в прохладной тени Фетини рассказывает о своей работе. Он и его ребята пришли из Мока, это на Йеменском берегу, отсюда пятьдесят пять миль на восток. Они приходят сюда на самбуке загрузив в неё бочки с водой и бензином, несколько мешков риса, муки, немного сахара, немного чая и табака. Каждый день выходят в море, проверяют сети поставленные накануне, вытаскивают акул, чинят сети и сова их ставят. Потом возвращаются в свой лагерь, разделяют рыбу, молятся, кушают и ложатся спать. На рассвете следующего дня всё начинается сначала, и так на протяжении полутора - двух месяцев, пока не закончится вода и бензин. Тогда они загружают в самбуку пустые бочки, мешки с плавниками и сушёным акульим мясом и возвращаются в Мока. Там продают товар китайским и арабским торговцам, снова закупают провизию и горючее и побыв немного с семьёй, опять возвращаются на этот островок.

Рыбаки говорят только на арабском, но наш маленький словарь, сформировавшийся за месяцы проведённые в Красном море, и главное, универсальный язык жестов, позволяет нам понимать основной смысл рассказа Фетини и рассказать ему о нашем путешествии на лодке, о нашей стране, о странах где мы побывали и куда собираемся.

Снаружи свистит Алим, мой друг повар, это значит что еда готова. Кто-то вышел помочь ему и кастрюли с рисом и красным супом, печёную на углях рыбу и лепешки заносят и ставят в центре на циновке.

Все едят руками. Из хлеба делают шарики и макают их в красный суп, отламывают кусочки рыбы и набивают рот рисом. Хлеб горячий и хрустящий, хотя сторона которая была прилеплена к бочке – чёрная.

Руками у них получается очень ловко, вернее только одной, правой рукой, пачкая только кончики пальцев. Левая рука расслабленно опирается на ногу. Мы же то и дело по очереди попадаем в неловкое положение, пытая воспользоваться левой рукой (серьёзное оскорбление: левая предназначена для других целей) и продолжаем обжигать пальцы супом. Он очень вкусно пахнет, но в нём столько красного перца, что у меня начинает течь нос и я уже не знаю, какой рукой его вытирать.

Рыбаки не очень обижаются на наше поведение, наоборот, кажется это их забавляет. Все болтают и шутят. Фетини отправляет в рот большие жмени пищи, но роняет половину на циновки, когда пытается одновременно разговаривать.

Ужин действительно хорош. После трёх дней утомительного плавания лучшего мы и пожелать не могли.

Когда рыба, рис и суп закончились, Алим покрошил оставшийся хлеб в чашку, добавил масла из подозрительной банки и горсть сахара и все дружно начали мешать руками смесь хлеба, масла и сахара, пока она не превратилась желтоватую массу. Потом обливали руки испачканные сахаром и все принялись за десерт, делая из него шарики.

В суматохе мне удалось избежать дегустации, хоть Карло и продолжал утверждать, что это очень вкусно.

Когда последний кристаллик сахара был слизан, Алим забрал циновку, служившую скатертью и пошёл выбивать её подальше от хижины, потом принёс бачок с морской водой, помыть руки и термос с чаем. Мне досталась самая лучшая чашка, крышка от термоса, который наверное когда-то был белым. Появились банки из под масла, Карло досталось доньшко от бутылки, оригинальный цвет которой даже трудно предположить.

Чай очень горячий и сладкий, ароматизированный имбирём и корицей. Его запах облагораживал посуду, в которой был подан и казалось, что пьёшь из чашек тончайшего фарфора.

7. Фейерверки в Йемене

- Лиззи, иди сюда! Кажется фейерверк!

Ночное небо со стороны Йемена полно света. Странные, розоватого цвета огни поднимаются от горизонта вверх. Дальше я их не могу видеть за парусами, они закрывают большую часть неба.

- Что за чёрт..!

- Пошли на нос, отсюда ничего не видно.

Мы перебегаем вперёд к носовому релингу, где лодка уже кончается и нос нависает над водой. Лодка идёт сама с парусами набитыми до отказа и закреплённым по центру румпелем. Мы стоим держась за стальную конструкцию, которая поднимается и опускается на волнах, подвешенные над двумя пенными бурунами, которые форштевень поднимает прокладывая себе дорогу в волнах. Теперь, когда ничто не закрывает обзор, не остаётся больше сомнений. Йемен горит. Красные и оранжевые огненные шары поднимаются в ночи и взрываются миллионами белых искр. Голубоватые вспышки полыхают ниже, как молнии в грозу. Приглушённый грохот, свист и гром взрывов долетает до нас и смешивается с шелестом корпуса, разрезающего воду.

- Когда это началось?

- Не знаю, пять минут назад ничего не было.

- Значит это война?

- Боюсь, что да.

Десять дней назад, когда мы собирались покинуть Эритрею, в новостях говорили о растущем напряжении между северным и южным Йеменом. Потом, уйдя из Массава, мы больше не имели никаких известий, и даже рыбаки на островах Ханиш, хоть и были из Йемена, знали меньше нашего.

- Фетини, как по твоему, будет война?

- Lah, lah, inshallah – нет, нет, если на то будет воля Аллаха.

Несколько дней мы даже пытались настроить радио на какую-нибудь йеменскую радиостанцию, чтобы знать, что там происходит, но потом забыли об этом. Там, на необитаемых островах посреди пустого моря, война казалась совершенно нереальной и йеменский берег виднелся вдали спокойный и пустынный, как обычно.

Теперь вдруг война стала реальностью, в которой мы не знали как себя вести и что делать.

- Сколько до берега?

- Десять миль примерно, но стреляют в глубине суши. Не думаю, что воюют на необитаемом берегу.

- Да, но это выход к морю.

Земля и берег остаются невидимыми в ночи и только огни, продолжающие взлетать, как на городском празднике, свидетельствуют о том, что там воюют люди.

- Что будем делать? – Спрашивает Лиззи.

- Не знаю.

- Меняем галс?

- Подожди, пойду определюсь с местоположением. Смотри за судами.

- Хорошо, только постарайся не оставлять меня здесь одну на долго.

Спускаюсь в каюту. Мы проходим последний участок Красного моря, где оно сужается, как воронка и заканчивается проливом Баб Аль Мандаб. Здесь азиатский и африканский берега почти соприкасаются.

Ветер встречный и уже два дня мы идём в лавировку, делая зигзаги между эритрейским и йеменским берегами. Это очень утомительно, каждый галс продвигает нас на несчастные несколько миль в нужном направлении, в то же время вынуждает каждый раз пересекать

поперёк море и судовой ход. По мере того, как мы приближаемся к проливу, количество судов возрастает и мы совсем не уверены, что ночью они нас видят. Приходится нести непрерывные вахты, чтобы нас не переехали. Кроме судов, вдоль берегов полно необозначенных рифовых банок, мелей и других опасностей, к которым теперь ещё добавилась война.

Переношу на карту широту и долготу по показаниям GPS и собираюсь сравнить полученную точку с точкой счисления, как снаружи раздаётся взволнованный голос Лиззи:

- Иди сюда! Иди скорей!

Высовываюсь из люка в тропическую ночь.

- Смотри на этот. Он слишком близко.

- Опять! Это уже наверное десятый за эту ночь.

За нашей кормой зелёный и красный огни большого карго угрожающе сверлят темноту.

Силуэт судна ещё не виден, и к счастью. Если бы мы его видели, было бы слишком поздно. Но огни яркие и висят высоко, что означает – судно близко, мы их видим оба, красный и зелёный, это означает, что оно идёт на нас.

- Попробую вызвать их по радио?

- Подожди.. – автоматически поднимаю глаза, чтобы проверить белый огонь на топе нашей грот мачты. Его лампочка сверкает, как маленькая звездочка. Он не очень сильный, но в море виден за несколько миль, конечно если вахтенный на судне смотрит в нашу сторону.

Мы выжидаем. У нас мало времени, если нас не заметят, нужно будет срочно убираться с их курса. Огни становятся всё ярче, увеличиваются и становятся всё выше. С замиранием сердца готовимся к повороту. Потом, вдруг, что-то меняется. Красный начинает меркнуть а зелёный становится ярче.

- Уфф...пронесло... Кто-то на судне увидел нас, и так как они идут быстрее, они изменили курс и уступили нам дорогу. Ещё со времён больших парусников парусное судно всегда имеет право дороги.

- По крайней мере мы не одни. – Говорю я Лиззи, показывая на огромное чёрное судно, появляющееся из темноты в ста метрах от нас. Оно обходит нас слева и теперь идёт между нами и войной.

Другое судно, на котором видны только красный и два белых огня, идёт в противоположном направлении. Не думаю, что нас видят и стараюсь держать их в поле зрения, вместе с другими более слабыми огнями виднеющимися вдаль. Они похожи на слабенькие огоньки свечек на кладбище, но это всё суда, танкеры, сухогрузы, контейнеровозы, которые идут туда и сюда следуя невидимым электронным маршрутам в этой узкости, соединяющей Красное море с Индийским океаном.

Наш курс по прежнему лежит на юго-восток. Прошло десять минут, как мы увидели первые вспышки и ничего не изменилось в хоре взрывов озаряющих небо.

- Я определился. Мы в девяти милях.. Теоретически можем продолжать так ещё пол часа.

- Хорошо.

Девять миль соответствуют шестнадцати километрам. Такое расстояние должно бы гарантировать нам относительную безопасность, но когда нос направлен в сторону войны, кажется будто движешься прямо в ад. Проходят пять минут, проходят десять. Огни наверное всё на том же расстоянии, но с каждой минутой кажутся всё ближе.

- Поворачиваем?

- Да, да.

Без лишних слов приступаем к манёвру, травим шкоты и перебрасываем паруса, пока лодка не ложится на другой галс. Ветер дувший справа, теперь дует слева, паруса на другом борту и нос направлен на юго-запад, в сторону эритрейского берега, хоть в темноте ничего не видно. Огни войны теперь у нас за кормой и сразу стали казаться очень далёкими.

- Абсурд. Мы в двух шагах от войны и нас это никак не касается.

- Посмотри на других. Они тоже идут, как ни в чём не бывало.

Процессия красных и зелёных огней продолжает своё движение посреди моря и, кажется, никто не замечает взрывы на берегу.

Лиззи заканчивает вахту, целует меня и идёт спать. Я разбужу её когда подойдём близко к эритрейскому берегу и снова нужно будет поворачивать. Потом, в полночь, начинается её вахта и я пойду спать и так далее, пока один спит, другой следит за судами, светящимися вспышками в небе и контролирует наше положение на карте, насколько мы близко к берегу и сколько времени осталось до смены галса.

На рассвете мы оба чувствуем усталость и слабость от постоянного напряжения и потому что не выспались. Белые облачка поднимаются над островом Перим. Этот островок находится в самом узком месте пролива. Клубы белого дыма поднимаются от земли и мы замечаем военный корабль обстреливающий остров. Потом судно разворачивается и направляется на север, где, кроме всего прочего находимся и мы.

- Что будем делать? – Спрашивает Лиззи.

- Не знаю.

Парусная лодка не может соперничать в скорости с военным кораблём, несмотря на то, что этот полная развалина. Не успеваем мы как следует испугаться, корабль проходит рядом с нами и идёт дальше на север обстреливать что-то другое. Он очень старый, возможно это переоборудованный сухогруз, на баке установлена ржавая пушка. Мы даже не можем понять – это корабль Северного Йемена или их противников. На судне приветствуют нас, крича и разводя руками.

Мы продолжаем спускаться на юг, меняя галс каждые два часа, держась как можно ближе к Эритрее, и в полдень, когда солнце почти в зените, мы уже на траверзе острова Перим. Море перед нами расширяется. Закончилось Красное Море и мы входим в Индийский океан. Однако теперь мы не знаем куда идти! Эта нелепая война, которая будет стоить сражающимся неизвестно скольких человеческих жизней, уже спутала все наши планы и с сегодняшнего утра, после каждой смены галса мы спускаемся в каюту и изучаем карту, пытаюсь решить, куда направиться.

Выйдя из пролива Баб Аль Мандаб, входим в Аденский залив между Йеменом и Сомали. В Сомали уже много лет идёт гражданская война и мы не собирались даже приближаться к этому берегу. Но мы думали остановиться в Адене, в Южном Йемене, чтобы пополнить запасы и подготовиться к переходу через Индийский океан. Теперь, когда и в Йемене идёт война, нет выбора, придётся пересекать залив во всю его длину (480 миль) без остановок. Сколько времени понадобится? Пять дней? Десять? Будет зависеть от ветра. Потом, после выхода из Аденского залива, не будет никакой земли на протяжении ещё 1400 миль, до самых Мальдив.

- Метеокарта говорит, что в заливе будут только слабые ветра

- Лучше слабые, чем слишком сильные.

- Да, но может случиться, что понадобится больше времени, чем мы предполагали. Как у нас с продуктами?

- Так себе.

Сидя в кокпите под палящим полуденным солнцем посреди безлюдного, наконец-то, моря, мы проводим инвентаризацию того что осталось на борту. У нас ещё есть шесть буханок хлеба из тридцати купленных в Массаве, мы их высушили под солнцем на палубе и они могут храниться ещё много дней. Есть у нас и сыр, который мы купили в Асмаре у одного эритрейца, который научился делать его много лет назад у итальянского сыродела. Свежие овощи закончились, но у нас полно картошки, немного лука и четыре больших вилка капусты. Методом проб и ошибок мы нашли способ хранить её, достаточно использовать наружные листья по мере того как они начинают вянуть. По паре листов в день и капусты хватит ещё на месяц. И потом, всегда есть рыба. Почти каждый день мы ловим по рыбе и часто гораздо большей, чем нам нужно. И в конце концов есть бобы (чечевица, фасоль, горох, красная нильская чечевица) которые мы купили на открытом рынке в Хургаде в

Египте. Не знаю почему, мы к ним так и не притронулись, но в случае необходимости мы сможем питаться ими много недель

- Определённо, с голода мы не помрём...
- Мы в лучшем положении чем люди живущие здесь.

Единственная проблема может быть с водой. Из тысячи литров в баке израсходована одна треть. Под этим безоблачным небом бессмысленно надеяться на дождь, но если ограничить расход воды только на питьё и готовку, её хватит на месяцы. А через два месяца, надеюсь, мы будем на Мальдивах.

- Тогда идём дальше?
- Да, да. Лучше море чем война.

Мы берём курс на восток, где залив расширяется. Дует умеренный южный ветер, лодка идёт в галфвинд со скоростью пять узлов. Море, до странности спокойное, неожиданно становится ещё более голубым. Берега медленно удаляются и наша лодка снова превращается в микроскопическую точку затерянную в огромном пространстве.

- До Индийского океана 460 миль.
- Ну и что? Кто за нами гонится?
- Никто. Говорю тебе для информации. Если пойдёт так и дальше, через четыре дня выйдем из Аденского залива.

Но после первого дня ветер пропадает, как и предсказывали метеокарты. Всё чаще мы совсем останавливаемся или едва тащимся со слабыми бризами, которые движут нас по абсолютно спокойному морю, но не смягчают зной солнца. Дни тянутся медленно, как и лодка, записи в журнале становятся очень лаконичными.

- 18.00. Ветра нет. Будет ещё одна ночь штиля.
- 09.00. Очень слабый ветер. Паруса обвисли и хлопают. Очень жарко.
- 12.00. Штиль. Стоим посреди моря.

Но у нас есть одна мысль, которую мы оба лелеем в глубине сознания. И теперь, когда мы еле движемся поперёк залива, она начинает приобретать форму. Это не совсем верно, что впереди в океане совсем больше нет земли. На самом деле есть один остров, называется Сокотра. Размером он с Корсику, расположен в 200 милях на восток от мыса Guardafui в открытом океане. Глядя на карту, кажется, что он там находится специально для того, чтобы идущим в Индийский океан было где остановиться. Но лоции недвусмысленно советуют держаться от него подальше.

Были случаи захвата яхт. Яхты сажали на мель и полностью разграбляли. Не появляйтесь вблизи острова если нет возможности быстро удалиться.

Когда в Милане мы изучали карты и документы, планируя плавание, загадка Сокотры меня интриговала.

- В истории о пиратах я не верю. – говорил я.
- Я тоже, но нужно быть осторожными. – отвечала Лиззи.
- Если бы на борту нас было больше, чем двое, риск был бы меньше.
- Почему бы вам не отправиться с нами. – предлагали мы всем. – Присоединишься к нам в Адене, пойдём на Сокотру, потом высадим тебя в Омане или где-нибудь в другом месте. Это были салонные разговоры. Все говорили да и все знали, что на этом и закончится.

Мы старались узнать об острове как можно больше, искали везде, в архивах журналов, подшивках “National Geographic”, в банках данных больших издательств. Но о Сокотре не было абсолютно ничего, словно остров и его жители были ошибкой географической карты. Посольство Йемена было нашей последней попыткой: «Сокотра? Подождите я узнаю», и через несколько дней: «Да, действительно принадлежит Йемену. Но ничего другого сказать вам не могу». «А почему вас интересует? Добраться туда невозможно».

«Не важно. Спасибо. Мы обратимся за информацией в Адене» - на этом мы закончили поиски.

Теперь Аден за кормой, далёкий и недостижимый, и у нас есть только две альтернативы: остановиться на Сокотре, вопреки мнению лоции, или идти без остановки ещё 2000 миль до Мальдив.

8. Сокотра

Вот она, Сокотра, перед нами, неподвижная в неподвижном море. Голая гора со срезанной вершиной, плоская, словно стёсанная неким великаном. Вершина покрыта шапкой из белых облаков, которая постоянно меняет форму. Облака то закручиваются, то раздуваются, то, кажется, совсем растворяются, признак того, что на другой стороне острова дует сильный ветер. Но даже дуновение этого ветра не достигает нас. Мы двигаемся еле-еле при почти полном штиле под прозрачным и неподвижным небом.

Абсолютная тишина. Берег кажется пустынным и мы нервничаем. Все мореплаватели знают Сокотру как место, которое лучше избегать. Суда сторонятся этих мест. Муссон здесь иногда поднимает невозможные волны высотой до шести метров. Лодки вроде нашей не заходят сюда потому что в этих водах случалось захватывали яхты и убивали экипажи. Так что лет пятьдесят сюда уже никто не заходит. Но мы решили попробовать.

Мы рассуждали так: «Сокотра принадлежит Йемену. Невозможно, чтобы в преддверии двухтысячного года мусульманская страна, такая как Йемен стала бы терпеть на своей территории пиратов. Вероятнее всего это очень давние или преувеличенные истории. Если получится зайти на остров, этим можно будет гордиться, и потом, если повезёт встретить старого пирата, который расскажет о своих приключениях, будет о чём написать и, может быть, будет материал для фильма.»

Занавес загадочности и запах приключения были также стимулами попытаться. Кто-нибудь из друзей должен был присоединиться к нам в Адене, чтобы нам не отправляться туда одним и мы собирались купить «калашников» в Эритрее или Джибути. В этих странах чёрный рынок оружия стал почти открытым. Не то что бы мы собирались снарядить вооружённую экспедицию, просто идея быть в более многочисленной компании была бы хорошей предосторожностью.

Однако теперь война в Йемене отрезала нас от мира. У нас нет калашникова и даже пистолета, который долгое время сопровождал нас на “Vecchietto”. Это была Беретта девятого калибра, мы купили её в Венесуэле у владельца яхты из Южной Африки, который прежде чем отправиться путешествовать по свету, вёл курсы самозащиты для женщин в Йоганесбурге, обучал как раз обращаться с пистолетом. Верный своему призванию он продемонстрировал нам оружие во всех его аспектах, научил собирать и разбирать его, заряжать и смазывать, чтобы не заржавел. Мы даже вышли на несколько миль в море чтобы поупражняться в стрельбе на практике. В памяти у меня остался только ужасный грохот после десятка выстрелов в воду и испуганный взгляд Лиззи, которая после этого не хотела даже притрагиваться к оружию. Но Беретта, хорошо спрятанная в укромном уголке лодки, завёрнутая в носок своего бывшего владельца продолжала сопровождать нас три года в путешествии вокруг света, всегда готовая в случае необходимости появиться в качестве веского аргумента. Перед возвращением в Италию мы продали её на Роді итальянцу, который собирался идти через Атлантику.

Шумные вздохи и плеск десятка китов нарушает тишину и наши размышления. Они плывут вдалеке между нами и берегом и быстро приближаются. Мы идём на нос чтобы лучше видеть их. Киты идут курсом наискосок нашему и собираются пересечь нам дорогу. Подходят на расстояние нескольких метров и ныряют один за другим погружая голову и поднимая на мгновение вверх огромный горизонтальный хвост, который в следующий момент хлопает по воде. Кит исчезает и подныривает под лодкой. На какое-то время они

составляют нам компанию, приглушая беспокойство от этой странной тишины, потом удаляются в море, оставив нас снова одних.

Появляются новые бухты и мысы, пляжи, дюны жёлтого песка и скалистые выступы. Но всё пустынно и неподвижно. Мы устали. Уже тринадцать дней и ночей мы находимся в плавании. Идём курсом на север вдоль сомалийского берега, держась вне пределов видимости днём и приближаясь ночью, чтобы использовать ночной береговой бриз. На широте мыса Guardafui сомалийский берег заканчивается и Африка вместе с ним. Мы вышли в Индийский океан, где надеемся найти первые дуновения муссона и далее идти быстрее. Но тут мы встретили опять слабый ветер и крутые, беспорядочные, хаотичные волны. Совершенно непредсказуемые валы катились на нас со всех сторон. Потребовались ещё три дня, чтобы добраться сюда, и только этой ночью, почти полностью прекратившиеся ветер и волнение предвещали близость земли, ещё до того как она появилась.

Мы чувствуем себя усталыми и неуверенными, не знаем чего ожидать. В резком свете утра стоим перед незнакомым островом, одни и не видим ничего и никого. Кажется мы потеряли вкус к приключениям.

- Может быть пойдём дальше?

Достаточно одного движения, чтобы изменить курс. Лёгкий поворот румпеля, подобрать паруса и мы могли бы отправиться в открытое море, словно Сокотра и не существовала.

- Подожди, не будем принимать скоропалительных решений. Подойдём ближе.

Вода стала голубой и сквозь неё видно песчано-скалистое дно и большие косяки красных рыб. Появляется мыс тёмного песка, а на берегу, кажется, развалины крепости. Смотрю в бинокль - это не развалины, и крепости нет. Это кучи камней с отверстиями. Неожиданно соображаю, что это жилища. Бегают голые детишки, женщины одетые в жёлтое. Это деревня. Нет ни дерева, ни куста, ни дороги. Только отверстия в скалах и дома сложенные из камней.

В море, продолжением мыса появились тёмные пятнышки. Это крохотные каноэ.

- Пошли посмотрим? – глядим друг на друга в нерешительности.

- Не испугаемся же мы бедных рыбаков в каноэ?

Направляемся в сторону полуострова, медленно приближаемся.

Каноэ все чёрные, старые и растрескавшиеся, как и их хозяева. В каждой лодке два рыбака, которые ныряют по очереди и собирают что-то со дна. Они прерывают своё занятие и тоже приближаются к нам на вёслах. Из одежды на мужчинах только кусок материи вокруг бёдер. Очень худые. Африканского типа лица.

Первый подошедший делает недвусмысленный жест, хлопает рукой по втянутому животу: голод. У нас есть хлеб, ещё из Массавы. Он засох и пахнет плесенью после нескольких недель в рундуке, но они съедают его с удовольствием. Сыр же, с которым мы расстаёмся скрепя сердце, принимают подозрительно. Передают его друг другу, из лодки в лодку, нюхают, мнут, рассматривают в нерешительности. Наконец один пробует и выплёвывает, показывая единственный жёлтый зуб оставшийся во рту.

Дно каноэ полно устриц, размером в ладонь, плоды их постоянных ныряний. Нам они их не предлагают, а просят ещё хлеба. Когда же даём понять, что больше у нас нет, просят денег.

- Flus, flus, flus, bachscisc, bachscisc... - повторяют все вместе монотонным хором, вызывающим мурашки по коже.

Они не агрессивны, но и не дружелюбны. Стоят в своих каноэ держась за релинги и повторяя: «Flus, flus, flus, bachscisc...». Другие каноэ приближаются прямо от деревни и сидящие в них люди начинают кричать, как только оказываются на расстоянии слышимости.

- Лучше уйти, Карло. Пока их не стало слишком много.

- Согласен. Ты заводи мотор, а я присмотрю за ними.

Лодка медленно трогается (держу мотор на минимуме, чтобы не было похоже на бегство) курсом на восток, вдоль пустынного берега. Они смиряются, отстают и снова принимаются нырять.

Мы пересекаем большой залив, потом, если верить карте, должен быть главный город острова, столица и резиденция султана.

Залив, как и всё кругом, кажется необитаемым, но неожиданно из какой то расщелины появляется большая лодка под мотором и идёт на нас. Она полна людей, я вижу их в бинокль, и окутана чёрным дымом от мотора. Пробую поменять курс, но они тоже меняют. Истории о пиратах и разграбленных яхтах вдруг становятся более реальными. Лодка, идущая на нас, широкая, плоская и сидит низко в воде, но она идёт быстрее нас. Если бы был ветер...В этом неподвижном воздухе мы движемся, как улитка, несмотря на то, что держим мотор включенным.

- Ладно, не важно, не беспокойся.
- Я не беспокоюсь, если ты не беспокоишься.
- Вот и хорошо. Мы оба спокойны.

У Лиззи странное выражение лица, когда она подаёт мне через люк ружья для подводной охоты. Это мощные ружья с натяжной резиной толщиной в сантиметр. Если использовать их на воздухе с близкого расстояния, могут быть смертельным оружием.

Я кажусь сам себе смешным, но всё равно заряжаю их и складываю в кокпите возле румпеля под рукой. Лодка неотвратно приближается, а мы кажемся стоящими на месте. Через десять минут она рядом. Проходит в нескольких метрах от нас и поднятые ей волны стучаются о наш борт. Люди на лодке стоят вдоль борта и смотрят на нас так, словно мы марсиане.

- Может быть они никогда не видели парусной яхты.
- Может быть просто хотели посмотреть на нас вблизи.

Лодка уходит на восток, снова оставив нас одних.

- Давай разрядим ружья, пока не покалечились.

Я спускаюсь в каюту, время сеанса радиосвязи. Со времени выхода из Массава мы поддерживаем контакты с друзьями разбросанными по всем морям. Ренато передаёт из Судана, Джачинто из Египта, Джакомо с Мадагаскара, Пьерлуиджи из Италии.

- Ну? На берегу готов уже котёл? – голос Ренато, такой знакомый, пробивается сквозь шорох и треск разрядов в эфире. Я рассказываю ему о первой встрече с ловцами устриц и о лодке, прошедшей совсем рядом с нами, о подводных ружьях не говорю ничего.

- Сегодня утром у нас здесь было 44 градуса и почти без ветра. – сообщает Ренато.

- Вода в заливе настолько прогрелась, что рыба начинаетдохнуть и всплывает вверх брюхом.

Джачинто из Египта, несколько сотен миль севернее, тоже говорит о высоких температурах. Джакомо на Мадагаскаре хочет знать мельчайшие подробности всего, что мы видим. Все они день за днём следили за нашим приближением к Сокотре и теперь связываются с нами каждые несколько часов, чтобы услышать новости.

«Столица – бедный посёлок, состоящий из сотни домов...» - говорит лоция, «и является также резиденцией султана.»

«Султан? Это невозможно. Йемен социалистическая страна.» – замечает Лиззи. Мы осторожно приближаемся к берегу. Первым появляется минарет в центре посёлка, как и говорится в лоции. На самом деле это глинобитный дом, который в отличии от других оштукатурен и побелен. Ещё он выше других. Мы подходим ещё ближе. Сквозь прозрачную воду видны скалы и крупная галька на дне. Сейчас полдень и стоит страшный зной. Мы прижимаемся к гроту, прячась в его тени, которая с каждой минутой становится всё меньше. Странно, но я не вижу песчаного дна у этого берега, на котором, согласно лоции, мы должны бы бросить якорь. Тем временем на берегу собралась группа людей. В основном дети, они видели наше появление и теперь ждут нашей высадки на берег. Подходим ещё ближе. Не понимаю. Детали не совпадают. Появился мыс, которого нет на карте. А вместо песчаного понижающегося дна, дно под нами плоское каменистое.

- Стоп! Стоп! Осторожно, осторожно! – Лиззи на носу что-то увидела.

Переключив румпель до упора влево. “Barca Pulita” плавно меняет направление, разворачивается и останавливается с набитыми парусами, в нерешительности, прямо как мы. Впереди, в десяти метрах, едва возвышается над водой тёмный силуэт скалы покрытой водорослями, словно спина задремавшего кита.

Здесь не может быть скалы. Я уверен, что на карте она не обозначена. Но если есть одна, то могут быть и другие. Я бросаюсь за картой, чтобы сверить все детали.

- Чёрт возьми! Лиззи, мы ошиблись.

Может это от жары или от напряжения, но мы, как новички, перепутали бухту и это могло дорого нам обойтись. Вместо того чтобы нанести точку положения на карту, проверить курс, проконтролировать дно, мы подошли к берегу без всяких предосторожностей у посёлка из нескольких домов, будучи уверенными, что это и есть город. И теперь мы находимся среди мелей, в то время как столица находится дальше, за следующим мысом.

На берегу кажется разочарованы увидев, как мы разворачиваемся и удаляемся на восток. Группа стоящих на солнце людей расходится, представляю их лица.

Проходит час и столица появляется из за мыса, когда мы чувствуем себя расплавленными от жары, усталости и солнца стоящего в зените. На этот раз на берегу собралась огромная толпа, которая занимает весь центр пляжа.

Друзья по радио говорят, что мы должны сойти на берег немедленно, чтобы не разочаровать их. Я же предпочёл бы завалиться на койку и отложить всё на завтра. Ренцо из Порт Судана советует сойти на берег мне одному, а Лиззи остаться на борту.

- Одному на берег! Даже не подумаю!

В конце концов собираем остатки энергии, спускаем на воду тендер и спускаемся оба. Последние лучи солнца окрашивают в жёлтый и оранжевый цвета город, берег, дома. Сотня рук хватается тендер вынырнувший из прибоя, поднимают и опускают на берег, между деревянными каноэ и примитивными рыбацкими снастями. Сотни рук двигаются в исламском приветствии, сотни огромных детских глаз неотрывно смотрят на нас.

Задублённые на солнце лица, растрескавшиеся руки рыбаков. Жестами говорят нам: «Добро пожаловать!»

Мы не нашли пиратов на Сокотре, и даже воспоминаний о них. В бухте у Nadiboo лодку качает, но не очень сильно. Рыбацкие каноэ бесшумно скользят рядом, немного меняя курс, чтобы посмотреть на нас поближе, но сидящие в них люди опускают взгляды. После первого дня, когда множество людей встречало нас на берегу, они больше не проявляли интереса к нам и оставили нас в покое.

Днём невыносимо жарко. Температура за сорок, ни малейшего ветерка и невозможно дышать. В короткие часы прохлады после рассвета и перед закатом выходим на берег для коротких прогулок. Стараемся побольше увидеть и понять, а также ищем возможность пополнить камбуз, запасы которого уже опустились до минимального уровня.

Дороги, покрытые мягкой пылью, усеяны острыми камушками и осколками раковин. Магазинов нет.

- Должны же они чем то питаться. – повторяю я и продолжаю искать.

Вокруг дома квадратной формы, серого и чёрного цвета, того же цвета, что и гора, с которой были взяты камни для их постройки.

- Наверное они питаются рыбой. – отвечает Карло подумав.

Пока что самое лучшее на острове, это море. Оно кишит рыбой. Каждое утро рыбаки возвращаются, менее чем через пару часов работы, с полными каноэ. Даже дети ловят прямо с берега, забрасывая микроскопические сетки и каждый раз вытаскивают две три извивающихся рыбёшки. Чтобы освободить их из сети, они берут рыбу зубами за голову, осторожно вытаскивают и кидают в жестяную банку. Когда солнце поднимается выше и жара становится невыносимой, каждый из них несёт домой банку полную рыбы.

- Согласна, но никто не живёт одной только рыбой. - и мы продолжаем поиски. Вокруг бродят маленькие козы и пытаются глотать мусор – единственное, чего в достатке на улицах

Сокотры. Наконец посреди дороги, которая стала шире, появляются лавки. Это ящики, высотой метра полтора, которые открываются вдоль. Внутри каждой из двух частей устроены полки, на которых выставлен весь товар имеющийся в продаже на Сокотре: сигареты россыпью, сухое печенье, чай, чёрный и зелёный, пакеты с чем-то белым, спички, мыло и несколько головок чеснока. Когда приходит время молитвы, хозяин закрывает свой своеобразный сундук на висячий замок, скрепляя между собой две составляющие его части. Остальное время торговцы лениво лежат в тени в ожидании покупателей.

Мы рассматриваем товар в одном из магазинов-сундуков, когда машина, что-то вроде джипа бледно голубого цвета, останавливается напротив нас на пыльной дороге.

Из неё выходят два мужчины, одетые в светлые халаты и белые вышитые ермолки. Деликатными но решительными жестами просят нас следовать за ними.

- Куда мы должны идти? – спрашивает Карло немного обеспокоено.
- Mudir, mudir. – отвечает мужчина.
- Хочет отвести нас к начальнику. Кто знает, что это за начальник.
- Может он имеет ввиду султана?

Смотрю на нашу лодку, стоящую на якоре посреди бухты. Мне совсем не хочется оставлять её. Не хотелось бы даже терять её из вида.

- Это не может быть далеко. – говорит Карло, показывая на посёлок. Nadiboo – горстка домов громоздящихся между бухтой и чёрной горой. Действительно, место, куда нас хотят отвезти, не может быть дальше чем последние дома. Соглашаемся и оказываемся в тесноте автомобиля. Едем подпрыгивая на глубоких колдобинах по узким улочкам между строений из тёмного камня. Козы разбегаются в беспорядке и дети смотрят на нас, словно мы прилетели с Луны. После нескольких поворотов и многочисленных прыжков джип останавливается перед белым особняком увенчанным четырьмя шпилями. Дворец султана?

Нас приглашают войти в дверь, до смешного маленькую, и мы оказываемся в прямоугольной белой просторной комнате. Голые стены и никакой мебели. На полу, вдоль стен, на циновках сидят люди, кажется в ожидании чего-то. В глубине, на горке отделанных золотом подушках сидит человек, который с первого взгляда производит впечатление главного. Высокий, внушительный и хотя сидит, видно, что он выше других на голову. Босые ноги, чистые и ухоженные. Одет в набедренную повязку – доти, яркой расцветки - переплетение чёрного и золотого. Такой же платок, закреплённый золотым шнуром, покрывает голову. Широкая белая рубаша из хлопка с короткими рукавами оставляет открытыми смуглые предплечья и сильные запястья. На руке золотые часы советского производства. Руки ухоженные, длинные пальцы, светлые ногти и два массивных перстня увенчанных цветными камнями. Под рубашкой, наверное чтобы держалась доти, ремень из тёмной кожи, за который заткнут большой пистолет, ручка которого упирается ему в рёбра.

Вся его фигура излучает силу и власть. И ещё от него исходит восточный аромат мускуса и свежести. Наверное он мог бы вызывать робость, если бы не дружелюбное открытое лицо.

Волосы под платком чёрные и блестящие, белозубая улыбка под сталинскими усищами застаёт врасплох. Из под чёрных густых бровей смотрят глаза изумрудного цвета.

Человек, сопровождавший нас, кланяется до пола и исчезает, скользнув как угорь за дверь, через которую мы вошли. Мы остаёмся посреди комнаты и все смотрят на нас.

Появляются две подушки и mudir жестом руки предлагает сесть, потом говорит что-то в сторону двери. Приносят алюминиевый поднос с двумя стеклянными стаканами дымящегося чая и десятком светлых шариков в сахарной пудре.

- Я видел как вы подходили - начинает разговор хозяин, улыбаясь своей ободряющей улыбкой, на удивительно чистом и беглом английском. - Откуда идёте, почему решили зайти сюда?

Отвечаю на самом лучшем английском на какой способна, выбирая самые простые слова. Объясняю, что мы итальянцы, путешествуем на лодке в поисках красивых и малоизвестных мест и мы пришли на Сокотру, потому что знали, что это должно быть очень интересный

остров, хотя никто и не приезжает сюда. Говорю и вижу как загораются глаза султана, словно стекло под лучами солнца. Он спрашивает, где мы уже побывали, что видели, были ли мы уже в Йемене.

Кажется, что ему знакомо всё то, о чём мы ему рассказываем и наконец он спрашивает:

- Ну и как вам показалась Сокотра, после всех этих мест, где вы побывали?

- Ну, интересно, конечно интересно...но мы только что прибыли и пока ещё мало что видели.

- Можете оставаться здесь сколько захотите и смотреть что захотите. Если вам что-то понадобится, обращайтесь прямо ко мне. Нужны вам продукты, вода, горючее?

- Нет, спасибо, у нас есть всё необходимое. – я говорю неправду, но как скажешь такому человеку, что нам нужен лук, тампакс и растительное масло? – Спасибо за гостеприимство.

Он снова улыбается и поднимает руку в направлении двери. Через несколько минут появляется женщина с соломенной корзинкой. В корзинке папайя, большой ананас и две грозди бананов.

- Это из сада этого дома. Это немного из того, что производится на острове.

Лучшего нельзя было и пожелать.

9. Посреди океана. Часть 1

Я стою на вершине, на гребне огромной дюны круто спускающейся к морю. Ноги утопают в песке. Опускаю глаза вниз и скольжу взглядом по крутому склону. В четырёхстах метрах ниже он заканчивается в воде, и там, немного близко к берегу – наша лодка. На голубой воде, с поднятыми парусами отсюда она кажется маленькой и ненадёжной, почти ненастоящей.

Забраться сюда, это была немного сумасшедшая идея, пришедшая в голову в конце очень суматошного дня. Всё началось этой ночью, когда мы были ещё в бухте Nadiboo. Неизвестно откуда прилетевший жестокий порыв ветра засвистел в вантах, заставил вибрировать мачту и корпус лодки, развернув её на 180 градусов на якорной цепи. Цепь неожиданно натянулась от сильной нагрузки. Мы бросились крепить всё что могло улететь в море: сушившееся бельё, солнечный навес, тендер. Вокруг бушевала странная буря из горячего воздуха, ветер пах пылью и землёй. Через несколько минут всё закончилось, но это было как предупреждение: погода давала знак, что пора отправляться дальше.

По причинам, которые мне не ведомы, муссон дующий со скоростью двадцать четыре узла на всей западной части Индийского океана, у Сокотры более жестокий. Установившись в зоне острова, он усиливается до пятидесяти узлов, поднимая огромные волны. Шквал этой ночью был предупреждением и мы восприняли совет. С первыми утренними лучами солнца быстро подготовили лодку к переходу. Сдули и сложили надувной тендер, привели в порядок паруса, закрепили всё внутри лодки и ещё в первой половине дня, как только подул ветерок, снялись с якоря и подняли паруса.

Жаль, Сокотра ещё многое могла бы рассказать нам. На этом острове живут два народа: люди моря и люди гор. Первые – это арабы, прибывшие сюда в этом тысячелетии, они мусульмане. В горах же живут потомки древних обитателей острова. Они маленькие и скрытные, непонятной расы. У них свой язык, своя религия, они не смешиваются с людьми побережья и почти не показываются на вид.

Мы хотели подняться в горы, найти их и султан вызвался быть нашим проводником и переводчиком. Но бухта Nadiboo, где нам пришлось бы оставить лодку без надзора, слишком открыта волнам и ветру и мы не рискнули.

Наконец мы вышли и меньше чем через час плавания вдоль безлюдного берега Сокотры увидели дюну: внушительная, очень высокая из мелкого светлого песка она расположилась между морем и горой.

- Но как весь этот песок оказался здесь? – спрашиваю я себя.

Окружающие горы чёрные и скалистые, и кажется, что огромная светлая дюна перенеслась сюда по волшебству.

- Не знаю, может она всегда здесь была.

- А что, если сойдём на берег пофотографировать?

- Не получится, мы уже убрали тендер. - замечает Лиззи.

- Можно добраться до берега вплавь.

- Ты с ума сошёл.

- Ну почему? Мы ушли слишком в спешке. – настаиваю я. – Всего на несколько минут.

То, что мы сделали потом, было немного рискованно. Подошли на лодке очень близко к берегу, до глубины всего два метра, бросили якорь в неподвижной воде и, оставив поднятыми грот и бизань, так как не было ни малейшего ветерка, прыгнули в воду, захватив гермоупаковку с одеждой и фотоаппаратом.

Теперь, глядя с высоты на лодку, которая кажется слишком близко к прибрежным скалам, мне хочется бежать вниз. Если бы сейчас поднялся ветер, лодка оказалась бы в опасности и у нас без тендера были бы проблемы с возвращением на борт.

- А если кто-нибудь придёт, пока мы здесь наверху? – говорит Лиззи.

- Да ладно, кто сюда может прийти? – отвечаю я, стараясь не выказывать своих опасений.

На самом деле, пустынный, безлюдный пейзаж, окружающий нас, наводит на мысль, что вряд ли кто-нибудь может жить в таком месте. Но всё же мысли о ветре, который может вдруг подуть и о аборигенах, которые могут забраться на лодку лишают пребывания здесь всякого удовольствия. Отсняем в спешке ролик плёнки и начинаем сумасшедший спуск, катаясь и утопая в песке, как дети бегущие со снежной горы. С большим чувством облегчения вхожу в воду, совершенно горячую у берега.

Хватит. Действительно пора отправляться. Сразу берём курс на северо-запад, чтобы удалиться от острова с его горами, которые загораживают ветер. И когда начинает опускаться вечер, первые неровные порывы ветра дают знать о себе.

В десять часов умеренный ветер с востока, берём первые рифы на гроте.

В одиннадцать уже ветер уже крепкий и появляются первые волны. Восходит луна и в её мерцающем свете лодка оживает и набирает ход. Пять узлов, шесть узлов, восемь... Берём вторые рифы на гроте и первые на бизани. Убираем тяжёлую геную и заменяем её на стаксель номер один.

В полночь Сокотра исчезает за кормой, ветер уже превышает двадцать пять узлов и большие волны катятся с юга. Берём две полки рифов на гроте и две на бизани. Ставим бизань кливер и стаксель номер два. С этими уменьшенными парусами “Barca Pulita” пробирается через волны, поднимаясь каждый раз на несколько метров без видимого усилия, за исключением, когда волна обрушивается, отвешивая оплеуху и покрывая нас пеной.

Началась большая качка! Это море, этот сильный ветер и волны будут сопровождать нас последующие недели.

День первый

6.00. Солнце восходит над волнующимся морем. Большие волны на просторе напоминают ряды одинаковых холмов. Только что рассвело, высовываю голову наружу и замечаю идущее совсем рядом судно. Слишком поздно маневрировать и судно проходит менее чем в ста метрах у нас за кормой. Заметили ли они нас? Может быть заметили и сманеврировали, чтобы разойтись с нами. А может они, как и мы спали и мы не столкнулись, лишь потому, что не смотря ни на что, океан огромен, и мы и они в сравнении с ним просто мошки и вероятность столкнуться с кем то на таком огромном пространстве в действительности минимальная.

Конечно, я осознаю, что мы должны быть более внимательны и один из нас обязательно должен нести вахту. Да только у нас нет на это сил, мы неважно себя чувствуем, так как страдаем от морской болезни.

Всё утро мы валяемся на койках, изнывая от жары и односложно ругая их неудобность. Я начал читать автобиографию Чарли Чаплина. Он рассказывает о своём детстве в Лондоне, когда он был вечно голоден и питался лишь бульоном из рыбьих голов, единственное что могла достать его мама...я же чувствую тошноту и даже от мысли о еде меня мутит.

Наконец Лиззи, сделав над собой усилие, шарит по шкафчикам и извлекает пиалушку с остатками рисового салата, который мы приготовили ещё вчера перед выходом. Но вкус у риса прогорклый и ситуация только ухудшается. Мы отказываемся от идеи поесть и молча лежим, каждый на своём месте, периодически выходя по очереди наружу, проверить паруса и глянуть на море.

Море вокруг нас огромно. После недавнего судна мы не встретили больше никого. И я уверен, что с каждой милей, удаляясь от Красного моря, можно не бояться других встреч. В остальном всё спокойно, ветер остаётся стабильным, около пятнадцати узлов, волны большие, но регулярные. Утром мы отдали рифы и теперь нет необходимости трогать паруса или такелаж, лодка сама продолжает свой бег по волнам.

18.00. Меня всё ещё мутит, но Лиззи чувствует себя намного лучше. Собравшись с силами она принимается разжигать примус, чтобы отварить картошки с луком. Наливает спирта в горелку, но что то не так с горючим, примус не разжигается и запах паров спирта и керосина заставляет сжиматься мой желудок. Однако, позднее от кастрюли начинает доноситься более приятный запах и через пол часа мы садимся ужинать в кокпите. Уже стемнело, небо наполовину звёздное наполовину облачное. Лодка бесконечно поднимается и опускается на волнах и вокруг нас море. Может быть от того, что я не ел уже больше двадцати четырёх часов, но вкус варёной картошки мне показался самым лучшим в мире. Он возвращает меня к жизни, я даже начинаю смутно осознавать грандиозность того, что нас окружает.

Банка с солью упала со стола и катается вперёд – назад по сланям, в такт качке.

- Подними её. – говорит Лиззи.

- Подними ты. Боюсь выbleвать картошку. – я бросаюсь на койку. До Мальдив ещё 1146 миль. Целая бесконечность.

День второй

Морская болезнь прошла, хотя волнение по-прежнему сильное. Сегодня ночью, около трёх часов, ветер усилился. Мы не взяли рифы, надеясь, что усиление кратковременное. Действительно, на рассвете немного утихло, но волны остаются большими и длинными, и нам придётся привыкать к ним, думаю такими они и будут на протяжении всего перехода. Мы больше не видели других огней или лодок, но, в компенсацию, летучая рыба приземлилась на палубе, отчаянно трепеща крыльями, пытаясь вернуться в море. Она длинной с сардину, покрыта переливающимися чешуйками, прозрачные крылья почти такой же длинны как сама рыбка. Я хотел спасти её, но пока мы искали куда она забилась между якорными лебёдками и клюзами на корме, сломалось одно крыло. Я всё равно бросил её в воду. Конечно, не выживет, но хоть послужит пищей другим рыбам.

12.00 Наши координаты 11° 51’ северной широты, 57° 40’ восточной долготы. До Мальдив остаётся 1064 мили.

18.00 Большие облака на горизонте. Ветер поворачивает на юг: плохой признак. Берём две полки рифов на гроте и одну на бизани, меняем геную на стаксель 1, это самый маленький, он из более прочной парусины. Через час работы всё готово к встрече грозы, которая уже приближается угрожающе сверкая молниями. Так как паруса уменьшены, делать больше нечего а снаружи непроглядная тьма, мы скрываемся в каюте на своих койках. Периодически выходим осмотреться.

22.00 Гроза прекратилась, не нанеся никакого ущерба. Установилась непонятная погода, ветер постоянно меняет силу и направление. Нужно бы снова прибавить парусов и провести всю ночь регулируя паруса и рулевое устройство в соответствии с изменениями ветра. Но на это нет никакой воли и мы остаёмся на койках, хоть так и пройдем гораздо меньшее расстояние и даже, возможно, не в том направлении.

На небе уже виден Южный крест, а Полярная звезда, уже на Сокотре казавшаяся очень низкой, с каждым днём становится всё ближе к горизонту.

День третий

Прозрачный рассвет и небо ярких цветов, яркое солнце восходит из за горизонта. В 9.00 остаётся 961 миля до Мальдив. Значит за вчерашний день мы прошли всего 103 мили. Причина в переменном ветре этой ночью и нашей лени. Но это не важно. Прекрасное утро и солнце служат нам утешением.

Так как сегодня воскресенье, Лиззи предлагает отпраздновать его оладушками, и я, в первый раз с начала нашего плавания, встаю к плите. Плескаю полужидкое тесто из яиц и муки на сковородку и держась крепче за поручень слежу за процессом жарки и за эффектом, который оказывают волны на раскалённое масло в сковородке. Оно угрожающе раскачивается, но редко поднимается до края. Однако я держу руку на ручке сковороды, готовый в любой момент предотвратить его выплёскивание. Пол часа жарки в тесноте камбуза и ко мне почти вернулась тошнота, но блюдо румяных оладушков готово.

Едим в кокпите под палящим солнцем в окружении самого прекрасного в мире пейзажа: бесконечная голубая ширь усеянная белыми гребешками. И оладушки очень хороши.

Вторую половину дня проводим на палубе в тени парусов. С течением времени тень перемещается: сначала она в кокпите, потом в середине лодки, потом на носу. К закату мы сместились на самый нос, но это уже не так важно, солнце уже не жжёт а ласкает наши лица золотыми лучами.

Ветер держится умеренный и лодка идёт очень хорошо.

- Если бы всегда было так... – говорит Лиззи.
- Не питай больших надежд. Пока нам очень везёт.

Действительно, ещё до наступления ночи небо затягивает тучами и ветер крепчает.

22.00. Берём рифы на гроте и бизани и ставим стаксель 1.

23.00. Мелкий дождь и порывы ветра. Тревога на борту. Резкий свист, доносящийся снаружи, сопровождаемый прерывистым треском, подбрасывает нас с коек. Я ожидал чего то страшного, но, выскочив в кокпит под дождь, обнаружил что треск исходит от рыболовной катушки, закреплённой на кормовом релинге. Уже два дня, как мы бросили леску в воду и забыли и вот теперь должно быть что-то попало. Темно и ничего не видно, но я бросаюсь к катушке, зажать тормоз, в то время как Лиззи, достав фонарь, освещает вдалеке за кормой что-то веретенообразное, что подпрыгивает и падает в воду.

- Это рыба! Огромная! – кричит она.
- Да ладно. Ночью это невозможно.
- Я тебе говорю. Я видела, как она прыгала.

Леска сильно натянута и наматывается с трудом, бросаю катушку и тяну леску руками, скидывая её беспорядочно в кокпите. Я начал было голыми руками, но вскоре, чтобы не порезать руки натянутым как струна нейлоном, пришлось одеть рабочие перчатки, которые Лиззи откопала в рундуке. Десять минут, и веретенообразное тело рыбыны появляется из тёмной воды. Широким взмахом руки поднимаю её и бросаю в кокпит. Луч фонаря освещает светлые вертикальные полосы на длинном тёмном теле. Пасть полна зубов, огромный чёрный глаз смотрит угрожающе.

- Это же барракуда. Вот не везёт!

Из всех возможных, барракуда худшая добыча. Её мясо волокнистое и безвкусное, а сама рыба невероятно живучая и может часами биться пока умрёт, выделяя при этом

отвратительную слизь, из за которой весь кокпит становится скользким и липким. И потом, ночью, при большом волнении и дожде любая рыба длиной больше метра это только лишние хлопоты. У кого сейчас возникнет желание чистить её, мыть, разделывать, не говоря уже о готовке.

- Мы можем её отпустить – предлагает Лиззи.

- Да, но как вытащить крючок?

Рыба прыгает и бьётся, хлещет хвостом и вибрирует, как бешенная. Мы на расстоянии наблюдаем в свете фонаря её пасть усеянную острыми зубами и думаем, как извлечь крючок не изувечившись.

- Придётся ждать пока сдохнет. - заключаю я.

- Смотри, она сама освободилась. – замечает Лиззи. От бесконечных прыжков крючок выпал и нам теперь остаётся найти способ выбросить чудовище в море не поранившись.

Я обхожу его на безопасном расстоянии по банке кокпита, хватаю за скользкий хвост и бросаю обратно в море. Барракуда исчезает со всплеском, даже не поблагодарив.

- Ты подумай, в рыбном магазине в Милане такая рыба стоила бы состояние.

Нам осталось только распутать леску и смотать её на катушку, вымыть с мылом скользкий кокпит и возобновить несение вахт. Дождь прекратился, но небо по прежнему затянуто и не видно ни одной звезды.

День четвёртый

11.30. Сегодня утром ветер дунул сильно, застав нас врасплох.

Погода начала портиться на рассвете: небо чёрное и покрыто тучами, сильный ветер, то начинающийся, то прекращающийся дождь. Волны более трёх метров. Мы сразу уменьшили парусность, взяли три ряда рифов на гроте и два на бизани и теперь сидим внутри, слушая вой ветра, шум дождя и плеск волн. Я начинаю готовить завтрак, как вдруг неожиданный резкий крен заставляет нас бросить всё и выскочить в кокпит. Хлещет сильнейший дождь, ветер, водяная пыль.

- Уберём грот. – кричу я. Лиззи кидается к фалам, я отключаю ветровой рулевой и становлюсь на руль. Лиззи у мачты изо всех сил тянет грот вниз, но он идёт с большим трудом. Я могу только оставаться на руле, стараясь держать нос против ветра, чтобы обезветрить паруса и облегчить Лиззи её усилия. Медленно грот ползёт вниз, но ветер дует с такой силой, что когда Лиззи пытается закрепить его, взбешенная парусина хлещет её по лицу и глазам. Но даже с убраным гротом мы продолжаем нестись как сумасшедшие, к тому же лодка стала сильно приводиться и теперь очень трудно держать её на курсе. Нужно бы пойти на нос и убрать один парус, хотя бы стаксель, но я не осмеливаюсь даже предложить это и просто продолжаю держать рвущийся из рук руль под дождём, который хлещет меня по спине. На мне ничего нет и я дрожу от холода. Но самое плохое продолжается не больше двадцати минут. Потом ветровой рулевой снова в состоянии держать курс и мы возвращаемся в каюту греться.

16.00. Через восемь часов такого сильного ветра первый стаксель не выдержал, расползся по шву. Потихоньку, потихоньку пробираемся на нос среди волн и брызг, убираем его и продолжаем идти под бизанью кливером и триселем, но и так делаем шесть узлов и о увеличении парусности не приходится думать, так как ветер продолжает усиливаться. Море белое от дождя и пенных гребней и в пятидесяти метрах уже ничего не видно.

19.00. Катаклизм не хочет заканчиваться. Мы сидим закрывшись в каюте. Видимости никакой, каждые двадцать минут передаём в эфир сообщение, с указанием наших координат и скорости. Если поблизости были бы суда, это их насторожило бы, привлекло внимание. Но никто не отвечает. Так лучше.

Сегодня я забыл нанести на карту наши координаты. Но что изменится, если мы будем знать, что до Мальдив осталось 870 миль вместо 850? Мы просто находимся посреди океана и расстояние, которое отделяет нас от берега, огромно.

День пятый

5.00. Ветер немного ослаб. Волны, однако, остаются большими и огромные гребни забираются на палубу. Поднимаем стаксель 2, чтобы увеличить скорость и быстрее убежать от непогоды. Завтракаем кофе с молоком и печеньем стоя, иначе рискуем перевернуть чашки.

Волны превышают четыре метра, я замерил их поднимаясь на мачту до точки пока гребни выровнялись с горизонтом. Но несмотря ни на что, море не кажется мне опасным, хотя и доставляет множество неудобств и каждое движение даётся нам с трудом.

С другой стороны, ещё до выхода мы знали, что так оно и будет. Летний юго-западный муссон очень капризный ветер, влажный, с грозами и шквалами. Если бы была зима, то дул бы северо-восточный муссон, более сухой и мягкий, но встречный и продвигаться вперёд было бы невозможно.

19.00. Погода не меняется весь день. Большие волны, сильный ветер и мы летим со скоростью шесть – восемь узлов под штормовыми парусами. Не остаётся ничего другого, как терпеть и возобновить несение вахт. Сегодня опять забыл нанести координаты на карту. Вернее не забыл, а постоянно откладывал, но завтра точно сделаю.

- Спокойной ночи, Лиззи.
- Спокойной ночи, Карло.

10. Ночные мысли

Только что минуло полночь. Не знаю почему, но сегодня вечером я смертельно устала. Ужасно хочется спать и даже страшно подумать, что до конца вахты ещё целых два часа. Обычно во время ночных вахт я сижу в каюте и читаю. Каждые четверть часа выхожу на палубу осмотреться, лодка же идёт сама, управляемая авторулевым. Оглядываю море, на предмет маловероятных здесь огней судов, и, самое главное, смотрю на небо, нет ли признаков надвигающейся грозы. Моя задача – изменить курс, если будут другие суда поблизости или уменьшить парусность, если ветер вдруг надумает усилиться. Но сегодня слишком сильно хочется спать. Если я останусь в каюте читать, то обязательно засну. Поэтому стою в кокпите, оперевшись на рулевую стойку, так, чтобы свежий ветер поддерживал во мне бодрость.

И подумать только, когда-то, даже не так уж давно, я была «совой». Гуляла каждый вечер допоздна или принимала друзей и даже если приходилось остаться дома и не приходили гости, всё равно спала очень мало. Теперь же я иду спать с закатом солнца.

Но это были другие времена, и это была совсем другая жизнь, которую я вдруг изменила в один день.

Холодным осенним вечером, когда жиденький туман клубился над каменными плитами маленькой площади, где мы с Карло сидели за столиком за рюмкой аперитива после рабочего дня, похожего на сотни других. У Карло уже была лодка и он мечтал:

- Рано или поздно я решусь наконец отдать швартовы и отправлюсь, может быть даже вокруг света.

- Если отправишься, я с тобой. – ответила я.

Он не верил, что я говорю всерьёз, имея дочь, работу, множество родственников и весь этот мир, что окружал меня.

- Ты серьёзно? Пошла бы со мной?
- Серьёзно.

- Имей ввиду, это моя мечта, и я никому о ней не рассказывал. Не говори ничего, если не уверена в этом.

- Будь уверен, если ты пойдешь, я с тобой.

- И когда отправляемся?

- Через два года?

- Через два года.

Через два года и шесть месяцев мы отдавали швартовы отправляясь за горизонт.

Однако мне нравилась моя жизнь. Мне нравилась работа, нравились люди, с которыми встречалась, мой дом и город, в котором жила. На лодке же я ни разу не была, прежде чем приняла решение отправиться в плавание.

Во время подготовки я не говорила об этом почти никому, потом, ближе к отправлению, начала извещать всех о моём решении.

Реакция была самая разнообразная. Самые употребительные эпитеты были – *сумасшедшая* и *безответственная*. Казалось совершенно невозможным, чтобы я могла оставить работу, быть вдалеке от моей дочери, плыть посреди моря на лодочке, к тому же такой маленькой. Единственное, что успокаивало большую часть родственников, уверенность, что я не выдержу первых же испытаний и очень скоро вернусь домой. Однако были и те, что поддерживали меня : «Молодец, что решила сбежать из этого мерзкого места.»

Но я не собиралась сбежать, просто хотела посмотреть, что там, в остальном мире. Потом я думала вернуться домой и к прежней жизни. Конечно, у меня не было никакого опыта плавания, но я собиралась приобрести его со временем и полностью доверяла Карло, верила в его способности управляться с лодкой и научить этому меня .

Поток тёплой воды в лицо возвращает меня к реальности. Волна разбилась на палубе и брызги долетели сюда, в кокпит, облив мой непромоканец. Смотрю на часы, подсвечивая их светом от компаса. Прошло всего пол часа, как я смотрела время в последний раз. Море пустынное. Иногда слышу свист дельфинов, но сколько не всматриваюсь, ничего не видно. Начинает восходить луна. Ночью это всегда немного страшно. В темноте не видна линия горизонта и этот неверный оранжевый свет может показаться судном вдалеке или плывущим огнём.

Водяные брызги прервали серию зевков, которые грозили мне вывихом нижней челюсти. Ещё пять-шесть дней в море и придём на Мальдивы, наконец я лягу спать и просплю двенадцать часов подряд.

Этот переход не будет очень длинным, во время кругосветки на “Vecchietto” случались переходы по двадцать и тридцать дней.

Та кругосветка должна была продлиться два года. Каждые четыре или шесть месяцев я возвращалась самолётом, чтобы побыть немного с дочерью Маргаритой. Это было единственное, чего мне действительно не хватало и каждый раз, когда я приезжала, это был праздник. Чтобы рассказать всё, ничего не забыв, я начала вести дневник. Описывала животных, которых видела, странных людей, которых встречала, фрукты которые ела и всё что происходило.

Вместо предполагаемых двух лет кругосветка продлилась три с половиной года. Три с половиной года на лодке 11,5 метров, одни, в тропических морях. В конце у меня собралось около тридцати плотно исписанных тетрадей. Три с половиной года жизни, сконцентрированные в тридцати тетрадях в чёрной мягкой обложке, красными полями на страницах и девизом “*labor omnia vincit*” начертанным на первой странице.

За три с половиной года мы видели места и людей, о существовании которых раньше даже не подозревали. Далёкие острова, где единственный контакт с миром – судно, проходящее раз в год, и где люди не знают водопровода, радио, денег и одежды. Племена бедуинов, кочующие по пустыне в поисках пастбищ для верблюдов и купеческих караванов для торговли. Острова, где люди не знают шума цивилизации. Рыбачат, возделывают огород, собирают кокосовые орехи и ритм жизни медленно течёт по колее традиций. Люди бедные

настолько, что представить невозможно, которые просыпаются каждое утро с улыбкой на лице и каждый вечер ложатся спать смиренно принимая, что завтра может быть и не наступит.

Случались шторма, и мы вдвоём боролись с ветром и волнами, и зачарованные штили посреди моря и бесконечные пляжи, как на открытках.

Часы проходили один за другим, но ни один не был потерян, каждый был прожит. Мы проживали время мгновение за мгновением совершенно непохоже на то, как это было всего несколько месяцев назад, в водовороте нашей миланской жизни.

По возвращении я рассказывала все эти приключения друзьям, и чем больше рассказывала, тем больше замечала, что они хотят слушать ещё.

Идея воплотить в книгу эти рассказы пришла раньше другим.

«Вы должны написать об этом».- говорили нам друзья послушав. «Вы должны написать книгу.»

Написать книгу? Но как? Да, конечно, были дневники, но сделать из них *книгу* не так просто.

Я пыталась представить себя с рукописью под мышкой, робко представляющейся издателю, ожидающей пока он её прочитает, сочтёт достойной издания, издаст её. Мы начали писать без особой уверенности, просто потому, что Карло увлёкся идеей.

«Пиши то, что рассказывала нам.» подбадривали тем временем друзья. «Повседневные события, люди, которых встречали - тебе может быть они уже могут казаться банальными, вы всё это видели и неизвестно сколько раз рассказывали. Но для тех, кто остался здесь, между домом и офисом, эти рассказы, как окно в мир.»

Мне это казалось преувеличением, но не смотря ни на что мы продолжали писать и начали также искать издателя.

Очень скоро мы поняли, что реальность совсем не похожа на то, как я всё себе представляла. В наше время издатель, это не конкретный человек. Издательство - это фирма производящая книги, с многочисленными офисами, номера телефонов которых трудно узнать. Потом, внутри издательства нужно найти человека ответственного за соответствующий сектор или серию изданий. Попробовали обратиться к издателю, который, как мы точно знали, выпускал книги о море. Позвонив в офис мы попросили переговорить с ответственным за серию изданий, которую хорошо знали, потому что с этими книгами мы готовились к нашему кругосветному плаванию. Но беседа с нужным человеком стала не очень обнадеживающей:

- Да, но что вы хотите, эти рассказы никому не интересны. Мы предпочитаем технические книги или переводы с иностранного. - и так далее, целый ряд подавляющих доводов.

- Но если всё таки хотите попробовать, принесите пару глав и краткое изложение содержания книги, я посмотрю. - сказал он в заключение телефонного разговора.

Прошло несколько недель, как мы вручили свой пакет. Тем временем мы вернулись в Турцию, где нас дождался “Vecchietto” для последнего перехода к дому. Стоянка в Турции не была предусмотрена. В наших планах было, выйдя из Суэцкого канала, быстро-быстро идти домой. Кроме того мы опаздывали на год, согласно нашей первоначальной программе, и уже пора было возвращаться, вступать снова во владение квартирой, искать работу, въезжать в колею.

Такова была теория, но теперь, каждый раз, когда мы задавались вопросом, чем будем заниматься по возвращении, обнаруживали, что вовсе не хотим возвращаться к прежней жизни, хотя раньше эта жизнь нам нравилась. И когда мы начинали размышлять над деталями, всё становилось совсем не таким очевидным.

- Летом будем брать три недели отпуска, сможем сходить куда-нибудь на “Vecchietto”.

- На три недели? Куда? И потом, летом средиземное море полно народа.

- Тогда продадим лодку.

- Но если мы её продадим, потеряем нашу страховку на будущее – возможность сбежать, если станет невмоготу.

- И почему только три недели отпуска?

- Потому, что остальное время мы должны будем работать.

- Зачем?

- Чтобы зарабатывать.

- Меня не интересуют большие заработки.

- Меня тоже.

И так бесконечно, вопросы и ответы, гипотезы и прожекты, после которых мы то видели себя за офисным столом, безупречно одетыми, то на лодке, бороздящими моря из одного уголка света в другой.

Когда вошли в Средиземное море, эти сомнения стали ощутимее: воздух более холодный, море не такое синее и по пути постоянно встречается всевозможный мусор. Словно кто-то хотел нам напомнить, что мы потеряли и чему навстречу идём. Не смотря ни на что мы взяли курс на Крит, откуда собирались идти на Пелопонес и далее в Ионическое море.

Солнце зашло и начались ночные вахты, курс норд-вест. Через три часа, когда я проснулась, чтобы заступить на вахту, мы шли на норд-ост.

- Я повернул к Турции, можно будет постоять там некоторое время, обдумать всё.

- Ты что! Нам нужно в Италию, нас все ждут, мы же уже сообщили, что возвращаемся.

- Да, ты права. Хорошо, поворачиваю на норд-вест.

Но через некоторое время курс снова поменялся. И когда солнце снова осветило небо, решение было принято: норд-ост. Мы остановимся в Мармарисе, в Турции, чтобы всё обдумать.

В конце концов мы решили - Будем стараться продолжить нашу жизнь на море. - Но как, мы ещё не знали.

- Будем использовать лодку, как средство, на котором можно добраться до самых далёких, труднодоступных и неизвестных мест.

- Нужно научиться рассказывать. Подумай только, если бы мы могли донести хотя бы половину того, что видели или пережили.

- Нужна будет другая лодка, и нужно привлечь ещё людей.

Идея была очень туманная и трудновыполнимая, но мы решили попробовать в любом случае и начали разрабатывать план. Был конец марта. Мы собирались оставить лодку в Турции и вернуться в Милан, чтобы подготовить к августу солидное возвращение "Vecchietto" из кругосветного путешествия. Если бы нам удалось сделать так, чтобы о нас заговорили, организовать кампанию в печати, возможно стало бы легче добиться конечной цели – уйти снова в море.

Мы решили приурочить наше возвращение к открытию морского салона в Генуе в этом году. К нашему удивлению организаторы салона сразу приняли предложение и пригласили "Vecchietto" стоять в гавани в течении всей выставки, вставив его в список достопримечательностей и буклет салона.

После Генуи мы вернулись в Милан и начали жить обычной жизнью нормальных людей. Пытались разрешить тысячи проблем накопившихся и ожидавших нас три с половиной года. Привести в порядок квартиру, разгрузить лодку, снова прописаться в Милане. Наша одежда давно вышла из моды, обувь не налезала - после трёх лет хождения босиком стопа раздалась и ботинки стали тесными. Родственники, друзья... и ведь надо было что-то делать, чтобы сводить концы с концами, в ожидании пока определится наше будущее.

В конце ноября, вечером дождливого дня, возвращалась домой, я тащила на четвёртый этаж с двумя пакетами покупок. Сняла мокрые туфли, единственным желанием было залезть под горячий душ. Я пропустила три зимы и начинать снова чувствовать холод было неприятно.

На автоответчике мигал красный огонёк. Я автоматически нажала кнопку: моя сестра спрашивала не могу ли я посидеть с ребёнком (я ведь не работаю), мама хотела поговорить со мной, жилец с нижнего этажа извещал, что состоится собрание, нужно решить вопрос о мусоре...Тоска зелёная!

Я уже собиралась встать под горячую воду, когда автоответчик, продолжающий изрыгать свои сообщения, донёс до меня фразу: «Под необъятными небесами».

Я прослушала ещё раз сообщение, говорящее буквально следующее: «Я директор издательства. Хотел бы поговорить с вами по поводу публикации вашего произведения «Под необъятными небесами». Если вас устроит, я могу встретиться с вами 3 декабря в 15.00.»

Как? Я переслушала сообщение ещё раз, два,... десять раз.

Горячая вода текла из крана, по телевизору начались новости, звенел телефон. Произведение «Под необъятными небесами»! Невозможно!

Искать подходящее название мы начали ещё во время бесконечной поездки на автобусе.

- Кругосветка на парусной лодке? - банально.
- Вдвоём в океане? – глупо.
- Тысячи закатов? – это по бухгалтерски.
- Встречи в море? – да уж....
- Дневник путешествия? – их сотни.
- Из офиса за румпель? – из огня да в полымя.
- Под небесами? - ...уже лучше.

«Под необъятными небесами!!» - мы доехали до конечной, и с тех пор, до момента передачи материалов у нас больше не было времени продолжить изыскания.

Когда поворачивающийся в скважине ключ известил о прибытии Карло, я перемотала плёнку в автоответчике на начало сообщения и, как только дверь открылась, включила запись.

«Я директор издательства...»

Карло прыжком преодолел лестницу ведущую от входа к телефону.

- Это шутка!?
- Нет, правда.
- Но третье уже через два дня, а книга не готова...и её ещё нужно откорректировать

В действительности, после трёх глав переданных при первой встрече, мы написали и другие, но книга нам не казалась законченной. Сначала нужно было организовать шумиху для возвращения “Vecchietto”, потом мы поехали в Турцию, чтобы забрать его, потом салон... и так далее. Мы продолжали писать, но чтобы закончить книгу, нужно было ещё поработать.

Создалась странная ситуация. Карло хотел писать каждый день и любой ценой, целыми днями бушевал над клавиатурой, писал страницу за страницей, стирая потом всё, начиная сначала и увещевая меня поступать так же. Я же колебалась. В начале казалось маловероятным, что наша книга будет напечатана и мне не хватало решительности и мотивации, чтобы писать. Потом я вдруг садилась за клавиатуру и за пол дня писала целую главу, чтобы потом опять впасть в состояние медитации на некоторое время. Но через два дня мы были в офисе директора издательства.

Мы казались сами себе очень важными персонами.

«Сможете закончить всё за три недели? Рекомендую, не превышайте объём в двести восемьдесят страниц, иначе книга попадёт в другую ценовую категорию и будет плохо продаваться.»

Таким образом, мы заперлись дома и писали, корректировали, урезали, добавляли и за этим прошли все рождественские праздники, Новый год и праздник Богоявления. Мы писали утром, вечером и ночью.

И в конце концов книга появилась на свет. С глянцевой обложкой и нашими именами на ней. Она казалась нам почти живым существом, ведь внутри были куски нашей жизни, люди, которых мы знали, друзья.

Чтобы сделать рекламу книге мы устраивали лекции с показом диапозитивов о путешествии. Хорошо помню первую, когда я должна была показывать слайды и рассказывать перед аудиторией в несколько сот человек. Я робела и смущалась.

«Ну кому могут быть интересны мои впечатления или то, что как то нам пришлось есть отвратительные вещи или плавать с дельфинами?» спрашивала я сама себя. Потом, когда начала говорить, заметила что все были захвачены рассказом. После задавали множество вопросов. Все хотели знать больше:

- Но вам не было страшно?

- А чем вы питались?

- А вы не ссорились на лодке?

- А как решали проблему денег?

Ах да, деньги...

Да, деньги. Во время кругосветки мы жили на средства отложенные специально для этой цели. На лодке тратится мало. Никаких телефона, аренды жилья, бензина, страховки. На питание уходит мало. Море даёт рыбу и в большинстве стран жизнь стоит в десять раз меньше чем у нас.

Но, чтобы организовать новое плавание, деньги были нужны. “Vecchietto” уже не подходил, нам нужна была лодка побольше, которая могла бы вместить оборудование для съёмки, компьютеры, принять студентов и исследователей, которые захотят присоединиться к нам на каких либо этапах нового плавания.

Это был проект: подготовить лодку, на которой можно было бы добраться до мест, куда никто ещё не добирался, задокументировать и рассказать о них, принять на борту тех кто хочет пойти с нами, посмотреть эти места или изучать их.

Для осуществления этого проекта нужна была помощь, советы, спонсоры и материалы, и когда вышла книга, стало немного проще организовать всё это.

“Barca Pulita” обрела форму и из туманного проекта стала реальной лодкой, пятнадцатиметровой шхунной, на которую мы погрузили наши жизни и надежды.

Мы окрасили её специальными нетоксичными красками, покрыли мачты и корму солнечными батареями, установили ветрогенераторы и снова отправились искать труднодоступные места, исчезающие традиции, редких животных. Прежде чем успели осознать, мы снова оказались в море, снова вдвоём, одни перед открытым миром.

И вот я здесь. Уже год на лодке, и в этот раз, чтобы рассказать о плавании. Я стала кем то вроде мультимедийной рассказчицы.

Тем временем луна поднялась и стала белой, волны по-прежнему большие, но брызги до меня больше не долетают. Ещё пятьдесят минут и можно будет звать Карло, а самой идти в постель. Никак не дождусь. Через три часа снова проснусь, но уже будет рассвет и дневной свет не даст мне заснуть. Карло, как обычно, разбудит меня с первыми лучами с чашкой горячего кофе с молоком и двумя галетами с джемом и мы будем завтракать в кокпите, посреди моря при восходящем солнце.

11. Посреди океана. Часть 2

День восьмой

6.00. Восходит солнце. Если можно так сказать - небо почти полностью покрыто облаками. Волнение сильное, не больше не меньше чем в предыдущие дни, поэтому приготовление завтрака и мытьё посуды, занятия похожие на гимнастические упражнения или

эквистрику. Одной рукой держишься, другой работаешь. Но даже так периодически стучаешься обо что-нибудь.

Этой ночью мы выходили менять паруса и больше не смогли заснуть, лежали каждый на своей койке (единственное место, где не рискуешь в любой момент упасть или ушибиться) и размышляли о будущем. Мир лежит перед нами и нужно решить, куда идти. После Мальдив можно пойти, например, на восток, в сторону Индии и Азии или пойти дальше на юг, пересечь экватор и добраться до необитаемых атоллов Чагос. Эти два варианта настолько различаются, что выбор одного из них предопределяет дальнейшее путешествие.

С одной стороны Азия с её народом, цветами, запахами, с её тысячелетней культурой, с другой стороны необитаемый архипелаг, нетронутая природа, животные, возможно там есть острова на которые не ступала нога человека. Трудно решить.

Если мы решим идти за экватор и спуститься до Чагос, то не сможем потом вернуться назад на восток, так как будут дуть встречные ветра и органичным продолжением плавания будет направиться на Мадагаскар и берега Африки, до которых мы сможем дойти за несколько недель с попутным пассатом.

Если выберем Азию, окажемся у Индии, которая огромным клином выдаётся в океан и делит его на две части: арабскую на востоке и бенгальскую на западе. Тут нам придётся выбирать между Пакистаном, Индией, Шри Ланка, Бангладеш, Бирмой, Андаманскими островами, Малайзией, Индонезией и так далее.

Как тут решить? Только перечень стран, куда можно зайти, занимает целую страницу. Поэтому днём мы стараемся узнать о них побольше, читаем исторические книги, рассказы других путешественников, туристические путеводители. А вечером обсуждаем. Но чем больше мы стараемся исследовать вопрос, тем вопросов становится больше.

Каковы на самом деле Андаманские острова? До недавнего времени доступ туда был закрыт. Теперь туда можно заходить, но о них ничего неизвестно. Среди той скудной информации, что удалось найти, есть сведения, что на некоторых дальних островах живут племена аборигенов, никогда не имевших контактов с другими людьми. Они всегда агрессивно реагировали на вторжение, встречая стрелами и камнями всякого, кто пытался высадиться на берег. Таким образом они остались не подвержены влиянию современной цивилизации.

Я спрашиваю себя, стоит ли пытаться вступить с ними в контакт, ведь единственное чего они хотят, чтобы их не трогали.

К югу от Андаман лежат Никобарские острова, о которых известно ещё меньше. А Бирма? А Шри Ланка? Опасно ли входить в зону контролируемую тамиллами? А Вьетнам? Некоторое время назад кто-то рассказывал нам о Тонкинском заливе: «Там очень красиво. Вода там цвета глины и высокие скальные колонны поднимаются из моря.»

Но, чтобы добраться до Вьетнама, нам сначала придётся пройти через Филиппины, где ещё можно встретить пиратов. Не тех романтических пиратов с черепом и повязкой, а преступников, хорошо вооружённых и передвигающихся на быстроходных катерах, способных захватывать суда и небольшие лодки, вроде нашей и сразу после этого исчезать в неизвестном направлении. И очень часто, чтобы не оставлять следов они уничтожают лодки вместе с экипажами.

После всех этих размышлений оказывается, что знаем мы очень мало, а мир так огромен, что хочется забросить все книги и документы и следовать только инстинктам, сердцу или случаю, как мы и делали во время плавания на "Vecchietto". В конце концов всегда что-нибудь приключается, и незнание того, что случится заранее, делает приключение более интересным.

Единственное, что мы должны всегда принимать во внимание, это ветра и циклоны. Первые являются двигателем нашей лодки, и мы должны стараться иметь их попутными. Вторые очень опасны и их нужно избегать любой ценой. Если мы останемся к северу от экватора, то период циклонов попадает на лето, в особенности в Бенгальском заливе. Если

же спустимся на юг, то опасаться придётся зимы, но книги говорят, что циклоны северной части Индийского океана, неизвестно почему, менее жестокие чем в южной. Действительно ли оно так?

В конце концов, после всех этих размышлений я был за Чагос а Лиззи за Индию. Наступает рассвет и нам снова приходится выбегать наружу, потому что ветер усилился и в сотый раз за эту неделю приходится приводить в соответствие площадь парусности. Два ряда рифов на гроте, один на бизани, акробатический завтрак, после чего решаем, что пора начинать починку стакселя 1. Когда закончится этот сумасшедший ветер, нам придётся использовать его при средних ветрах.

Выносим в кокпит парусные иглы и нитки, наладонник и деревянные дощечки. Дощечки служат в качестве опоры ля прокалывания отверстий, через которые потом продевается нить. Всё складываем в ведро и заклиниваем его в углу, чтобы не падало при качке. Вытаскиваем также парус в огромном жёлтом мешке и начинаем шить, один с одной стороны, другой с противоположной, парусина посередине. Мы продеваем и продеваем нити, солнце палит нас сверху а море вокруг рокочет. Через пол часа рокот превращается в рёв и мы бежим убирать паруса, начинается шторм. Увязав грот, Лиззи метнулась убирать стаксель. Я ещё беру рифы на бизани, когда наступает обычное светопреставление. Дождь льёт так, словно стоишь под водопадом, море белое от брызг и ветра. Лодка под зарифлённой бизанью и триселем, надутым, словно вот-вот взорвётся, просто летит и трудно держать её на курсе. Как обычно, остаюсь на руле около получаса, замёрзший и дрожащий, в это время съёжившаяся, околоченная под жёлтым непромоканцем Лиззи сидит в кокпите и не хочет идти в каюту, чтобы не оставлять меня одного.

Потом возвращается солнце и мы можем продолжить прерванное шитьё. Ведро с инструментом полно воды. Достаём плавающие сверху катушки и вылавливаем со дна иглы. К счастью, вода пресная и иглы не заржавеют.

12.00. В полдень до Мальдив остаются 423 мили, большая часть пройдена.

Тем временем мы поймали дорадо. Целый час ушёл на то, чтобы вытащить её на борт, почистить и разделать, но в конце концов мы положили в холодильник два огромных филе по килограмму каждое. Мы устали и обессилели, поэтому немного дискутируем по поводу: готовить ли их и когда, но всё-таки решаем приготовить их сразу, потому, что бессилие возможно и вызвано недостаточным питанием. Вытащить филе дорадо из холодильника, отнести всё в кокпит, вырезать большие «бифштексы», положить в большую скороварку масло лук и чеснок, выбросить в море рыбу шкуру с ошмётками мяса, занести всё в каюту – все эти действия требуют напряжения воли против тошноты, качки, против желания растянуться на койке и забыть про усталость.

Но мы сделали это. Только что закончили и собирались наконец лечь, как появилась большая стая дельфинов.

- О, нет! И что теперь?

- А теперь идём работать.

Видеокамера, фотоаппарат и все на нос, снимать. Дельфины прыгают перед носом лодки и вокруг, насколько хватает глаз. Это великолепно, их очень много и солнце делает цвет моря сказочным.

Однако, снимать не просто. Дельфины плывут под тонким слоем воды и только иногда выпрыгивают вдохнуть воздуха. Трудно предугадать в каком месте появится животное. Я продолжаю пытаться и тем временем, чтобы поддержать равновесие, опираюсь о форштаг, но он дрожит от колебаний стакселя и в результате камера тоже ужасно вибрирует. И тут подкатывает волна и обдаёт меня брызгами. Экран камеры сразу становится молочно белым и не даёт больше изображение. Паника. Именно сейчас мы не можем позволить себе полонку. Бегу в каюту, пробираюсь в нос и ищу редукторы от аквалангов. Беру один и креплю его на баллоне, который выуживаю из кучи парусов, верёвок, инструмента и прочего барахла которое собирается у нас в парусном отделении, так как мы не знаем куда его

складывать. В конце концов направляю на видеокамеру струю сжатого воздуха из редуктора. Капли воды выкатываются из всех щелей, кнопок, выключателей. Проверяю, работает или нет. Никаких признаков жизни. Умопившись на полу, спина упёрта в переборку, так как качает, с камерой в одной руке и струёй воздуха в другой, продолжаю упрямо продувать.

После не знаю скольких продувок, на дисплее появляются смутные очертания изображения. Немного, но я вздохнул, это начало выздоровления. Засовываю видеокамеру в её герметичный чемодан, набитый килограммами силикагеля для поглощения влаги.

Ну вот, можно немного передохнуть. Нет. Потому что скороварка с рыбой испускает нехорошие запахи. Увлёкшись дельфинами, а потом видеокамерой мы забыли про неё. На этот раз кастрюлю приходится нести на корму, выбрасывать содержимое и отмывать её среди волн и брызг. Тогда мы готовим макароны прямо в скороварке, потому что не можем рисковать пролить горячую воду в каюте. Получается бледно и немного безвкусно, но желудку всё равно приятно. Внезапно наступившая ночь утешает нас прекрасным зрелищем Южного Креста, который сверкает между двумя облаками.

День девятый

Сегодня ничего не произошло. Всю ночь мы несли вахту по очереди глядя на небо, боялись чтобы шторм не захватил нас врасплох. Но погода наоборот, прояснилась и утром мы встали с солнцем.

Волнение по-прежнему сильное и этой ночью на палубе разбилось немало гребней. Но всё вместе, может быть по причине голубого неба, кажется менее страшным.

Видеокамера снова работает и мы очень довольны. Первую половину дня пишем и строим планы. Снова вернулись дельфины и на этот раз мы завернули камеру в полиэтиленовый мешок, оставив снаружи только окуляр и объектив. Я поставил также поляризационный фильтр, чтобы устранить блики и переключил на ручной режим контроль яркости. Кадры получаются лучше, но дельфинов меньше чем вчера, когда во впадине одной волны их можно было увидеть с десятков, прыгающих одновременно.

Вторую половину дня снова писал и налаживал новую леску, так как старую оборвала какая-то большая рыба, возможно акула. Почти сразу, как только бросаю леску в воду, попадается тунец, толстенький с тёмными полосами на боках, в Испании их называют бонито. Здорово! Тунец маленький, размер как раз для нас двоих. Бонито, по-испански означает – хороший. Мы может быть предпочли бы alalunga, у неё мясо белое и более сладкое, или дорадо, ещё более деликатную, но и так хорошо. Это подарок моря и как таковой должен восприниматься. Сегодня вечером мы будем есть жареного тунца, если волны позволят использовать сковороду для жарки, или тунца отварного, если волны будут слишком большие, но в любом случае он будет хорош.

В полдень до Мальдив остаётся 312 миль.

День десятый

Нас прилетела навестить птичка бело-сливочного цвета с длинным хвостом, её называют Espiritu Sanctu, она похожа на голубя, который на священных картинах олицетворяет святой дух. Она сделала два круга вокруг мачты, попыталась сесть на флюгер, не получилось, тогда она отправилась в направлении восток-юго-восток. Мы начали немного нервничать, так как эти птицы никогда не удаляются далеко от суши. Но по нашим расчётам до берега должно быть по крайней мере 190 миль. Ошибочны наши расчёты или это птица заблудилась?

Всю вторую половину дня мы провели перепроверяя наше местоположение по GPS и с помощью старого секстанта. Так как результаты совпадают, мы успокаиваемся. Земля в 150 милях, мы увидим её завтра или послезавтра, но после стольких дней в море не верится, что земля вообще где-то существует. Не верится, что существуют люди, дома, деревья и всё остальное.

Впервые за много дней ветер ослаб до двадцати узлов и море, кажется, успокоилось. Что это, близость земли оказывает влияние на погоду? Не думаю. Мальдивы назвать землёй можно с большой натяжкой. На самом деле это цепочка атоллов, протянувшихся с севера на юг, образуя барьер, перегораживающий почти весь океан. Однако сами атоллы, на девяносто процентов состоят из воды, это лагуны, заключённые в тонкое кольцо кораллов. Суши очень мало, атоллы возвышаются всего на пол метра над уровнем воды, длинна их периметра всего несколько километров и ширина несколько сот метров.

Легко ли будет разглядеть их? Для арабских купцов, торговавших в этой части океана, атоллы были наибольшей опасностью. Ночью их совсем не видно, но даже днём коралловый риф может объявиться совершенно неожиданно прямо по курсу. У нас есть карты, секстант, GPS и, теоретически, мы можем быть спокойны. На самом же деле мы нервничаем и напряжение возрастает с каждой пройденной милей.

День одиннадцатый

В два часа утра, наши расчёты говорят, что мы находимся в двадцати пяти милях от Мале. Ложимся в дрейф и останавливаемся до рассвета, чтобы не рисковать. Стоим неподвижно посреди волн. Когда лодка поднимается на гребень, вдали мерещатся слабые огни или светлое зарево. Может быть огни столицы, может просто это просто наше желание увидеть землю.

Не за долго до рассвета мы снова ложимся на курс, но не на долго, так как в шесть, с первым утренним светом приходит и первый ливень этого дня. Снова ложимся в дрейф, чтобы не рисковать, подходя к берегу без видимости, и снова стоим неподвижно, глядя на серое море, рябое от дождя.

И когда тучи расходятся, земля оказывается именно там, прямо по курсу.

- Вон она! Я вижу её!

Земля показалась в правильном месте, именно там где должна была появиться по нашим расчётам, но она такая маленькая, что кажется это просто шутка. Горизонтальная чёрточка, короткая и тонкая, лежащая на бесконечном горизонте. Мы приближаемся и я ещё раз перечитываю лоцию, которая говорит, где находятся мели и скалы, как маневрировать в канале между островами Мале и Вилинджили (обязательный проход для входа в лагуну). Сегодня ночью, сравнивая две имеющиеся у нас карты, я заметил ошибку. Карты не совпадают, одна из двух имеет масштаб по долготе с ошибкой в пол мили. Да, но которая из них верна? Это ошибка, которая может обойтись дорого, это заставляет нас удвоить внимание.

Каждые десять минут выхожу, чтобы определиться и каждый раз на несколько секунд остаюсь заморожено глядя на землю, которая приближается и постепенно растёт. Я уже вижу пальмы и даже угадываю белые пятнышки домов.

Приводим в порядок лодку. Заправляем постели, прибираем, моем камбуз и, самое главное, открываем все иллюминаторы, чтобы проветрить лодку. Сразу по прибытии придётся принимать на борту служащих тамошни и иммиграционной службы для инспекции и мы не можем допустить, чтобы в каюте дурно пахло, даже если мы уже двенадцать дней в плавании по Индийскому океану.

12. Мальдивы

- Вот, это ваша виза. Действительна в течении двух месяцев и можете идти куда вздумаете в пределах северного Мале.

- В каком смысле северного Мале? А все другие атоллы?

Мальдивы состоят из двадцати шести огромных коралловых колец периметры которых состоят из тысячи ста девяносто двух крохотных островов. Северный Мале это только один

из двадцати шести атоллов, и хоть он и большой, но всё таки представляет собой лишь малую часть архипелага, и близость столицы делает его, с нашей точки зрения, наименее интересным.

- Нет, нет. На другие атоллы иностранцы не могут заходить. Это запрещено. Необходимо разрешение.

- И у кого мы должны его получить?

- В министерстве, или кто-нибудь должен пригласить вас. Но это долгая история, я вам не советую. – военный, поднявшийся на борт для иммиграционных формальностей, симпатичный толстый парень. Глаза его смеются, но слова обескураживают.

Но мы не падаем духом. Надуваем тендер, спускаем на воду и через десять минут оказываемся на набережной, полной маленьких низких людей и пришвартованных пузатых лодок. Это первая суша, на которую мы ступаем после многих дней в море, и запахи на суше сильные и резкие: запах кипящего риса, жареной рыбы, маленький рынок с бананами и кокосовыми орехами. Оглушённые мы бродим по улицам, кажется что людей здесь слишком много и земля покачивается под ногами. От запахов и цветов пищи во рту собирается слюна.

Наконец мы сидим в ресторане за столом уставленным множеством маленьких тарелок с разной пищей: жареные бананы, варёные рыбы головы, кусочки сушёного тунца, что-то похожее на водоросли, маленькие рулетики с хрустящей корочкой, за которой скрыто неизвестно что, странные зелёные, жёлтые и розовые сладости, посыпанные тёртым кокосовым орехом. Приборов нет. С соседних столов нам дают понять, что едят здесь руками и платят только за то что съешь. Все смотрят с интересом, что мы выберем?

Мы медленно предаёмся удовольствию от пищи, удовольствию стоять на твёрдой земле без качки, без волн, без мыслей.

- Ты осознаёшь, что мы на земле?

- Да, но если закрою глаза, всё ещё вижу волны.

В действительности мы не можем полностью расслабиться, потому что “Barca Pulita” стоит в ненадёжном месте. Утром, когда мы вошли в лагуну, за два часа блуждания между судами, стоящими на якорях и спящими маленькими лодками, которые обходят нас со всех сторон, нам так и не удалось найти подходящее место чтобы бросить якорь: везде очень большая глубина. А когда приблизились к берегу, привлечённые зрелищем набережной со множеством doni – местных лодок, выгружающих грузы, людей, детей и ящики, пришлось неожиданно тормозить перед отмелью. Местные лодки с длинным килем, имеющие осадку всего несколько десятков сантиметров, проходят по мелководью, мы же не можем.

В конце концов мы заякорились за коралловый выступ, который, благодаря невероятной прозрачности воды, случайно заметили на пятнадцатиметровой глубине. Примерились и бросили якорь на коралловый столб. Лапа SQR зацепилась сразу, но коралл слишком тонкий, и если вдруг подует сильный ветер, якорь может поползти. И если это случится в то время, когда мы на суше...

Короче говоря нужно торопиться делать закупки, получать разрешение и уходить отсюда скорее.

- Зачем вы хотите идти на другие атоллы?

- Атоллы все одинаковые.

- Вы там не увидите ничего отличного от того что есть здесь. – повторяли хором чиновники. Найти министерство было просто, попасть на приём – очень просто, но чтобы получить разрешение времени требовалось много. Никто здесь кажется не понимает нашей жажды достигнуть дальних атоллов. Они, работающие в столице, считаются счастливыми.

- На атоллах ничего нет, только тунцы и кокосовые орехи и народ там живёт невежественный.

Но мы не сдаёмся и проводим дни на берегу, ходя из офиса в офис, а ночью на лодке плохо спим, боясь за якорь каждый раз, как подует ветер. А на берегу, в походах между

различными министерствами, взгляд всё время обращается к берегу, к двум мачтам и белому корпусу нашей лодочки, ненадёжно держащейся за коралловый блок.

- Может ну его, это разрешение? – предлагаю я после четвёртого дня запросов, отсрочек и бланков.

- И куда пойдём?

- Не знаю. Атолл большой. Начнём с того, что снимемся с якоря.

И вот мы уже идём под парусами на север, вдоль цепочки островов, которые следуют один за одним, словно жемчужины прекрасного ожерелья. Тонкие полоски суши покрытые пальмами, отдельные островки ослепительно белого песка и крохотные пятачки длиной всего несколько метров, затерянные среди многочисленных фрагментов кораллового барьера.

Magefutaa, Colamafujii, Ghilighili, Tenimafua, у островов странные экзотические названия. К каждому из них мы приближаемся в надежде, что это тот самый, самый лучший.

- Посмотри на эту тёмно голубую полосу, похоже на проход.

- Да, но слишком узкий.

- А что скажешь об этом канале между двумя островками?

- Попробуем, но кажется слишком глубоко.

Сбоку нас обходит doni и перед самым нашим носом устремляется в узкий голубой проход, опасно извивающийся между кораллами, по которому подходит очень близко к сказочному пляжу. Бросает якорь, люди выходят на берег. Мы же остаёмся снаружи.

- Да ладно. Пойдём дальше.

Фактически Мальдивы не очень подходят для парусных яхт. Мы не можем бросать якорь в лагунах, потому что они слишком глубокие и не можем подойти близко к островам, потому что вода у берега вдруг резко становится слишком мелкой.

- Невероятно, мы пересекли пол океана, чтобы добраться сюда и теперь можем лишь смотреть на острова издалека!

В действительности мы знали заранее, что так и будет. Именно поэтому другие обходят стороной этот архипелаг, и именно поэтому мы здесь, ведь самые труднодоступные места скрывают самые удивительные красоты. Всё-таки атолл Северный Мале очень велик. Столица, с её дорогами и домами, давно скрылась за горизонтом, а мы продолжаем идти вдоль островов, всё более зелёных и, видимо, необитаемых. Первозданный пейзаж, захватывающий дух, но мы не можем насладиться им в полной мере, мы должны где то встать на якорь, прежде чем сядет солнце, иначе беда. Остаться в темноте в этом лабиринте рифов и островов, означало бы рано или поздно сесть на мель. Не хочется даже думать об этом.

Пересекаем ещё один участок лагуны, безрезультатно проходим вдоль двух длинных островов, преодолеваем проход, соединяющийся с открытым морем и наконец, когда солнце прошло уже больше половины своего спуска на запад, на водной глади лагуны, казавшейся пустой, появляется светлый участок моря:

- Осторожно, Карло! Риф!

- Подожди, подойдём поближе. Внутри него цвет меняется.

И мы оказываемся перед коралловым барьером кольцевой формы с зеркалом голубой воды внутри. Своего рода лагуна в лагуне с проходом ,открывающим доступ внутрь.

- Мне кажется, можно войти.

- Думаю можно.

- Идём?

- Идём.

И вот “Barca Pulita”, впервые за много дней, стоит неподвижно над голубоватым песчаным дном, посреди кораллов вдалеке от других островов, окружённая только цветными рифами и бесчисленным множеством рыб.

- Хватит! Отсюда мы никуда не тронемся!

Мы лежим неподвижно, ни о чём не думая, глядя на бегущие куда-то облака и слушая шум ветра, в ожидании, когда пройдёт усталость и вернётся желание отправиться куда-то ещё.

В Tulusdoo нет ни полицейских ни регулировщиков. Нет воров и тюрем. Остров очень маленький, дома сложены из коралловых блоков, добытых в лагуне и люди, как и в давние времена, живут дарами моря и тем немногим, что растёт в огороде. Питаются тунцом, приправленным кокосовым молоком, в качестве гарнира плоды хлебного дерева, которое растёт у каждого дома, вместе с папайей и каким то другим фруктом малосъедобного вида.

Острова Мальдив маленькие, в остальном атоллы состоят из подводных коралловых рифов о которые разбиваются волны. Лагуны кишат тунцом, другой рыбой и черепахами. Рыбы хватает всем (ещё и потому, что людей здесь очень мало), а чтобы купить рис и другие основные продукты, достаточно выловить немного больше тунца и продать на рынке в Мале, вместе с вероятными излишками плодов хлебного дерева.

С недавнего времени здесь появились и туристы. Приезжает их много, но никто их не видит потому что правительство разместило гостиницы и турбазы на мелких островах, удалённых от обитаемых. И в то время как миловидные девушки из Европы и Японии нежатся на солнце, прикрытые лишь килограммами крема для загара, на островах, всего в нескольких километрах мусульманские женщины ещё ходят укутанные с головы до пят. В то время как здесь подают ужин из множества блюд, предваряя их изысканными коктейлями и продолжая реками пива, там едят рис и тунца, тунца и рис, пьют кокосовое молоко и воду из колодца. Два мира, невероятно близких и бесконечно далёких, которые, благодаря политике тех кто правит островами, сосуществуют рядом, но никогда не сталкиваются.

Мы же можем прикоснуться к обоим. Отправившись на тендере наугад к югу от нашей якорной стоянки мы нашли остров Mahigeva с итальянской турбазой. Нас накормили сказочным ужином, снабдили пресной водой (её вырабатывают три дистиллятора), свежим хлебом, испечённым поваром турбазы, пармезаном, доставляемым самолётом прямо из Италии и другой провизией для лодки. Там были даже те, кто читал «Под необъятными небесами» и видел наши фильмы по телевидению.

- Приходите к нам когда захочется, хоть каждый день, вы всегда желанные гости. – приглашали нас.

- Лучше нет. Там слишком много соблазнов. Можем привыкнуть. – думали мы возвращаясь на лодку.

В противоположном направлении, на север, за два часа плавания на тендере, мы дошли до островка Tulusdoo с его деревней без магазинов и электричества, где весь уклад жизни катится по веками накатанной колее. И, наконец, мы кажется нашли то, что искали. Мы приходим на Tulusdoo каждое утро и через несколько дней ребятишки выучили наши имена а мы выучили слова: shukria – что значит спасибо, barabaro - хорошо, finolu – остров, и самое главное слово – mas, что означает – тунец. Поэтому напроситься на рыбалку на ловлю тунца на одной из местных лодок было самым естественным желанием.

Салем - капитан, Али – первый помощник. Ещё в экипаже Хуссейн, Ибрагим, старик, имени которого я не помню и немой парнишка, который общается только мычанием и взглядами. Всего шестеро человек, все из Tulusdoo, со мной получается семь.

Лодка doni имеет выпуклые борта и изогнутые нос и корму, заканчивающиеся устремлёнными вверх штевнями как на лодках викингов. Но сходство с викингами на этом и заканчивается. Викинги были суровые люди, бороздившие ледяные воды северной Атлантики, среди холодных скал и негостеприимных берегов, жители же Мальдив - добродушные создания, плавающие лишь в тёплых водах атоллов, в одном из самых приятных и чарующих мест планеты.

Выходим в море в пол шестого, когда небо ещё чёрно и только слабый призрачный свет на востоке. Doni имеет пятнадцать метров в длину и четыре в ширину. Она запалублена только по краям, а трюм в центре открыт и пуст. Если рыбалка будет удачной, его заполнят тунцом,

но сначала он послужит садком для живой наживки. Рулевой на корме, на приподнятой платформе, румпель зажат между ног. Он обязан стоять на ногах, так труднее отвлечься и это гарантирует безопасность плавания в архипелаге на девяносто пять процентов состоящем из полупогружённых рифов.

Идём на запад, оставаясь внутри атолла. Вскоре налетает первая гроза. Небо затягивает чёрным, воздух становится холодным. Порывы ветра поднимают короткие крутые волны, которые разбиваются о борт лодки. Прячемся под зелёной клеёнкой, сгрудившись на ящике покрывающем мотор. Только рулевой остаётся снаружи, стоит под дождём, крепко держа румпель, пристально вглядываясь в воду.

Подходим к отдельно стоящему рифу, похожему на тот, где стоит на якоре "Barca Pulita": коралловая платформа, дающая приют тысячам морских созданий, среди которых стайки микроскопических рыбок, которых мы должны наловить, прежде чем начнём собственно рыбалку. Подходим медленно, приближаясь к другим *dopì* прибывшим раньше, все с целью добыть наживку.

Трое из наших прыгают в воду и начинают осматривать дно, плавая вокруг, мы следуем за ними. Вот подаёт сигнал, подняв руку и мы опускаем в воду сеть, протянув её между бортом и тремя пловцами в воде. Трюк заключается в том, чтобы подвести сеть под стайку рыбёшек, после чего её закрывают, одновременно с борта и из воды. Живые рыбки высыпаются в трюм, который тем временем уже заполнен водой и будет служить садком.

Менее чем за час работы брюхо *dopì* полно рыбками серебристого и зелёного цвета, которые в полном недоумении плавают кругами. Теперь мы направляемся на север, следуя, как мне кажется, вдоль внутреннего края западного рифа и выходим в зону почти открытого моря возле северных проходов в атолл. Теперь нужно искать тунца, но рыбаки, странное дело, все смотрят в небо. Немного погодя начинаю понимать, они высматривают птиц, которые обычно кружат над косяками рыбы. Немой парень начинает вдруг жестиковать, мычать и показывает куда-то вверх. Другие тоже смотрят и согласно кивают. Я тоже вглядываюсь в небо, но ничего не вижу. Птицы? Наверное, потому что Али меняет курс и уверенно направляет лодку в ту сторону, куда все смотрят.

Тем временем кто-то открывает кокосовые орехи а Хуссейн чистит папайю. Он делает это с предельной точностью, стараясь не потерять ни кусочка мякоти, словно это драгоценность. В действительности так оно и есть, потому что папайя и кокосовые орехи это единственная пища, которую рыбаки взяли с собой. Поэтому вчера они так настаивали, чтобы питание для себя я взял сам. Я даже обиделся, мне это показалось очень нелюбезным, но видимо они просто считали их пищу слишком простой для меня.

В одной руке у меня ломтик папайи, в другой кусочек кокоса: великолепно и не вызывает жажды. Мой сыр чеддар в банке и рафинированный белый хлеб не идут ни в какое сравнение.

Наконец и я вижу птиц и вода под ними кипит от множества тунцов. Мы летим на полных оборотах мотора и, пока один из рыбаков начинает кидать в море пригоршни живых рыбёшек из трюма, остальные лихорадочно готовят удилища и крючки.

Живая рыбёшка неожиданно появляется в воде и тунцы видимо думают, что попали в рай. Они прибывают сотнями, прыгают вокруг нас и бросаются на рыбок в воде, на крючки, на любую вещь в воде. Удилища поднимаются и опускаются и каждый раз тунец падает в лодку и отчаянно бьётся о днище *dopì*. Быстро освободить крючок и снова забросить в воду, тут же клюёт следующий, потом ещё и ещё, легко, как в мечтах любого рыбака.

Мои товарищи вытаскивают и вытаскивают рыбу, я же в это время снимаю - удилища, забросы, тунцов падающих в лодку, эмоции этих простых людей, исполняющих этот ритуал точно так же, как это делали поколения рыбаков до них.

Я одеваю маску и ласты и собираюсь нырнуть, чтобы заснять действие из под воды, но старик Садир останавливает меня решительным жестом. Не говоря ни слова он показывает

на что-то в воде. Я столбенею: акулы. Об этом я не подумал. Акулы всегда следуют за косяком тунцов и когда начинается веселье они тоже принимают участие.

Я сразу отказываюсь от своего намерения, ещё и потому, что тунцы вдруг, таинственным образом, исчезают, все вместе, словно повинувшись внезапной команде и делать больше нечего.

Принимаемся снова высматривать птиц, находим новые косяки и в конце концов, когда doni вся покрыта кровью и завалена тунцом, вместо того чтобы возвращаться на Tulusdoo, остров с которого мы вышли, мне дают понять, что мы направляемся на Male, чтобы продать рыбу на рынке. Изначально это не планировалось. Потребуется немало времени и я начинаю беспокоиться, кто знает, когда мы вернёмся. Но время здесь ничего не значит. Вернёмся поздно? Кажется это никого не беспокоит.

Али натирает кокосовый орех, чтобы получить молоко. Помещает его в помятую кастрюлю, добавляет куски тунца, много риса и ставит вариться на жаровне сделанной из старой ржавой жестянки из под печеня. Разгорается весёлое пламя, кокосовые скорлупки дымят, но горят хорошо, таким образом ничего не выбрасывается зря. Едим все вместе руками из оранжевой пластиковой бадейки. Мне не очень нравится коричневатый соус, но я стараюсь, чтобы никто этого не заметил, потому, что все в ожидании моей реакции. Когда все поели, Али поднимается, достаёт банку из рундука на корме и посыпает оставшийся соус толстым слоем сахара сырца. Сладкое подано. Густая липкая масса на этот раз и мне приходится по вкусу. Тем временем doni, качаясь на длинной океанской волне, идёт в направлении Male, с его рынком с десятками тысяч тунцов.

Отыскав свободное место среди лодок сгрудившихся в порту, рыбу моют, чтобы показать товар во всей красе, сгружают, грузят на борт солярку, бензин, два десятка листов рифлёного железа. На борт поднимаются десяток пассажиров, желающих вернуться на Tulusdoo и мы выходим в море на переполненной до невозможности лодке. Солнце уже давно закатилось.

Пассажиры устраиваются, кто как может, рассаживаются вдоль бортов, болтают, жуют бетель и арек. Меня кроет сон, но балансируя сидя на чурбаке заснуть не получается. Периодически мне предлагают бетель, от которого я отказываюсь, и спрашивают хорошо ли я себя чувствую.

- Varabaro?

- Varabaro. – конечно мне хорошо, отвечаю я глядя на великолепное звёздное небо или считаю острова следующие один за другим, словно бусины чётки вдоль нашего курса. Через четыре – пять часов будем в Tulusdoo. Вокруг кромешная тьма, но острова, странным образом, видны, выделяясь ещё более тёмными пятнами на горизонте. И, что ещё более странно, рыбаки видят дорогу без огней и без луны в лабиринте кораллов.

Когда будем на месте? Не знаю. Жаль, что не получилось предупредить Лиззи. Я оставил лодку ещё до рассвета и неизвестно когда вернусь, потому что добравшись до Tulusdoo мне ещё предстоит на тендере преодолеть мили отделяющие остров от нашей якорной стоянки.

13. Деньгу

Я проснулась ночью с головокружением, руки и ноги тяжёлые, словно мраморные колонны. Мне было плохо. Я не понимала, что со мной происходит, но чувствовала себя ужасно. С большим трудом вылезла из каюты и притащилась в кокпит, где Карло стоял на руле.

- Мне плохо. – пробормотала я. Казалось голову сжимают гигантские щипцы.

- Я тоже. – ответил Карло. – Собирался позвать тебя, чтобы смениться, но очень трудно двигаться.

Я устроилась за рулевым колесом, а Карло растянулся рядом в кокпите. Дул лёгкий ветерок, лодка шла медленно и поверхность моря переливалась серебром в свете луны. Приходилось только изредка корректировать курс, чтобы лодка шла прямо.

Руки казались неимоверно тяжёлыми...нужно было повернуть руль...но руки не слушались... казалось они раздуваются, тяжелеют...

Сначала перед глазами оказался низкий белый потолок над койкой, потом донёсся голос Карло.

- Ты пришла в себя? – слова доносились откуда-то из далека.

-...что случилось?

- Ничего, всё в порядке, просто ты потеряла сознание. Я тебя поймал на лету.

Я лежала на своей койке. Голова сильно кружилась, налитые свинцом руки и ноги прилипли к матрасу. Однако лёжа я чувствовала себя лучше.

- А лодка?

- Идёт сама. Немного зигзагом, но ведь всё равно идём очень медленно.

- Что со мной?

- Боюсь, что на этот раз у нас *siquatera*.

-*Siquatera*?

Днём раньше мы заходили на Makatea, островок на полпути от Туамоту к Таити, длинный и узкий как палка, с гористым гребнем странной неправильной формы, с пиками, зубчиками и провалами. Остановка не была предусмотрена на этом переходе через Французскую Полинезию, решили в последний момент, отчасти из за отсутствия ветра, отчасти из за сомнений одолевающих нас каждый раз, когда проходим мимо нового острова не останавливаясь:

- Кто знает, что мы теряем; кто знает, когда у нас ещё будет случай вернуться в это место; и кто знает, как оно изменится за это время?

Разноцветный коралловый риф перпендикулярно обрывающийся в бездну, остатки старого причала, хижина на поляне и тропинка бежит вдоль скалистого берега и поднимается по склону холма поросшего джунглями. Не видно жителей на Makatea, только ближе к полудню на тропинке показался пожилой мужчина в цветастом линялом парео обёрнутом вокруг бёдер. Это был сторож причала.

Говорил он на странном французском, возможно потому, что во рту осталось мало зубов. В этот период он почти всё время проводит в горах, ухаживая за огородом. Вчера же спустился к морю, потому что должно было прийти почтовое судно и он должен был принять его. Мы сидели на пальмовом стволе в тени хижины и мужчина рассказывал нам историю своего острова.

- Последние года судно проходит здесь лишь пару раз в месяц, и то не всегда. Раньше было по другому. Раньше суда приходили каждую неделю, даже два раза в неделю, чтобы загрузиться фосфатами. Makatea славился своими фосфатами. Нас было много и мы жили очень хорошо, благодаря их продаже.

Фосфаты добываются из залежей гуано оставленных птицами на скалах. Вся гора Makatea покрыта гуано оставленным за века миллионами морских птиц.

- Мы добывали гуано в горах и суда приходили за ним. Для причаливания судов одна компания из Папеэте финансировала строительство огромного мола, очень длинного, выходящего за риф и для этого большой участок кораллового барьера был взорван динамитом.

Потом вековые отложения, в результате этой «золотой лихорадки», иссякли. Одновременно фосфаты потеряли спрос на международном рынке.

- Коммерция стала постепенно угасать, суда приходили всё реже и работы становилось всё меньше. Теперь мы снова бедны, наша гора вся в кратерах и трещинах, а рифовый барьер разрушен.

От мола, разрушенного волнами, остался только длинный металлический каркас выдающийся в море с нависающей как призрак стрелой талей.

- Теперь судно, когда приходит, становится вдаль от берега и посылает на остров шлюпку, сгрузить то, что мы заказали в Папеете и погрузить то немного, что мы ещё можем отправить в столицу.

Старик предложил нам кокосовые орехи и попросил растительное масло и мыло для стирки. Когда мы вернулись с лодки, привезя ему их, он подарил нам двух огромных пальмовых крабов. Их научное название – *Virgo latro*, это существа доисторического вида, голубоватой окраски с огромными клешнями, которыми он вскрывает скорлупу кокосовых орехов. Их мясо жирное и ароматное, благодаря кокосам и кокосовому маслу, которыми они питаются и поэтому, увы, является деликатесом. По этой причине бедные создания совсем исчезли на обитаемых островах. Малочисленные обитатели *Makatea* истребляют последние экземпляры имеющиеся в их распоряжении. Каждый раз перед приходом судна они бросаются на поиск крабов с тем же весёлым легкомыслием, с которым в прошлом добывали фосфаты. Крабы попадают в Папеете в самые изысканные рестораны.

Перед отходом я показала старику групера пойманного Карло на рифе, прямо под лодкой, всего в нескольких метрах от развалин старого мола и спросила, можно ли его есть и есть ли опасность *ciquatera*. Так советуют все справочники: « Чтобы быть уверенными, что рыба не заражена *ciquatera*, покажите её местным жителям и укажите место, где её поймали.»

- Да, конечно, можете есть его. - ответил он. Однако, рыба всё таки была токсична. Не было другого объяснения. Мы ели лишь крабов и *segniá*. Первые были великолепны, вкусные, ароматные, отваренные и приправленные соусом из майонеза, сливок, кетчупа, табаско и коньяка. После крабов *segniá*, по правде говоря, была уже лишней, но поскольку уже была приготовлена... Мы съели её и сразу же после ужина, с восходом луны, выбрали якорь и оставили *Makatea* за кормой. Папеете был всего в семидесяти милях и плавание обещало быть лёгким, по спокойному морю, под луной освещающей воду.

- *Ciquatera*? Это невозможно!

Но симптомы были очень характерные и проявлялись у нас обоих. Болезнь *ciquatera* вызывает токсин содержащийся в водоросли растущей на мёртвом коралле. Травоядные рыбы едят эту водоросль и накапливают токсин в своих тканях без какого либо вреда для себя. Потом хищные рыбы поедают травоядных, а более крупные поедают мелких по пищевой цепочке и всё больше токсина откладывается в тканях рыб. И когда человек съедает одну из них, в которой количество яда было значительным, поражается нервная система. И симптомы как раз: тяжесть в конечностях, затруднённое дыхание, головокружение.

Примерно так говорится в одной из книг о тропических болезнях. Всё совпадало, и мы, как идиоты пошли ловить рыбу как раз там, где риф был взорван динамитом для постройки мола.

- Значит это действительно *ciquatera*... Ну не могли мы подумать раньше?

Что это *ciquatera* нам подтвердили и в госпитале Папеете. Мы прибыли на Таити обессиленные после ночи плавания в состоянии зомби, нам даже не верилось, что мы наконец бросили якорь в порту. Но тут нас ожидал ещё один неприятный сюрприз. Как при многих болезнях поражающих нервные окончания, так и при *ciquatera*, контакты с водой вызывают болезненные, хоть и безопасные, электрические удары. А мы контакты с водой имели чаще, чем можно себе представить.

Именно в это время года неожиданные дожди два три раза в день вымачивали нас с головы до ног, было очень жарко и мы постоянно потели и чтобы отправиться на берег приходилось регулярно заходить в воду по колено, чтобы вытащить тендер на пляж. Ко всему этому можно добавить, что нам приходилось пить и писать. О умывании, естественно, не могло быть и речи!

Замученные этими электрическими разрядами мы обратились в госпиталь за помощью. Медсестра, смеясь, подтвердила что это *ciquatera*:

- И вы подхватили? Эх! Нет, не существует лечения, нужно просто ждать пока пройдёт. Несколько недель старайтесь есть меньше животных белков.

И мы ждали. Понадобилось пять недель, для полного выздоровления.

Прошли шесть лет. Океан теперь Индийский, острова Мальдивские, но я снова лежу на койке глядя в белый подволок, все кости болят, смертельная усталость и огромное желание не шевелиться.

Это началось двадцать дней назад. Я проснулась утром со стуком в висках и негнущейся шеей. Это не могла быть *сикуатера*, потому что в Индийском океане этого токсина ещё нет. Может быть малярия, но на Мальдивах это маловероятно и уже прошло слишком много времени после возможной встречи с инфицированными комарами на Сокотре

- Может быть приступ шейного артроза....

- Да нет, не думаю. Так вдруг... Да ты ещё не такая старая.

- Но мы всё время спим на палубе. И такая влажность!

Карло опять листает книги о тропических болезнях.

- Вот, смотри сюда. Это может быть денгю... «лихорадка с ознобом, глазничная боль, прыщи и высыпания на коже», посмотрим, есть ли у тебя температура.

Столбик термометра поднялся до 40 градусов.

- Я же сказал, это денгю.

- Но у меня нет ни прыщей ни высыпаний...

- Подожди, здесь говорится, они появляются позже.

Лихорадка денгю, говорится в книге, вызывается укусом комара, как малярия. Но в отличие от малярии не лечится, не циклична и почти никогда не смертельна. Выздоровление наступает спонтанно через неделю или две, но инфекция оставляет состояние слабости и упадка сил, которое длится ещё долго.

Первые дни у меня был такой сильный жар и так болела голова, что мне с трудом удавалось иногда проглотить таблетку, чтобы сбить температуру, и съесть несколько ложек сахара. Едва проглотив сахар, я засыпала и мне снились очень странные сны: огромные грибы всех цветов радуги, каждый различного оттенка, взрывались в моей голове. Было похоже на то, как когда, много лет назад, на Бали мы попробовали галлюциногенные грибы. Всю ночь мне снились взрывы атомных бомб, синие, красные, зелёные, жёлтые.

Иногда, погрузившись в море зелёных или фиолетовых призраков, я вдруг слышала голос Карло и просыпалась. Он тряс меня, пытаясь привести в чувство.

- Эй, что с тобой происходит? Ты говорила и очень громко, какие-то отрывочные фразы.

Другой раз я проснулась от чувства холода и сырости. На лбу и на лодыжках у меня лежали холодные компрессы.

- Ты просто огненная, нужно делать что-нибудь, чтобы сбить температуру. Уже минут пятнадцать, как я начал прикладывать тебе ко лбу холодные компрессы, они нагреваются мгновенно. Ты ничего не чувствовала?

- Нет, просто у меня болит голова.

- Может это не денгю. – И Карло снова читал и перечитывал книги по медицине.

«Если это денгю, то температура должна бы спастись внезапно, но может держаться и целую неделю. Скорее всего это не она и мы только теряем время».

Пару раз Карло ходил на берег, на остров в паре километров от нашей стоянки, поискать аптеку или хотя бы кого-нибудь, кто смог бы подтвердить диагноз. Конечно же не было не того не другого. Во время одного из этих выходов вдруг разразилась сильная гроза. Гром, молнии, тонны воды, жуткие порывы ветра обрушивались на лодку, дергая с огромной силой якорную цепь. От всей этой какофонии я проснулась, совершенно не понимая, где нахожусь и что это за шум гам. Не знаю почему, я вышла в кокпит, где и нашёл меня Карло, всю мокрую и дрожащую. Он, как только услышал гром, сразу отправился назад, опасаясь что я могу проснуться и испугаться.

- Если температура будет держаться, поднимем якорь и я отвезу тебя в Мале. Это два дня плавания, но, по крайней мере найдем больницу. Должен же там быть доктор, который сможет понять, что с тобой. - говорил Карло, вытирая мне голову полотенцем и меняя одежду.

Потом, в одну ночь температура вдруг спала и началась сыпь. Стопы ног и руки покрылись красными пятнышками и чесались так сильно, что я постоянно тёрла их о края рундуков возле моей койки. Я чесала их так сильно, что до сих пор у меня ободраны все ладони. Пыталась удержаться, но это было совершенно невозможно. Но зато я начала понемногу есть и выходить в копит по несколько часов в день.

Уже неделя, как закончилась эта пытка, у меня больше нет температуры, но совсем нет сил. Что бы я ни делала, моментально устаю, не могу даже читать, потому что если фокусирую взгляд на каком либо близком предмете, как, например книжная страница, начинаю чувствовать острую боль во лбу. Это тоже был верный симптом.

Вчера нас приехал проведать староста деревни Eriykunudoo, одной из тех, куда Карло ездил искать помощь. Так как Карло больше не появлялся, он, как хороший мусульманин, решил последовать примеру и сам приехал навестить нас на лодке. Он приплыл на маленькой doni с изогнутым штевнем. Его худые ноги обёрнуты куском ткани в коричневую клетку, на майке реклама пива. На церемонном английском спросил разрешения подняться на борт. Староста тоже переболел деньгу и говорит, что тоже чувствовал боль во лбу, когда пытался читать.

Он принёс мне пакет с четырьмя пористыми желтоватыми шариками.

- Съедай их по одному в день, это поможет тебе восстановить силы.

Я думала, что хорошо скрываю эмоции, но он не обманулся: «Поверь, они очень питательные, они питают молодую пальму в первые моменты её жизни.»

Эти странные шарики я уже видела, в Полинезии мне их предлагали как лакомство. Они образуются внутри кокосового ореха, когда тот прорастает и служат питанием для ростка пальмы, пока он ещё не в состоянии делать это с помощью собственных корней. Они жирные и липкие, с отталкивающим запахом прогорклого кокоса.

« Мужчины, болевшие деньгу, прежде чем вернуться к рыбалке, лечатся этим. Потому что иначе они бы оставались слабыми и рисковали бы выпасть за борт. Это наше традиционное средство.»

Конечно, там где имеются лишь тунец и кокосы, кокосы и тунец традиционным лекарством не может быть свежий апельсиновый сок или прополис. Хорошо что мне не принесли масло из печени тунца!

Потом староста спросил разрешения удалиться и сел в свою весельную лодку, пообещав привезти мне ещё этих самых шариков.

- Чтобы полностью выздороветь понадобится некоторое время. - проинформировал он нас.

- Я эти штуки есть не буду. Запах у них противный! - сразу заявила я Карло.

- Кажется ты начинаешь чувствовать себя лучше! Я бы начал беспокоиться если бы ты согласилась.

И так я просто стала ждать выздоровления.

Чагос ждут нас и любой день хорош чтобы поднять якорь.

- Как ты себя сегодня чувствуешь?

- Ммм...

- Выходим?

- Даже не знаю...

Меняется сезон. Начинаются грозы, и чем больше мы ждём, тем больше риск, что переход будет под дождём и без ветра.

- Ладно, выходим...отдохну во время перехода, это всего одна неделя...

14. Чагос

Выходим. Острова Чагос точно к югу от нас, по другую сторону экватора, на расстоянии шестисот миль. Шестисот миль, это не очень много, обычно неделя плавания или чуть больше, но на этот раз всё иначе. Между нами и Чагос лежит широкая полоса экваториальных штилей, своего рода ничейная территория, граница между ветрами северного и южного полушарий, где никогда нет ветра. Невозможно предугадать ширину этой зоны, которая меняется в зависимости от времени и сезона, именно поэтому раньше моряки боялись экваториальных штилей больше чем штормов более высоких широт. Парусники могли оставаться неподвижными неделями и месяцами с обвисшими парусами и такелажом в этом заколдованном пространстве без ветра и без времени. Днища судов обрастали длинными водорослями, команды изнывали от жары, экономили воду и пищу, заболели и с течением времени возникал страх, что всё это действие колдовских чар.

Сегодня, даже посреди моря, в колдовство никто не верит. Переход, на который раньше могли потребоваться месяцы, на лёгких современных яхтах совершается за неделю или две. Но зона штилей по-прежнему остаётся тяжёлым и необычным испытанием для парусной лодки и её экипажа.

Выходим с острова Мале. Небо затянуто тучами и ветер заставляет нас постоянно менять курс и парусность, но всё же бодро несёт нас на юг. “Barca Pulita“ быстро бежит между волнами в направлении экватора, крутя слалом между ливневыми тучами. По правому борту вдалеке проплывают южные атоллы Мальдив.

Через два дня атоллы заканчиваются, ветер утихает и всё вокруг нас словно замедляется. Становятся ниже волны, пропадают течения, с каждой милей на юг ветерок несущий нас всё больше выдыхается и на рассвете третьего дня наступает полный штиль.

Это какой то новый, необычный мир. Море лежит неподвижное, зеркальная, словно маслянистая гладь днём отражает облака и солнце, ночью звёзды. Видимо из за отсутствия волн или от полной тишины, но океан вдруг кажется стал ещё больше: бесконечное пространство вне времени, которое хочется пересечь на цыпочках, чтобы не заметили.

С утра небо всегда чистое, но по мере того как поднимается солнце, растёт температура и испарения моря наполняют его живописными облаками. Во второй половине дня начинаются грозы с дождём и ветром, но они несколько не продвигают нас к цели. Ветер очень сильный, приходится рифить грот, менять геную на штормовой стаксель. Эти манёвры требуют больше времени чем длится ветер. Мы предпочитаем совсем убрать паруса и подождать под дождём пока гроза выдохнется, опять вернётся синева и ветер снова пропадёт.

На самом же деле какой то ветер всё-таки есть. Очень слабенький и капризный, дует немного оттуда, немного отсюда и не в состоянии даже наморщить водную гладь. Но именно на эти слабые дуновения приходится рассчитывать, чтобы выйти из зоны штилей. Чтобы использовать их, нужно бы всё время стоять на руле и непрерывно регулировать паруса. Но днём слишком жарко, стоять на руле под солнцем, а ночью мы устаём и валимся ото сна. Поэтому мы предпочитаем доверить лодку ветровому авторулевому, хотя он и ведёт нас зигзагами, в то время как мы проводим дни под импровизированным навесом, читаем, смотрим вокруг, пишем и обливаемся из ведра морской водой.

На шестой день, двигаясь как улитка, пересекаем экватор.

- Мы в южном полушарии! – объявляю я, два три раза проверив расчёты. Но этого не заметно. Море такое же, небо тоже, и так же нет ветра.

- Это мне напоминает, как когда возраст совершеннолетия снизили до восемнадцати лет и я вдруг сразу стала совершеннолетней – прокомментировала Лиззи. Но мы всё равно отмечаем это событие кока-колой и последней пачкой шоколадных вафель, подарок итальянской турбазы.

Проходят ещё четыре дня, за день не удаётся пройти больше двадцати миль, а утром пятого, перед самым рассветом, меня неожиданно будит шорох волн плещущих о корпус. Я выбегаю наружу с мыслями о волнах поднятых проходящим судном. Однако это ветер поднял лёгкую зыбь. В неверном предрассветном свете поднимаю передние паруса, стараясь работать тихо и не разбудить Лиззи. Идём со скоростью три узла, но после дней почти полной неподвижности кажется что летим. Этот новый ветер, пришедший с юга, рассказывает истории другой части земли, он первый знак пассата и он больше нас не покинет.

Проходят ещё два дня спокойного плавания и наконец на поверхности океана появляется большое светлое пятно. Это первый признак земли. Хотя это ещё и не земля а крохотный атолл полностью погружённый в воду, даже без какого либо островка над поверхностью волн. Но коралловые рифы, скрывающиеся всего лишь в нескольких метрах под водой, выдают себя, вспенивая поверхность океана белыми барашками, и они притягивают нас, как мираж.

- Поньряем?

- Шутишь?

- Нет. Мы можем по очереди. Один на борту, лежимся в дрейф, другой ныряет. Или можем спустить тендер и взять с собою подводную телекамеру.

Мы говорим, а в это время глыбы кораллов под водой проплывают в сотне метров от нас. «Если бы получилось посмотреть, что там внизу. Наверняка никто этого никогда не видел.» - я представляю себе башни кораллов, огромные рыбы, акулы и всё остальное.

- Ладно, Карло! Прекрати!

- Ты права. Лучше не надо. Слишком сложно.

Идём на юг, держась от рифов на безопасном расстоянии. Белые барашки и голубизна мелкой воды и кораллов остаются за кормой и постепенно исчезают, пока мы преодолеваем последние тридцать миль, которые отделяют нас от атолла Саломон.

В десять часов появляются кроны пальм над линией горизонта.

В двенадцать - даже мелкие островки по периметру атолла появляются из моря.

В тринадцать – заходим в пролив ведущий внутрь лагуны.

Убираем все наши четыре паруса и идём под мотором, ориентируясь на тёмный цвет глубокой воды по центру прохода. Две минуты затаённого дыхания и судорожного внимания и мы во внутренней лагуне.

- Какое чудо. – Нет больше опасностей. Нет больше волн и нет течений. Вода снова глубокая и у нас есть время осмотреться и получше разглядеть новую землю до которой мы добрались.

На самом деле земли здесь видно мало, но та что есть очень живописна. Она появляется в виде бесконечной цепочки прекрасных островков, маленьких и низких, расположенных по периметру атолла. И атолл так велик, что островкам не видно конца.

- Остаётся только найти где бросить якорь и обещаю тебе купание в самом красивом месте в мире.

- Скорее бы.

Идём курсом на восток, чтобы пересечь лагуну и встать под прикрытием восточных островов, где в случае сильного ветра мы будем защищены сушей. Проходит пол часа и острова приближаются. С внутренней стороны огромные пляжи, а дальше, где начинается растительность, высокие густые пальмы. Нужно только подойти и бросить якорь.

Однако две попытки подойти к берегу закончились поспешным отступлением. Кораллы поднимались со дна вертикальной стеной. По эту сторону стены глубина в лагуне больше пятидесяти метров и встать на якорь мы не можем. По другую сторону, глубина всего несколько сантиметров и видно как рыба плещется и прыгает на коралловом мелководье. Делаем ещё пару попыток, потом решаем остановиться и поразмыслить. Ставлю мотор на нейтраль, Лиззи приносит карту в кокпит и мы углубляемся в её изучение, в то время как

лодка медленно дрейфует. Пытаемся найти место, где глубина уменьшается более плавно, но карта старая, цифры отметок глубин микроскопические и кажется всё подтверждает, что отлогих подъёмов здесь нет.

- Подожди, возьми очки. – говорит Лиззи и исчезает в каюте. Проходят две секунды и я вздрагиваю от пронзительного звука сирены эхолота и сразу же за ним следует ужасный удар.

Появляется бледная Лиззи, я вскакиваю на ноги. Мы смотрим друг на друга: «О боже, мы кажется стукнулись о дно!».

Я бегу к штурвалу оглядываясь вокруг: жёлтые и зелёные тени коралла, просвечивающие впереди и слева по борту, подтверждают, что мы идём на рифы. Переключаю мотор на задний ход, даю полный газ и выворачиваю штурвал вправо, пытаюсь направить корму в единственную зону, которая мне кажется свободной. Но на заднем ходу лодка управляется плохо и не слушается руля.

Киль ударяется ещё раз и моё сердце вздрагивает вместе с ним. Ещё один удар, более лёгкий, наконец лодка набирает ход назад и начинает понемногу реагировать на перекладку руля. Третий удар, успеваю заметить как мачты вздрагивают и вибрируют вместе с вантами и штагами. Боюсь даже подумать, что будет, если мы повредим корпус, именно здесь, посреди океана, где помощи ждать неоткуда. Ещё несколько секунд и вода снова неожиданно становится глубокой, эхолот молчит и показывает двадцать пять метров. Мы напуганы и дезориентированы.

- Как это могло случиться?

- Я ничего не видел.

- Какое легкомыслие!

Усталость после перехода, лагуна с её пастельными цветами, спокойная вода после стольких дней в море, расслабили нас до такой степени, что мы позабыли самые элементарные меры предосторожности. Вместо того, чтобы одному стоять на руле а другому смотреть с мачты, мы по необъяснимой глупости сидели оба в кокпите, изучая карту, в то время как лодка дрейфовала на отдельностоящий риф.

Совершенно подавленные идём дальше. Уже не ищем идеальной якорной стоянки и бросаем якорь где приходится, на глубине больше тридцати пяти метров, но вдалеке от берега и кораллов. Слишком глубоко и цепи не хватает. Наставляем длинный трос, и второй, для надёжности.

Солнце уже закатывается! Нет даже времени сойти на берег. Но неважно. Мы прибыли.

Апперитив.

Жёлтое солнце.

Пылающее небо.

Запах сырой земли.

Волн нет.

Острова Чагос, только для нас.

Сначала португальцы, потом французы, потом англичане. Как и многие другие территории нового мира острова Чагос были жертвой и разменным товаром колониальных держав Европы. Они находятся в сердце Индийского океана, в шестистах милях на юг от Мальдив, в полутора тысячах на восток от Африки. Если идти дальше на восток, то первая земля встретится через три тысячи миль – Австралия. Дальше на юг больше ничего нет, только Антарктида.

Открытые португальским судном, примерно в 1500 году, они сразу же были позабыты и даже на некоторое время исчезли с географических карт, пока в восемнадцатом веке Франция не открыла их снова и решила аннексировать. В 1776 там обосновались первые колонисты. Это была группа прокажённых и сборщики копры, люди прибывшие с острова Маурициус и на протяжении нескольких поколений жившие на атоллах в мире. Они даже не

заметили, что в 1814 году, в результате переговоров величайших держав того времени, весь архипелаг вошёл в состав Британской империи. Люди на Чагос жили спокойно, изолированные от всего мира, на расстоянии световых лет от Европы, которая, в зависимости от исторического момента меняла их принадлежность на карте.

Лепра не распространялась, но оказала на население странный эффект: женщины жили почти вдвое дольше чем мужчины. В обществе установился матриархат. Тем временем копра Чагос стала знаменитой, масло, которое из неё добывали, использовалось в лампах по всей империи и так ценилось, что острова переименовали в *Oil Islands*.

Наступил двадцатый век и в начале семидесятых годов американцы решили построить стратегическую военно-морскую базу, где-нибудь в Индийском океане, где могли бы базироваться подводные лодки, военные корабли, танкера, суда снабжения, авианосцы и всевозможные вспомогательные службы, необходимые для проведения операций быстрого реагирования в регионе среднего востока. Первый выбор пал на атолл Aldabra, изолированный и необитаемый, который сейчас входит в состав Сейшел и на котором живут тысячи гигантских черепах. Но страх столкновений с экологами всего мира по поводу будущего рептилий заставил дядю Сэма отказаться от своего выбора и теперь его взгляд упал на Diego Garcia, самый южный и самый изолированный атолл Чагос.

- Ваше величество, не сдадите нам острова Чагос в аренду, лет на пятьдесят?

- Конечно, господин президент. Возьмёте их такими как есть или нужно поменять что-нибудь?

- Если вам не трудно, мы хотели бы их без жителей.

- Хорошо, господин президент. Будет сделано.

Более или менее всё так и произошло. Американцы хотели базу в центре Индийского океана, в удалённом и необитаемом месте, чтобы быть уверенными, что там нет агентов враждебных спецслужб, обосновавшихся на территории.

Две тысячи креолов, живших на Чагос уже на протяжении более пяти поколений, не были так везучи, как черепахи с Aldabra. Англичане депортировали их всех разом, ссылаясь на то, что французские власти, а потом и её величество, заставляли безграмотных колонистов, желающих ехать выращивать кокосы на Чагос, подписывать контракт, который запрещал им оставаться навсегда на островах.

Утро открывает нам пейзаж из сказочных необитаемых островов под прозрачным, как никогда, небом. На солнце спокойная лагуна переливается всеми цветами радуги и кристальная вода обещает неизведанные чудеса. Но мы не можем радоваться красотам в полной мере. Сначала нужно проконтролировать повреждения корпуса и решить что делать.

Вытаскиваю баллоны, редуктор, остальное подводное снаряжение и я ныряю в невероятно прозрачное море. Спускаюсь ниже и начинаю, ладонь за ладонью осматривать днище. Нос в порядке, и кроме царепин, оставленных моллюсками выросшими на корпусе, ничто не нарушает плавную кривую выпуклого днища. Продолжаю контролировать подводную часть, медленно спускаясь к килю, ощупывая её руками, словно не доверяя зрению. Лиззи сверху наблюдает за моими действиями, ожидая в полной тишине.

Через десять минут я вынырываю, выплёвываю загубник и ору ей с облегчением.

- Невероятно, ничего не повредили!

- Правда... – последние слова заглушаются всплеском от её прыжка. Вдвоём в воде мы смеёмся и оглядываемся вокруг. Море похоже на аквариум. Мы посматриваем на приближающихся огромных барракуд и снова контролируем корпус нашего плавучего дома, который кажется невероятно невредимым. Дикое везение, всего несколько ссадин на киле, пару царепин на краске и небольшая вмятина, которую мы запросто можем зашпаклевать при следующем подъёме на сушу. Возможно отсутствие волн предотвратило худшее, или кораллы были не очень твёрдые, или покрытые водорослями или чем то другим, что смягчило удары.

И даже здесь, где мы стоим сейчас, на глубине тридцать пять метров, лагуна усеяна огромными роскошными кораллами, каких я никогда не видел. Кораллы в форме листа, в форме купола, шпиля. Ветки, гребни и сферы мягких кораллов покрывают всё дно, не оставляя свободным даже малого пятнышка. Погружаюсь с аквалангом проверить якорь. Цепь извивается между кораллами, проходит между двумя гребнями, спускается в ложбину и обвивается вокруг двух огромных глыб, лапа якоря лежит у основания веерного коралла со стеблем толстым как ствол дерева. Рядом тридакна размером в человеческий рост, её голубая мантия выступает наружу, покрывая края листообразных створок раковины. Приближаюсь и осторожно дотрагиваюсь пальцем до мясистой кромки. Огромные створки резко захлопываются, выбросив струю воды, которая отбрасывает меня в сторону. Пробую сдвинуть её. Раковина не прикреплена к дну, как её более мелкие родственники, но такая тяжёлая, что не удаётся даже приподнять.

Однако, мы можем спать спокойно. На таком пересечённом дне якорь будет держать гарантированно. Есть, правда, риск, что цепь или якорь запутаются между кораллами, но эту проблему будем решать когда придёт время. Сейчас важно то, что мы можем отправляться на острова на тендере, уверенные, что с лодкой ничего не случится.

На берегу замечаем небольшой мол из коралловых блоков, похоже на остатки пристани, построенной бывшими обитателями. Зачаливаем тендер и принимаемся чистить рыбу, пойманную во время короткого перехода от лодки до острова. Несколько секунд, и в воде материализуется монструозная голова, за которой извивается тело, толстое, как у анаконды. Это гигантская мурена вышла из своей норы поживиться остатками нашей рыбы. Мы охотно с ней делимся. С этих пор, каждый раз, когда ловим рыбу, приходим сюда её чистить, ради удовольствия видеть, как она пунктуально появляется, спокойная, словно старый знакомый, хватая свою долю и извиваясь удаляется в какую-то щель под молом.

Каждый день мы посещаем новый остров, один из выстроившихся цепочкой по периметру атолла. Здесь есть на что посмотреть. Острова выбираем без всякого метода, останавливаемся рассмотреть всё что попадаетея интересного: маленькие мурены сидят в засаде в озерцах оставшихся при отливе, тысячи раков отшельников на закате ползут с пляжа в подлесок, манти на мелководье, в нескольких метрах от нас медленно машут своими крыльями, огромные пальмовые крабы шевелят клешнями, способными отхватить палец человеку. Иногда нам попадаетея наклонно растущая пальма, на которую легко залезть и набрать зелёных кокосовых орехов. Жидкость в них более освежающая а мякоть желатинообразная, её можно есть ложкой. Зрелые же орехи лежат на земле тысячами. Достаточно набрать их в тендер и отвезти на лодку. Мы научились употреблять их во всех видах, жарить, резать тонкими ломтиками (хорошо идёт с аперитивом), натирать на тёрке и выдавливать белый сок, который употребляем для готовки и приправ. Мы даже решили попробовать губчатое ядро прорастающего ореха, лекарство маэстро из Eriyukunadoo.

- Давай попробуем, должно быть в нём полно витаминов и минеральных солей.

- Откуда ты знаешь? – Спрашивает Лиззи.

- Ну, всегда так говорят. Как проросшая соя. Должно быть что-то вроде этого.

Тем временем вокруг лодки собралась стая платаксов. Первые дни их было мало, но со временем видимо новость распространилась вокруг и стая выросла. Привлекают их наши отбросы и они набрасываются на всё, что мы кидаем в воду: куски хлеба, недоеденный суп, остатки краба. Они даже стали собираться у борта каждый раз, как видят нас на палубе, прямо как куры, когда видят крестьянина выходящего на двор с кормом. Стоят и ждут, готовые броситься, как только что-нибудь упадёт в воду, и уплывают раздражённые, если случается бумага, банановая кожура или яичная скорлупа. Но что их буквально сводит с ума, так это выбросы нашего туалета, поэтому у меня пропало желание охотиться на них.

Туловище у них крупное, в форме ромба, высокий веерообразный спинной плавник делает их ещё больше. Высота рыбы с плавником более полуметра, и когда мы спускаемся под воду, чтобы поснимать их на телекамеру, даже побаиваемся. Я снимаю, а Лиззи, окруженная

облаком рыб, высвобождает в воду хлебные крошки. Вид её маленькой фигурки, окружённой этими огромными рыбами, которые кажется порхают вокруг, впечатляет. Прекращаем съёмки только когда одна из рыбин в азарте кусает Лиззи за руку, оставив на запястье следы тонких, острых зубов.

15. Мишель

- Эй, иди сюда! Посмотри! Должно быть дом очень важной персоны.

Внушительное деревянное жилище, с приподнятой верандой на инкрустированных колоннах, с фонарём на крыше, из которого растёт гигантский папоротник, покрывающий всю её верхнюю часть.

Здесь, на атолле Salomon, есть старый бетонный мол, у которого мы оставили свой тендер, чтобы сойти на сушу. У основания мола английский флаг и плакат приветствуют наше прибытие в BIOT (British Indian Ocean Territory), британские владения в Индийском океане. И флаг и плакат похожи на те, которые устанавливают на вершинах гор, их назначение только пометить территорию. Острова, кроме Diego Garcia, необитаемые. С другой стороны Diego Garcia, с военно-морской базой, кораблями и американскими солдатами в двухстах милях от остальных островов архипелага и здесь никто не контролирует, кто высаживается на этой английской территории, последней на востоке от Суэцкого канала.

Жители были выселены более двадцати пяти лет назад и растительность уже заполнила то, что люди отвоевали на протяжении веков. На берегу остатки каких то строений, видимо складов копры, дальше сеть мелких тропинок, ещё различных, хоть и заросших густой зелёной травой, ведёт туда, где раньше были дома и жилые зоны посёлка Boddam.

Мы пошли по тропинке, которая казалась шире других и вот, на небольшой поляне появился этот деревянный дом.

- Зайди внутрь, разгони мышей.

С момента, как мы сошли на берег, я их видела великое множество. Возможно они попали сюда с каким-нибудь судном, вместе с бывшими обитателями, и остались. В отличии от людей, они не были депортированы и теперь являются истинными хозяевами островов.

- Путь свободен, иди сюда. Кажется будто люди ушли совсем недавно. – Доносится изнутри приглушённый голос Карло. Почти всё пространство в доме – одна большая комната. Что-то вроде стола, полочка со странными деревянными предметами, жестяная кружка висит на крючке на стене.

- Кто знает, за сколько времени их предупредили, что придётся уезжать. Я, когда собираюсь ехать, начинаю беспокоиться за месяц.

- Я где-то читал, что кто-то даже объявил голодовку и оказывал пассивное сопротивление депортации.

- Скорее всего всё было напрасно.

Дальше вдоль тропинки стоят ещё дома. Они появляются внезапно, скрытые свивающими лианами, баньянами с воздушными корнями, цветущими кустами, гроздьями маленьких белых орхидей. В конце церковь. На плите с крестом надпись – 1935. Узкий высокий фронтон, как у церквушек в горах, из резного окна над дверью растёт дерево с большими листьями в форме сердца. Крыши нет, остались только стены и круглая апсида, приподнятая над полом. Слева ещё инкрустированная деревом колонна, которая возможно служила пюпитром. С обеих сторон по три окна разделённых центральной колонкой надвое. В некоторых ещё остатки витражей из синего, жёлтого, красного и белого стекла.

- Интересно, откуда они их привезли?

- Нам лучше вернуться, начинается дождь. – первая капля уже приземлилась мне на очки.

- Опять!

На Чагос мы уже четыре недели и каждый день идёт дождь. Иногда это тропический ливень, который за пол часа зальёт всё, а потом выходит солнце, другой раз непрерывная морось погружает лагуну в свинцово серую атмосферу. Хорошо, что старые склады копры построены из бетона и местами уцелела крыша.

Мы перевезли и разместили на острове всю нашу съёмочную аппаратуру. Сходим на берег рано утром, одеваем съёмочную одежду и обходим остров снимая. При первых признаках дождя, складываем всё в сумки и герметичные мешки и стараемся как можно быстрее добраться до нашего укрытия. Сохнем и ждём когда снова можно будет приняться за работу. Но иногда дождь не прекращается часами, тогда складываем всё в старых складах и возвращаемся на лодку, ведь единственные входы, которые могут быть на островах - пальмовые крабы. Здесь никто на них не охотится и в каждой щели, в каждом дупле и за каждым камнем найдёшь одного из них.

Сегодня мы едва успели добежать от церкви, чтобы спрятать аппаратуру. Но это не тропический ливень, а мелкий нудный дождик, который, судя по всему не собирается скоро заканчиваться.

- Думаю сегодня уже ничего снять не получится. – Если уж стахановец Карло говорит такое, то я сразу соглашаюсь и, в свою очередь предлагаю:

- Я проголодалась. Уже почти полдень, пошли на обед к Мишелю.

- Ты что, хочешь отнять хлеб у детей?

- Да нет. Сегодня пойдём с ним на рыбалку, вечером приготовим спагетти и мы в расчёте. Однако я промокла. Оставим здесь одежду.

Уже неделя, как мы поступаем таким образом. Обычно таких проблем не бывает, на острове мы одеваем только купальный костюм или максимум парео или футболки, но здесь мы снимаем материалы для фильма. Поэтому – длинные брюки, рубашка или тенниска, туфли, и для всех съёмок одежда одинаковая, чтобы не было трудностей при монтаже, когда может понадобиться соединить вместе два эпизода снятых в разные дни. Проблема состоит в том, что из за ежедневных дождей, мы никак не можем постирать одежду, которая постоянно мокнет под дождём или становится влажной от нашего пота и никогда полностью не высыхает. На отснятом материале она выглядит прилично, но на самом деле пахнет плесенью и одевать её становится очень неприятно.

Садимся в тендер и направляемся к единственной лодке, которая уже несколько дней составляет нам компанию в лагуне. Это большая двухмачтовая лодка зелёного цвета, с чем то вроде садовой беседки на палубе. Белая лодочка, привязанная у кормы, говорит о том, что семейство дома.

- Hallo, Michel, Dominique!

- Hallo, montez, montez...- зовут нас жестами из беседки.

Мы поднимаемся на борт и попадаем за обеденный стол со всем семейством. Блюдо дня – сырая рыба с кокосовым молоком и рисом.

Глаза у Мишеля голубые как море, светлые волосы подстриженные под пажа, придают лицу слегка инфантильное выражение плутоватого мальчишки. Разговаривая, он набивает самодельную трубку, которая в сравнении с его огромной фигурой кажется совсем крохотной. Сын, его портрет в миниатюре выглядывает из его объятий. Длинная белая майка – единственная одежда папы.

Доменик кажется старше, её лицо испещрено морщинами, видимо от многих лет проведённых на солнце. На скамье сидит ещё Матильда, старшая дочь, а на столе детский стульчик с младенцем нескольких месяцев от роду.

Мишелю всего сорок лет, выглядит он даже моложе, но его жизнь, как мешок Санта Клауса, полна всяческих историй.

Ему было восемнадцать лет, когда он плывал на девятиметровой лодке без мотора, без батарей, без электрооборудования. Отправился один из Франции. Собирался идти в Полинезию, чтобы найти там работу по специальности. Пройдя Карибские острова и

Панамский канал он остановился на необитаемом острове архипелага Las Perlas, недалеко от Панамы и жил там робинзоном.

Он уже был не один. С ним была спутница и двое детей.

Мы собирались жить дарами земли и природы. Но это не так просто, как может показаться. Море полно рыбы, кокосовые орехи в изобилии, растут лимонные и апельсиновые деревья. Но вырастить что либо другое, отвоевав кусок земли у джунглей, стоило тяжких трудов. К тому же приходилось постоянно охранять огород от диких коз и свиней, которые пытались поделить наш урожай. Когда же мы решали, что пришло время сменить диету и перейти на мясо, козы и свиньи вдруг исчезали и уходили дни, чтобы выследить их. Убить кабана трудно, но это только часть дела. Потом нужно притащить центнер грязного вонючего мяса от места охоты к хижине, где живёшь. Разделать, порезать на тонкие полоски, посолить солью добытой из морской воды и развесить сушиться, надеясь, что не пойдёт дождь и что мухи и муравьи не доберутся до него слишком быстро. И нужно делать всё быстро, в течении нескольких часов, иначе мясо начнёт портиться.

За шесть месяцев такой жизни мы исхудали и смертельно устали. Решили отправиться дальше, на Галапагосские острова. Острова Las Perlas находятся вблизи центральной Америки а Галапагос в глубине Тихого океана. Посредине лежат 900 миль пустынного моря и экваториальные штили.

Четверо с радостью отправились в путь на девятиметровой лодочке. Посредине перехода, с интервалом в несколько часов, треснули оба бака с пресной водой.

Мишель не упал духом. На борту была книга «За бортом по своей воле», французского медика Алена Бомбара, который пересёк Атлантический океан на надувной лодке, чтобы доказать, что в море можно выжить, питаясь рыбой, планктоном и что можно пить морскую воду. Мишель и его подруга каждый день выжимали пойманную рыбу, пили полученную жидкость и поили детей. Не имея мотора, они делали всё возможное, чтобы использовать каждое дуновение ветра.

Наконец, через тридцать два дня, Галапагос. На борт поднялись полицейские, таможенники и санитарная служба. Они исполняли положенные процедуры и четверо, мучимые жаждой, отвечали на вопросы и заполняли бланки. В конце концов один из малышей не выдержал и робко спросил одного из людей в униформе

– У Вас не найдётся немного воды?

Тот, привыкший к подобным вопросам, стал рассказывать, что мол да, на Галапагоссах пресной воды в достатке, что есть опреснители, а выше в горах очень хорошая дождевая вода.

- А у вас на лодке не найдётся попить водички?

Военный смутился. Обычно экипажи яхт предлагают таможенникам выпить.

- Чего это тебя так жажда мучает? – спросил он шутя.

Так вышла наружу вся эта история о треснутых баках, более длинном чем предполагалось переходе, морской воде и рыбьем соке. Все формальности были прекращены, семейство отвезли на берег и передали на попечение местного медика.

- Мы исхудали, но были в хорошей форме. Очень постепенно нас перевели на нормальную диету. Сначала вода с сахаром, потом овощной супчик. Лучшая пища, какую мы ели за последний год.

Через неделю все четверо выздоровели и стали любимчиками Puerto Auchoa, крохотной столицы островов.

-Мы остались там на два года, вместо месяца, как планировали. Я работал. Две недели на рыбной ловле с местными рыбаками, две недели в горах, на большом внедорожнике с экологами и лесниками. Они следят за тем, чтобы завезённые на остров животные (мыши, собаки, овцы, свиньи) не уничтожали яйца, птенцов и источники питания местных видов (гигантских черепах, игуан, птиц).

Через два года они снова вышли в море. На этот раз в Папэте, который был изначальной целью плавания. Добравшись туда, Мишель и его семейство некоторое время жили на лодке, потом построили домик за пределами Папэте, вдали от движения и от города. Его спутница с детьми вернулась во Францию. Мишель остался. Работал шкипером на шикарных парусных яхтах, которые американские туристы брали в чартер, а в сезон дождей ездил по островам на большом кроссовом мотоцикле. Играл в теннис с французским послом и участвовал в празднествах старейшин деревень.

Потом встретил Доменик, она преподавала математику в университете Папэте. Родилась Матильда. Они решили построить лодку побольше, метров пятнадцать, чтобы когда-нибудь отправиться на ней далеко-далеко. На постройку ушло два года, тем временем родился Бенджамин, светлоголовый мальчишка.

-Наконец нам снова удалось выйти в море. Мы думали переехать в Новую Каледонию.»

Но раз уж вышли в плавание, решили пройти кругосветку, чтобы побывать во Франции, увидеться с друзьями и родственниками, которых не видели уже много лет.

-Доменик говорила, что Бенджамину одному будет скучно и мы решили родить ещё одного ребёнка. Он родился по дороге в Австралию, назвали его, как и меня, Мишель. Местный старейшина аборигенов окрестил его Nhulumbay – место где восходит солнце.

Всё это Мишель рассказывает нам по вечерам, когда мы ужинаем на их лодке. Главное блюдо, всегда, рыба пойманная им этим вечером с гарниром из риса. Ещё салат из пальмовой сердцевины, иногда моллюски. Мы приносим макароны и овощные консервы, иногда, на радость детям, крендель.

После ужина, когда дети уже спят, мы сидим за большим столом с рюмкой рома с Мартиники (купленного в Австралии) или ракии, которая осталась у нас ещё с Турции, с кусочками сушёной рыбы консервированной в масле с карри и ароматными травами. Мишель продолжает свой рассказ.

-Новая Каледония, это ещё французская территория, но французов за пределами столицы там не встретишь. Можно днями плавать между островами и коралловыми рифами и никого не встретить. Везде полно рыбы и кокосовых орехов. Мы остановимся на одном из островов на месяц, а может быть на год. Там видно будет...

Ещё он рассказывал о канаках – аборигенах Новой Каледонии.

-Живут они, как и сотни лет тому назад, на островах в своих деревнях. Раз французы подписали контракт с японцами на использование внутренних вод для рыболовства. Японцы пришли на своих огромных рыболовческих супероснащённых судах. Канаки смотрели на них с любопытством. Но уже через несколько месяцев заметили, что там, где несколько раз прошли японцы, рыбы больше нет. Они перепугались, старейшины срочно отправились в Нумеа к французам – Скажите японцам, чтобы больше не приходили. Французы стали говорить о международных соглашениях, подписанных контрактах. - Скажите японцам, чтобы больше не приходили, если они ещё вернуться, мы будем стрелять в них.

-Так они и поступили. Стали стрелять по рыбакам а потом и по французским солдатам. Случилась почти что революция. Канаки гибли сотнями, французы десятками, погибли также несколько, ничего не ведающих и не понимающих что происходит, японцев. В конце концов французы отступились, расторгли контракты и заплатили неустойки и лагуны снова стали безлюдны и полны рыбы.

Таким образом их конечная цель, Новая Каледония, но мы встретили их здесь, на Чагос. Малышу уже четыре месяца, он ест, спит и никогда не плачет. Бенджамин проводит дни рыбача с удочкой без крючка. Матильда развлекается постройкой хижин из веточек и возится с братишкой. Доменик жалуется, что у неё пропало молоко и приходится кормить малыша из соски.

Их лодка называется «Quand on n’a que l’amour». Они построили её в Папэте используя оборудование с яхт сданных на слом.

«Мы всегда отдаём два якоря на двух цепях. Кто его знает. Цепи старые, если одна порвётся, останется другая.

Снаружи «Quand on n’a que l’amour» выглядит несуразно, но внутри это настоящий дом, с картинами на стенах, сувенирами из путешествий, со стульями и стульчиками для детей. На носу установлена очень странная статуя: деревянная доска с вырезанной на ней деформированной человеческой фигурой. Это *тики*, полинезийское божество. Один из тех загадочных богов, которых островитяне оставляли в лесу во время старинных магических ритуалов.

- Мы были на Бора-Бора. На следующий день собирались уходить. Друзья организовали для нас большой праздник. Но во время прогулки по лесу, мы нашли его под кучей срезанных веток. Принесли его на лодку и укрепили на носу. На это потребовалось время и пришлось даже отложить выход, но мы не могли проигнорировать этот знак судьбы.

С тех пор как Мишель и его семейство подняли паруса и ушли на запад, весь этот мир пляжей и ветра островов и лагун снова остался только для нас. Мы увлеклись игрой в Робинзона Крузо и стали жить тем, что удавалось собрать на островах.

Пресная вода, для начала, уже не была проблемой. Однажды в лесу я шёл по едва заметным следам тропинки через завалы из гнилых стволов, как вдруг оказался на поляне с ямой посередине. Стенки её были выложены камнем и покрыты мхом, а на дне вода, которая хоть и была полна листьев и насекомых с множеством лапок, казалась прозрачной.

- Попробуем?

- Да ты подумай. Не может она быть пресной, мы в двадцати метрах от моря.

Однако вода была пресной и намного лучше той старой, что оставалась у нас в баках. Мы сразу вернулись на лодку, чтобы организовать доставку. Из старой обрезанной канистры сделали фильтр: на дне кусок ткани, покрытый слоем мелкого песка, взятого прямо с пляжа, потом ещё ткань от порезанной майки и слой крупного песка с наветренного берега острова. Теперь достаточно было черпать и воду ведром из колодца и заливать сверху в фильтр. Листья водоросли и прочие включения остаются в песке и вода, выходящая из сделанного в дне отверстия, чистая и прозрачная.

Инструкции по изготовлению фильтра взяты из руководства по выживанию, которое неизвестно как оказалось на борту, вместе с объяснениями откуда берётся пресная вода в нескольких метрах от моря. Коралловые острова состоят из пористых обломков кораллов. Выпадающая с дождём вода фильтруется сквозь их толщу и оседает под островом, образуя что то вроде пузыря из пресной воды, который плавает поверх окружающей солёной, потому что первая легче второй. Таким образом пресная и солёная вода не перемешиваются и благодаря этому феномену обитатели всех коралловых островов во всём мире всегда имели пресную воду, которую очень легко добыть, прямо под ногами. Однако, если её расходовать неумеренно, есть риск, что водяная линза истощится и равновесие нарушится. И тогда понадобятся века, чтобы линза сформировалась снова. Так случилось на некоторых островах французской Полинезии, когда начали использовать стиральные машины. Их обитатели за короткий срок на порядок увеличили расход пресной воды. Пресная линза истощилась и исчезла. Теперь воду приходится привозить танкером.

Разрешив проблему с водой, осталось найти пищу. Мы начали охоту на пальмовых крабов. Днём их невозможно найти, они прячутся в расщелинах и дуплах деревьев, но ночью, когда они выползают наружу в поисках кокосовых орехов, их очень легко найти при свете фонарика. Они стоят неподвижно, уставившись на свет и остаётся только ударить мачете между глаз. Большой краб это примерно пол кило мяса.

- Ммм... Вкусно.

- Очень вкусно.

В Папэте это изысканное и дорогое блюдо. Подают его в дорогих ресторанах и порции всегда крохотные. Мы же здесь можем есть их сколько захотим. Но после двух или трёх

трапез гигантскими клешнями появляются первые признаки интоксикации: красные пятнышки на коже и как только чувствуем мускусный запах краба кипящего в кастрюле, одолевает тошнота. Решаем оставить крабов в покое и искать в других направлениях.

В лесу попадаются розовые цветы, похожие на орхидеи. Они растут на тонких лианах оплетающих целые деревья плотной густой сетью. Есть ещё деревья с очень твёрдой древесиной, которую не берёт мачете, есть множество странных фруктов. Одни круглые и плоские, похожие на мелкие монеты, другие сферической формы, очень светлые, похожи на шарики для пинг-понга, третьи крупные, размером с кулак в форме скруглённой пирамиды, похожи на пагоды в миниатюре. Однако похоже ничего съедобного. Я ожидал, что на острове должны быть и настоящие фрукты, такие как манго, папайя, рамбутаны, или по крайней мере те дикие яблоки с розовой сердцевиной, которые на других островах растут повсюду. И потом, необитаемые острова в приключенческих книгах разве не полны всяких фруктов?

- Может нам попался неправильный остров?

И мы решили сменить атолл. Последний выход на берег, забрать забытое мачете, выбить наши имена на скале на пляже, ещё несколько фотографий этого уголка света, который был нам домом почти месяц и выбираем якорь.

Через час в океане обнаруживаем довольно большие волны идущие с юго-востока. Но на этот раз это действительно не на долго. Поднимаем паруса, солнце в это время прячется, небо затягивает чёрными тучами. Два часа, может немного больше и лагуна нового атолла открывается прямо по курсу.

Называется он Peros Vanhos и это самый большой атолл Чагос. Проход, ведущий в лагуну, извивается между островами и коралловым рифом. Так как его реальное положение не совпадает с показаниями карты, решаем отставить карту и идти ориентируясь визуально.

- Нужно поскорее зайти в лагуну, погода портится!

- Ты полезай на мачту я буду на руле. – торопится уточнить Лиззи, и мы занимаем свои места.

Раньше она всегда была наблюдателем на мачте. Карабкалась по ступенькам, ловко забиралась выше середины мачты и оттуда, стоя на краспицах, обхватив ванты, кричала мне куда рулить, указывая путь между скалами и рифами.

До тех пор, пока придя на один из атоллов архипелага Кук, мы не натерпелись страха. В лагуну атолла Suwarow ведут множество проливов, но только один из них достаточно глубокий для спокойного прохода. Мы прибыли после восьмидневного перехода и, может быть из за усталости, может от волнения, ошиблись и, ничего не заметив, вошли в один из мелких.

- Карло, помедленнее, мне кажется очень мелко. – Кричала Лиззи со своего поста на краспицах.

- Не могу медленнее, слишком сильное течение. – Отвечаю я. – Но ты не беспокойся, здесь должно быть не меньше шести метров.

Проход впереди был не очень ясно виден. Он извивался между островками, перед входом в лагуну расширялся и виделось голубоватое песчаное дно с редко разбросанными камнями. Со своего места за штурвалом я не мог оценить глубину, но доверял тому что прочитал в лоции - здесь должно быть по крайней мере шесть метров.

- Бери правее, здесь полно кораллов... Теперь прямо...не понимаю, мне кажется слишком мелко – настаивала Лиззи.

Мы шли достаточно быстро, чтобы компенсировать встречное течение из лагуны. На волнах лодку сильно качало и Лиззи там на верху моталась вместе с мачтой туда-сюда, пролетая над палубой и зависая над водой то с одной стороны лодки, то с другой.

- Карло, мне кажется здесь ещё мельче. – С высоты глубина и препятствия видны лучше.

- Не беспокойся, нужно только обойти самые большие глыбы. – я продолжал надеяться на данные лоции.

Стой, здесь совсем мелко! – Крик долетел до меня, как раз когда мы проходили совсем рядом с полупогружённым рифом и я с ужасом смотрел на зеленоватые мадрепоры вровень с голубой поверхностью воды.

Но мы уже зашли слишком далеко внутрь. Сильное течение, волны, идущие из лагуны, разбивались на рифах и лодку сильно качало, было трудно удерживать её на курсе. Замедлить ход и развернуться, был риск совсем потерять контроль, идти дальше – риск сесть на мел, теперь и я уже убедился, что это не тот проход.

Когда нет времени размышлять, действуешь инстинктивно, и я продолжал идти в сторону лагуны. Лиззи кричала мне сверху направление, чтобы обойти самые крупные глыбы и киль периодически чиркал по песчаному дну.

Мы всё-таки прошли, но с тех пор она не хочет быть наблюдателем, предпочитает стоять на руле, а мне приходится подниматься на мачту, оценивать глубину и указывать дорогу.

Сегодня, хоть и нет солнца, проход очень простой. Заходим без всяких трудностей и идём вдоль внутреннего берега острова Coquillage, который и является нашей целью. В это время начинает капать тёплый густой дождь и дневной свет под грозовыми тучами кажется нереальным. Спускаюсь с мачты и под жестокими порывами ветра мы убираем грот, стаксель и останавливаемся. Острова и рифы совсем не видны, как если бы мы ослепли, или спустилась ночь.

Идём один на нос, другой на корму, внимательно вглядываемся в воду надеясь, что течения и ветер не вынесут нас на какой-нибудь риф. Через двадцать минут дождь заканчивается, и мы обнаруживаем коралловую банку в ста метрах и недалеко ещё одну. Благодарим фортуна за то, что не сели на них, поднимаем стаксель и с последними лучами солнца идём становиться на якорь под прикрытием острова Coquillage.

Берег острова, со стороны открытого моря, не песчаный, вместо песка серые плиты растрескавшегося коралла густонаселённые крабами размером с кулак. Между плитами лужи, населённые муренами и мелкой рыбёшкой. Я оглядываюсь вокруг, обдумывая, что снимать. «Крак!». Сухой щелчок. Прямо у меня под ногами черно-белая мурена схватила краба и стискивает его челюстями. Этот звук - треск панциря под давлением её зубов. Передняя часть тела мурены напряжена, пасть полуоткрыта и сжимается изо всех сил, краб шевелит клешнями и лапами, целясь мурене в морду. Я слежу за ними одним глазом и лихорадочно готовлю телекамеру. Включить, снять крышку, фокус... прежде чем я готов, всё закончилось: краб сбежал и мурена удаляется извиваясь, от камня к камню, снова ищет воду.

На подветренной стороне острова пляж, доступный только в отлив, позволяет подойти к огромным деревьям, которые стоят под самым берегом и служат жилищем тысячам птиц. Их крики, то ближе, то дальше, шум крыльев, когда они взлетают и садятся на дерево, мешается с монотонным звоном комаров. Комары не очень реагируют на репеллент и кусают нас постоянно. Мы продолжаем снимать изнывая от жары и тяжести аппаратуры: большая телекамера, штатив, сумка с принадлежностями, сменной оптикой, с батареями, фотоаппарат, сумка с объективами, мачете. Пот стекает струйками со лба, смешивается с репеллентом, жжёт глаза и пачкает окуляр телекамеры.

- И подумать только! Дома нам завидуют!

- И считают, что мы в постоянном отпуске.

В действительности мы встаём всегда до рассвета, проводим дни снимая и фотографируя, пишем тексты для фильмов, делаем заметки, пишем главы следующей книги. Дни заполнены довольно плотно.

- Можно считать что это работа?

Если да, то это самая лучшая работа в мире.

- Кто знает, будут ли кому интересны наши съёмки на Чагос.

Птенцы фрегата, балансирующие на верхних ветках, вместе с птенцами олуш, смотрят на нас со странным выражением. Возможно они никогда не видели людей. Но напряжение от

съёмки, поиска нужного ракурса, смены оптики, батареи немного нарушает очарование места.

Через пару часов мы усталые, но довольные возвращаемся на борт с плёнкой полной записей и двумя зелёными плодами папайи, сорванными с очень старого дерева с неимоверно кривым стволом. Делим их на двоих: каждому по половинке маленькой и по половинке большой. Их жёсткая и безвкусная мякоть кажется нам мягкой и ароматной.

Потом решаем попробовать раков отшельников.

- Послушай. Их не едят. – говорит, как всегда более осторожная Лиззи.

- Почему нет. Они же из семейства крабов и должны быть съедобными.

- Я никогда не слышала, чтобы где-нибудь их ели.

- Так они нигде не бывают такими большими, как здесь.

Действительно, здесь они в три раза крупнее чем где бы то ни было. Многие из них даже вместо обычной ракушки в качестве дома таскают пустую скорлупу от кокосового ореха. Но сварив одного, наверное он был дедушкой всей колонии, внутри розоватых клешней мы не нашли и кусочка мяса.

Потом, на поляне находим, как нам кажется, остатки бывших культурных посадок: целый лес мясистых листьев, высотой около метра. Час работы мачете и извлекаем на белый свет с десяток корней, длиной пол метра и толщиной в руку.

- Ты уверен что они съедобны?

- Думаю да. Смотри, они похожи на маниок.

- А если они ядовиты?

После часа в скороварке корни меняют цвет с белого на фиолетовый, потом цвет больше не меняется, но по прошествии двух часов они всё ещё жесткими, как дерево. На закате выключаем огонь.

- Согласен. Не получилось.

- Ладно, не расстраивайся. Было интересно.

Опять меняем остров и бросаем якорь у острова Il du Coin, когда-то здесь было ещё одно поселение рабов.

- Хорошие новости. Лоция говорит, что здесь полно домашних кур, которые одичали и летают с дерева на дерево, и есть даже ослы.

- Ослов не надо. Но если бы попались куры...

Однако мы находим лишь остатки старинного кладбища, которому более двух веков. Корни дерева разрастаясь вывернули из земли могильную плиту и внутри видна кучка костей. Торчат две берцовые кости, покрытые мхом. Находим также то, что когда-то наверное было садом с жалким лимонным деревцем. Чтобы достать единственный крохотный лимон, прячущийся в гуще кроны, я исцарапался в кровь шипами.

- Да с каких это пор у лимонов стали расти шипы?

- У лимонов они всегда были.

Тучи комаров и разных насекомых жужжат над головой, лезут в уши и глаза, жадно пьют из кровотокащих царапин. В конце концов, самая главная находка, старое хлебное дерево, полное плодов.

Ствол этого гиганта чёрный и скользкий от мха. Мои попытки забраться на него вызывают смех. К счастью Лиззи предусмотрела нечто подобное и захватила с собой верёвку (шкот от генуи). Завязываю обезьяний узел на одном конце, чтобы утяжелить его. Бросок, второй,.. десятый, это только кажется, что легко бросать грузик в цель на двадцатиметровой высоте. Наконец верёвка повисает на нужной ветке. Теперь нужно действовать очень осторожно. Осторожно подёргиваю, верёвка скользит по верх ветки и конец с грузом постепенно опускается ниже. Потом начинаю крутить конец, который у меня в руках, таким образом, чтобы он перевился с тем, на котором груз. Образуется петля, и теперь достаточно потянуть... и овощ для следующего перехода падает на мягкий слой листьев, которые мы насыпали на земле. За час мы добыли пять отличных плодов, по пол килограмма каждый.

Вместе с лимоном и кокосовыми орехами, они будут единственными свежими фруктами-овощами на протяжении 1900 миль, которые отделяют нас от Кении.

Именно так. Мы здесь уже два месяца и начинаем подумывать.

- Когда отправляемся?

- Не знаю, ещё три-четыре дня?

Тем временем заправляем полные баки воды и стараемся наловить рыбы, чтобы засушить на предстоящий переход. Но именно сейчас вся рыба вдруг исчезла. На тендере я ухажу всё дальше и дальше, в надежде найти лучшее место, но везде попадаются лишь черепахи и рыбы попугаи, которых я никогда не стреляю, потому что мясо у них волокнистое и безвкусное. Правда Мишель их гарпунил.

- Michel, ne sont pas bons... кричал я, видя как он выходит из воды с рыбой попугаем на плече, размером больше чем его младший сын.

- S’est toujours bon, si tu as faim! – отвечал он, и попугай, с рисом и кокосовым молоком составлял вечернее меню всего семейства. Но Мишель, это отдельный случай. Он гарпунил и черепах. «Только раз в неделю.» - говорил он – «Чтобы дать детям мяса». И запах, доносившийся с его лодки по воскресеньям, был испытанием даже для наших экологических носов.

Тогда мы пробуем выйти из лагуны, пройдя на тендере нам провалившимся кораллом в одном из многочисленных проходов.

- Вот они где все собрались. – сразу за рифом мы погружаемся в фантазмагорический мир, в котором плотность рыбы такая, что не видно ничего другого, кроме карусели голов и хвостов. По какой-то, известной только им причине, они все собрались снаружи атолла.

Но здесь ещё и много акул.

Слишком много.

Не решаемся стрелять рыбу и просто снимаем на видео невероятные кадры. Таким прекрасным должно быть было море, пока человек не занялся его истреблением.

И вот я снова в воде, опять в лагуне, в маске и с подводным ружьём, в поисках рыбы для нашего последнего ужина здесь на Чагос.

Черепаша!

Неожиданно замечаю её, замаскированную под кораллы. Приближаюсь и дотрагиваюсь до неё, прежде чем она бросается прочь, беспорядочно загребая передними лапами. Она убегает и я навожу ружьё ей в голову. Можно стрелять, она в нескольких сантиметрах от гарпуна. Достаточно нажать на курок и у нас будет вкусный мясной ужин...

Но я не стреляю, и снова принимаюсь искать рыбу. Но почему рыба вызывает меньше жалости чем черепаха? Может быть потому, что у черепахи глаза находятся на одной линии и она смотрит вперёд, как человеческое существо, а у несчастных рыб глаза – один там, другой здесь?

Нет, шутка!

Дело в том, что черепахи находятся под защитой, и то, что здесь, на Чагос, их больше чем рыбы, ещё не повод...

Вижу ещё одну черепаху поменьше на дне.

Медленно опускаюсь.

Не убегает.

Приближаюсь на два метра, один...и хватаю её за края панциря.

Она маленькая, но двумя мощными взмахами передних лап высвобождается. Хватаю её снова, но мне мешает ружьё. Снова вырывается. Выпускаю ружьё, бросаюсь вдогонку, хватаю её в третий раз и уже не выпускаю. Черепаха гребёт как безумная и тянет вниз, я же изо всех сил работаю лапами вверх. Борьба почти на равных, потому что она хоть и маленькая, но очень хорошо плавает, а я хоть и больше, но у меня кончается кислород. Тут я вспоминаю, как кто-то, не помню точно кто, говорил мне: «Когда ухватишь черепаху, переверни её, и она поплывёт вверх, думая, что погружается».

Переворачиваю. Работает! Черепаха практически перестаёт грести и через несколько секунд я выныриваю, чуть не задохнувшись, сердце колотится, но с добычей в руках.

На мои крики подплывает Лиззи на тендере.

- Какая красивая...заснимем её?

Снимем на телекамеру, но как-то неубедительно. Черепаха в лодке...представляю уже комментарии: бедное животное, какая жестокость и т. д.

- Сфотографируем её?

- Ну да, наверное..

- Съедем её?

Лиззи осмеливается озвучить мысль, которая в глубине сознания преследует нас с тех дней, когда мы в бессилии вдыхали запах с камбуза Мишеля. Но когда я боролся с черепахой под водой, это был охотничий инстинкт, теперь же, здесь, чтобы убить её, наверное нужно быть очень голодным. Голодным по-настоящему, когда нечего есть и приходится выживать. Мы же ещё не дошли до этого.

Ещё несколько кадров, всё так же без убеждения и мы отпускаем её, провожая взглядом, пока она медленно спускается ко дну, словно ничего и не произошло.

- Остались у нас ещё консервы из тунца?

- Думаю да.

- Тогда рис с тунцом сегодня. Согласна?

В конце концов не так уж важно что ешь. Но сперва принимаем аперитив: сок молодого кокосового ореха смешивается с дозой рома, пьем и закусываем нежной сердцевинкой пальмы, добытой в лесу.

А вокруг нас закат.

16. Мост через залив

Вот он, наконец, вход во фиорд. Пройдя последнюю коралловую банку, можно брать курс на вход, в середину этого залива, который врезается в берег на пару миль. С обеих сторон возвышаются два зелёных бастиона, поросших плюмерией и казаурином. Зелень постепенно редет и далее обнажённые розовые скалы отвесно обрываются в море.

Ещё несколько лет назад этот залив прерывал длинную дорогу вдоль побережья, которая с юга, от Танзании пролегла вдоль берега Кении на север, дальше границы с Сомали. Здесь, в Kilifi приходилось останавливаться и ждать парома.

Всю мою последнюю ночную вахту я рассказывала о нём Карло. Конечно, он предпочёл бы остаться в постели спать, но случилось нечто, что заставило нас бодрствовать.

Я в кокпите контролировала курс, как неожиданно, прямо впереди, вдруг вспыхнуло небо. Оранжевые огни горели в воздухе. Я не могла определить, на каком расстоянии и казалось, что мы идём прямо на огонь.

Может это метеориты проходящие через атмосферу? Опустившись до горизонта, огни потухли. Но не успела я сама себе ответить, как вспыхнула ещё одна цепочка огней, потом ещё. Красные линии прочерчивали небо до самой поверхности моря.

После третьей я начала паниковать.

- Карлоооо....!

Потом я вспомнила, когда последний раз я разбудила его криком, из за того, что птица залетела в каюту, Карло подскочил, сильно стукнувшись головой, будучи уверенным, что мы идём ко дну, и пока он оклемался и проснулся, чтобы спасти меня от вторжения, прошла целая вечность. Поэтому я спустилась в каюту и мягко, но настойчиво стала будит его.

- Моя вахта?

- Ещё нет, но происходит что-то странное...

- Что?

- Не знаю, иди посмотри. Давай скорее.

Спотыкаясь, я от страха, он , потому что не проснулся, мы выбрались на палубу как раз, когда очередной каскад огней падал в море.

- Что за чертовщина...?

Оранжевые цепочки из светящихся точек, следующих с равными интервалами, опускались вниз. Ночью, без ориентиров, невозможно оценить расстояние. За несколько минут огни достигали горизонта и один за одним гасли, оставляя в воздухе ощущение дымки.

- Это ракеты. Идут военные учения.

- Откуда ты знаешь?

- Я видел их раз у Шетландских островов. Но тогда я слышал предупреждение по УКВ, подошёл поближе, чтобы посмотреть, но сохраняя безопасную дистанцию.

- Я не слышала ничего по УКВ.

- Может они и не предупреждали. Это не судоходная зона.

- Мы могли бы сами вызвать их.

- Ммм...попробуй ты. Возможно услышав женский голос...

Я села за рацию.

- Здесь итальянская яхта «Barca Pulita», следующая курсом на запад, предполагаемая скорость пять узлов, координаты 3° 56’ 50 S, 40°21’47E. Проводятся военные стрельбы?

И так довольно долго, но никто не отвечал. И только минут через двадцать, на пределе слышимости я услышала кенийский флот, требующий от судна выйти на связь. Но на мои вызовы никто так и не ответил.

Когда я снова поднялась наверх, вспышки всё ещё появлялись в небе, но с более длительными интервалами.

- Возможно заканчивают. – зевал Карло.

- Да, но не оставляй меня здесь одну.

- Тогда постарайся, чтобы я не заснул. Давай поговорим.

- Идём в Mutuara или в Kilifi? – я начала разговор с вопроса, который мы обсуждали уже не один день. И тот и другой – фиорды на побережье Кении. Mutuara дальше на юг, недалеко от Момбаса. Якорная стоянка парусных яхт рядом с главной дорогой. По нашей информации там есть рудиментарная верфь, маленький ресторанчик, пара деревень и несколько магазинов.

Kilifi дальше на север. Там, я помню, парусные яхты стояли у ветхого рыболовного клуба, посещаемого бывшими англичанами, белыми как молоко. На вопрос: «Какой вы национальности?», они отвечали: «Кениец». Когда в ответ улыбались, уточняли: «I carry a Kenia passport!».

От рыболовного клуба, чтобы добраться до главной дороги, нужно идти очень далеко, в обход болота или ждать отлива и идти милою по берегу фиорда. Там нет деревень, нет магазинов, нет мест куда можно пойти поесть, но место несравненно красивее. Берега фиорда высокие и зелёные, вода петляет излучинами и заканчивается в обширных мангровых зарослях.

Такие воспоминания остались у меня о Kilifi. Прошло уже пятнадцать лет, как я была там в последний раз, но в детстве бывала часто.

И всё таки, куда идём? Выбираем удобство или красоту?

- Не знаю, будет зависеть от течения. - Отвечает Карло, продолжая зевать. – В лоции говорится, что вдоль берега есть течение, которое может достигать четырех узлов. Позволим решить случаю и посмотрим, куда он нас приведёт.

- Kilifi очень красив. Подумай только, ещё несколько лет назад там ходил паром, соединяющий два берега.

- Деревянный, с верёвочной перетягой?

- Нет, железный и с мотором. Одно время был понтон, который двигали длинными шестами, потом его заменили старым разбитым паромом, который должно быть долгое время работал в каком-то другом месте.

- Рассказывай, рассказывай, а то я засну.

- Место было очень красивое. Дорога, которая с одной стороны идёт от Момбасы, а с севера из Watamu, Malindi из Сомали, проходит по верху, а потом резко опускается до уровня моря крутым спуском с поворотом, так что вода открывается неожиданно. Дорожное полотно заканчивается прямо в воде, словно дорога продолжается под водой, чтобы появиться с противоположной стороны. Во время отлива последний участок дороги покрыт водорослями и илом и колёса машин постоянно проскальзывали, когда они съезжали с парама и поднимались наверх.

- Никто никогда не пострадал?

- Как то мне рассказывали об одном matato - одном из тех автобусов, жутко перегруженных людьми, животными и багажом. Ночью он не остановился, или стал тормозить слишком поздно, колёса заскользили, он въехал прямо в воду и утонул.

Машины ожидали в очереди пока паром подойдёт, выгрузит цветастую толпу людей, ящики, узлы, коз, разбитые грузовики, держащиеся лишь на проволочных скрутках, автобусы и автомобили с той стороны залива. Почти всегда приходилось ждать минимум пол часа и в это время казалось, что находишься в другой стране. По обочинам дороги была другая Африка, не похожая на ту, которую видишь на протяжении всего пути от Lamu до Mombasa. Или мне так казалось, потому, что здесь приходилось останавливаться и было время понаблюдать.

- Там были хижины из глины и пальмовых листьев, на маленькой площадке перед ними горел огонь. На огне всегда стояла кастрюля с белой густой полентой – rocho. Это самая распространённая пища в этой зоне: в течении короткого времени варят муку из белой кукурузы, замешанную на воде, которая потом бродит в желудке, увеличиваясь в объёме и притупляя чувство голода.

Маленькие детишки, вооружённые длинными палками, пасли коз. Женщины появлялись неожиданно. Высокие, стройные, с длинными икрами, тело замотано в цветное парео, сквозь которое проступали выпуклые ягодицы, кажущиеся более округлыми от тряпок накрученных сверху. На спине, в выцветшей холстине сидит ребёнок, на голове цилиндрический сосуд. Они шли молча, гуськом к какому то источнику, возможно просто ямке в земле с мутной водой. Иногда я видела, как они возвращались со своими глиняными сосудами, полными и потемневшими от воды. Они удалялись также в молчании, вытянувшись цепочкой и казалось что их босые ноги едва касаются земли.

Там всегда сидела старуха с огромной корзиной, полной кулёчков с орехами. Она продавала их по несколько центов, и каждый раз после них во рту скрипел песок. И всё вокруг было окружено крутыми зелёными стенами фиорда, заканчивающимися заиленными скалами, которые в зависимости от стадии прилива были на виду или исчезали в море.

- Да, видимо действительно красивое место!

- Но теперь этим мостом всё разрушили!

Мост! Я знаю, что уже несколько лет, как дорога больше не прерывается. Бетонный мост перекинулся с одного на другой берег фиорда. Знак прогресса и современности, предмет гордости страны. Наконец в ногу со временем, не нужно больше ждать, можно спокойно продолжать свой путь. Но возможно ещё один кусочек Африки со своей старомодной человечностью постепенно исчезнет с лица земли.

Вот он, перед нами этот мост. Похож на серую конструкцию из «Лего», вставленную в мягкий бархатистый пейзаж из зелёного пластилина. Наверху нескончаемое движение. Едут туристы с севера на юг и с юга на север, рабочие, женщины едут на рынок, дети в школу.

Течение, которое подхватило нас этим утром, когда мы подошли на расстояние видимости берега, несло нас на север со скоростью четырёх узлов, и мы отдались на его волю. Я

предпочитала Kilifi, и хоть мост и нарушает немного мои воспоминания о нём, многое другое осталось: зелень берегов, цвет бугенвилей, запах цветов плюмерии.

Наша карта говорит, что подойдя к входу и преодолев коралловый барьер, можно идти вглубь фиорда на пару миль, однако это карта выпущенная до постройки моста и не говорит ничего о том как пройти под ним. И, словно мало этого, с одного берега на другой перекинута проволока, и их прогиб противоположен прогибу моста.

Решаем бросить якорь перед входом во фиорд, чтобы определиться с ситуацией.

- Итак, лучшее время для прохождения моста, это отлив, когда заканчивается отливное течение выходящее из фиорда и есть время, прежде чем начнётся приливное. Так что, если будут проблемы, включаем задний ход и уходим. Согласна? – Карло листает приливные таблицы.

- Согласна!

- Через пол часа. Я поднимусь на мачту, ты стой на руле. Сначала пойдём к южному берегу, чтобы пройти под проводами там, где они выше над водой, потом иди к центру и проходи под мостом где пролёт выше. Всё понятно?

- Ну в общем... Но ты там сверху всё таки говори мне куда править.

- Хорошо. Надеюсь меня будет слышно, я полезу на самый топ, так я буду менее чем в метре от моста.

- Я не буду смотреть!

Мы подняли якорь и тронулись очень медленно. Я шла вдоль скал правого берега, пока не услышала крики Карло:

- Окей, провода прошли, теперь идём под мост. – Посмотрев на верх, я увидела, как он, как кошка, поднимется на грот мачту до самых последних ступенек. Его голова была выше топа мачты, выше поднималась лишь пластиковая УКВ антенна.

- Возьми ещё правее. Так хорошо.

Я видела, как он качается вместе с мачтой и думала: то ли мне совсем не смотреть наверх, или же со своего места, восемнадцатью метрами ниже, тоже попытаться предугадать, какая участь уготована нашей мачте.

На мосту остановились люди и выглядывали вниз, чтобы лучше разглядеть событие дня.

- Хорошо, мы в центре, думаю пройдем. Давай, пошли!

Я двинула слегка вперёд рычаг газа и услышала сверху голос:

- Пройдешь, дружище, acuna matata.

Наверное это был кто-то из стоящих на мосту. Потом мы оказались во влажной и немного прохладной тени пролёта, под дорожным полотном, которое вибрировало и гроыхало, когда проезжали машины и автобусы. И, наконец, «Свободны, прошли!», солнечный свет снова залил лодку.

- Хорошо, можем править прямо к лодкам.

Примерно в полумиле впереди виднелись с десятков лодок, стоящих на якоре напротив строения, которое видимо и было рыболовным клубом. Идя вдоль берега мы прошли мимо старого причала паромов. Ребятишки играли и прыгали в воду с топкой ухабистой дороги, виднелись глинобитные хижины.

На лодках, на якорной стоянке, здесь во фиорде, мы встретили очень пёструю публику.

Последний год плавания мы ходили малохоженными маршрутами и практически не встречали других бродяг на лодках, и наконец здесь, на этом неизбежном перекрёстке, можем обменяться идеями с теми, чей образ жизни похож на наш.

Здесь останавливаются лодки после перехода через Индийский океан из Таиланда, Шри Ланка и Сейшел. Кто-то приходит из Красного моря и ожидает благоприятного сезона, чтобы отправиться на юг или восток. Другие приходят с юга и ждут когда можно будет отправиться на север или на восток – на Чагос.

В море полно больших и малых мест, похожих на это, где лодки и странные люди ожидают, пока окружающий мир станет благоприятствовать их мечтам и желаниям. Это

значит ожидать благоприятного метео, хорошей погоды, попутного ветра и течения, а также когда будет достаточно денег, когда наконец будет готова лодка и будет подходящее настроение. Поэтому в таких местах всегда встретишь кого то, кто сел на мель, в ожидании всех этих условий, чтобы отправиться дальше. И это ожидание иногда длится годами.

И здесь, в Kilifi, таких людей много.

Место встречи – рыболовный клуб. Здесь есть маленький убогий бар, где по субботам в полдень собираются пообедать местные англичане, поглощая мясо, отварные овощи, белый рис и сладкие желе. Экипажи лодок собираются здесь каждый вечер, чтобы выпить вместе после жаркого дня или приготовить интернациональный ужин.

Периодически кто-нибудь снаряжается в Mombasa за продуктами и материалами на всех, и тогда вечером происходит раздача: цинки для нашего корпуса, лак по дереву для семейства из Австралии, пара infradito для англичанина с вечно обгоревшим носом, и для всех помидоры, яйца, хлеб, ананасы и рис. И вот в такие моменты происходит обмен опытом, завязывается дружба, выведываются секреты, спрашиваются советы и рассказываются истории.

Один итальянец из Бразилии купил здесь в Кении деревянную лодку по дешёвке, когда курс шиллинга сильно упал. Он мечтал плыть на Карибы и жить там. Но оказалось, что у лодки проблем больше, чем предполагалось, ремонт требовал квалифицированных специалистов, которых здесь не найти, запчасти найти невозможно, и курс шиллинга снова вырос. А время идёт.

Француз Роджер приехал сюда полный ожиданий, ему неожиданно досталось наследство – лодка для морской рыбалки. Но пока он занимается тем, что вывозит туристов и местных рыбаков в море, устраивая им соревнования, побеждает тот, кто поймает больше sailfish и wahu. Мы стараемся не пропустить момент когда он возвращается, стараемся перехватить рыбки на ужин. Он дарит нам лучшие экземпляры, говорит что мы, прибывшие недавно и собирающиеся вскоре уйти, помогаем ему не потерять свою мечту о свободе.

Гарри оказался жертвой искушения. Он из Новой Зеландии. Его алюминиевая лодка похожа на крепость. Он и его жена собирались остановиться здесь на пару месяцев, лишь привести в порядок лодку и поучаствовать в сафари, обязательно хотели увидеть носорогов, слонов и львов. Первые недели они провели разъезжая по паркам на джипе и с палаткой и раз встретили англичан из Найроби, которые узнали жену Гарри. Она тоже гражданка Британии и была олимпийской чемпионкой по конному спорту. Англичане как раз искали тренера для своих лошадей и своих детей. У них были фонды федерации конного спорта и жене Гарри предложили контракт отказаться от которого было невозможно.

И теперь они застряли в Кении. Она в течении недели живёт в Найроби а он в Kilifi, где сам тоже нашёл работу на чартерной лодке.

- Целый год это будет наша жизнь.

- А потом?

- А потом будет видно. Всё зависит от того, какие предложения получит моя жена.

Брюс и Хельда сами построили свой катамаран в Дурбане в Южной Африке, где жили и работали. Она из Зимбабве, у него английский паспорт, но в Африке с рождения. Им уже за пятьдесят и они хотели уехать, отправиться на Восток. Когда наконец закончили постройку катамарана, они забрали все свои деньги, пуделя и отправились в плавание. Их друзья, семейная пара, решили пройти с ними часть пути, чтобы попробовать, может быть им тоже понравится такая жизнь.

Они походили немного по Индийскому океану, заходили в Мозамбик, на Мадагаскар, Коморы, Майот. Раз, когда все сошли на берег, друг сказал, что забыл что-то и вернулся на лодку. Больше они его не видели!

А Когда Брюс и Хельда сами вернулись на свой катамаран, обнаружили, что их обокрали. Все деньги, которые скопили за целую жизнь работы, которые они не могли легально вывезти из страны и собирались положить в банк в какой-нибудь цивилизованной стране.

Теперь они здесь, в Kilifi. Он работает в shipchandler, который один богатый кениец решил открыть неподалёку, она заботится о собачке, теперь уже состарившейся и облысевшей. Вечером в баре клуба они изливают своё горе за батареей из пивных банок.

Это образованные люди, с которыми приятно побеседовать, но к сожалению они уже в последней стадии отчаяния. Она чередует затяжку сигаретой с прыском аэрозоля против астмы, он, с бородой пожелтевшей от табака. Вызывают бесконечную жалость их рассказы о том, как молодыми они работали с исследователями в природных парках Зимбабве, как строили катамаран в Дурбане, как мечтали о Востоке, который так притягивал их, ведь она музыковед а он антрополог.

Теперь они уже не строят планов и думают только о насущном, как протянуть до завтра, оба исхудавшие донельзя и озабоченные только тем, чтобы у собачки было достаточно еды.

- Боже мой. Надеюсь мы не закончим так как они. – повторяет Карло каждый вечер, когда мы задерживаемся в клубе поболтать с другими экипажами.

Но я оптимистка.

- Ладно тебе. У нас всегда есть свой дом в Милане, дети, родственники, друзья...и потом, я не пью пива и у меня нет астмы.

Но на следующий день мы ещё больше торопимся закончить работы на лодке, чтобы скорей уйти, пока неудача не прицепилась и к нам.

17. Ночь на доу

Ночь. Я неожиданно просыпаюсь с ощущением неясной тревоги. Тёплый ветер через массивный деревянный фальшборт пробирается на палубу, где мы спим, растянувшись на мешках с кукурузой. Чувствую, что лодка остановилась, но её качает, значит мы ещё в море. Ветер дует в борт и доносит шум моря, разбивающихся волн и шум бегущей воды, как на реке. Это особенный звук, его ни с чем не спутаешь. «Должно быть течение» - подумал я. «Да, судя по всему, здесь должно быть течение».

Мы находимся в проливе, который отделяет остров Занзибар от побережья Танзании. Сомалийское течение, идущее с севера, очень сильное в это время года. Со скоростью три – четыре узла оно вклинивается между островами и материком, разделяясь на потоки, которые охватывают Занзибар и Пемба, усложняя жизнь мореплавателям. Течения, необозначенные мели, отсутствие маяков и сигнальных огней делают эту зону одной из самых опасных в мире для плавания.

Ветер пробирается сквозняками во все закутки судна и разгоняет застоявшийся воздух. Запах моря. Запах старого дерева, рыбы, запах плесени грязи и немых тел...

Лиззи просыпается, открывает глаза и садится на мешок с кукурузой, который служил ей лежанкой.

- Стоим? Что случилось?

- Не знаю, я сам только что проснулся.

- И куда все подевались?

Люди, спавшие рядом с нами, исчезли. Палуба на корме пуста и темна. Даже рулевого не видно на своём месте, и румпель, предоставленный сам себе, беспорядочно мотается при каждом наклоне судна.

- А это что за свет?

Я встаю, чтобы лучше разглядеть. На носу, за мачтой, жёлтый фитилёк колыхается, отбрасывая слабый дрожащий свет и блуждающие тени: множество людей собрались вокруг чего-то большого неопределённой формы.

- Смотри, они все там.

- Они убрали паруса. Можешь сориентироваться, где мы находимся?

Смотрю вокруг. Огней Занзибара ещё не видно. Не видны также огни африканского побережья, откуда мы отправились несколько часов назад. Горизонт не виден, небо сливается с морем и без ориентиров невозможно понять, где мы.

На небе узнаю Южный Крест, чуть выше горизонта и созвездие скорпиона, которое восходит на востоке. Определяю стороны света. Чувствую ветер, взъерошивающий мне волосы и могу определить его направление. Знаю также, что есть течение, чувствую его по шуму моря... но более ничего не могу сказать. Мои чувства навигатора двадцатого века в этой темноте слепы.

Люди же, которые доставили нас сюда, в состоянии вести судно в полной темноте без карт, без компаса, без каких либо инструментов, как они делали это и тысячу лет назад.

Мы находимся на доу – деревянной парусной лодке длиной более двадцати метров с единственной короткой, наклоненной вперёд, мачтой и огромным, штопаным хлопчатобумажным парусом. Можно было бы подумать, что это судно построенное для исторического фильма, на самом же деле это настоящая лодка, так же как и множество других, что мы видели стоящими на якоре недалеко от нас в удалённых бухтах островов, в порту Дар Эс Салам и во фиорде Кении.

Это великолепные суда, массивные, построенные с помощью примитивных инструментов, но очень мореходные, благодаря форме корпуса выработанной за тысячелетия. Они точно такие же, как и лодки плававшие тысячу лет назад вдоль побережья Африки, по Красному морю и заходившие в средиземноморские порты. Тогда они перевозили рабов, слоновую кость и специи, предназначенные северным народам и султанам востока. Сегодня же они везут мешки с кукурузой, ящики с кока-колой и, иногда, даже автомобили.

- Нужно постараться попасть на один из них. – решили мы, - будут хорошие материалы для фильма.

Мы нашли бухту, где можно оставить лодку, нашли человека, который будет присматривать за ней, упаковали телекамеры и на автобусе отправились в Дар Эс Салам в старый порт, в надежде попасть на борт одного из доу. Но высокая ограда из металлической сетки с колючей проволокой по верху отделяет портовую зону от города.

“No tourist here... forbidden.” – охранник в грязной униформе преграждает нам путь у ворот, через которые в то же время течёт людской поток в обоих направлениях. Светлая кожа и чистая одежда выдают в нас тех, кем мы собственно и являемся – белые, иностранцы.

- No tourist here... forbidden.

- Да ладно, пропусти нас! Всего несколько кадров.

Охранник мотает головой. Он вежливо на ломанном английском старается объяснить нам то, что мы уже знаем: по закону в Танзании иностранцам запрещено подниматься на борт доу. Очень странный закон, возможно он был принят, чтобы защитить туристов от воровства и несчастных случаев на море, может потому, что стыдно показывать иностранцам нищету и безнадёжность сконцентрированные в старом порту у причалов и в окрестных переулках. Каков бы не был мотив, но в результате мир доу оказывается нам недоступен.

Жалко! Через сетку видны мачты доу выстроившиеся вдоль причалов, серые корпуса выбеленные солнцем, жёлтые паруса из грубого хлопка, невозможная толпа чёрных грузчиков, полуголых, покрытых потом и пылью. Пёстрая и суматошная сцена, словно перенесённая сюда из давних тёмных веков.

- Чтобы попасть туда пришлось бы замаскироваться под чёрных.

- А если попробовать через Константина?

- Почему бы и нет. Попытка не пытка.

Возвращаемся в к новым причалам, где швартуются паромы, которые ходят на Занзибар и Кению.

- Знаешь Константина? – Спрашиваю первого попавшегося навстречу парнишку хулиганского вида.

С Константином мы познакомились два месяца назад, сразу как пришли в Танзанию. Мы прибыли поздно вечером в порт Дар эс Салам и собирались сойти на берег для оформления прихода. Только после улаживания формальностей можно уйти из этого грязного вонючего и, как и все порты, полного воров места. Но поход на таможенную превращается в проблему: если мы пойдём вдвоём на тендере, лодка останется без присмотра и воры не заставят себя долго ждать, если Карло пойдёт один, то тендер останется без присмотра на берегу. Решили, что я провожу Карло до берега и быстро вернусь назад, сторожить лодку.

Мы встали напротив трущоб, примыкающих к порту, выбирая менее смрадное место, чтобы причалить, когда услышали свист и увидели человека размахивающего руками рядом с молом, к которому причаливают паромы.

- Итальянцы! Идите сюда. Я посмотрю за вашей лодкой.

Мужчина говорил по-итальянски совершенно без акцента, может быть слегка с римским.

Всё в этом порту выглядело враждебным и опасным, в том числе и его беззубая улыбка, его дырявая зелёная майка и разные ботинки. Но, почему то, он вызывал доверие и пока Карло ходил на таможенную и в управление порта, я осталась с Константином.

- Не беспокойся за лодку, если тебя увидят со мной, никто к ней не подойдёт.

И я осталась сидеть на щелястых досках причала, среди мешков с зерном и гор сушёной рыбы, слушать рассказ этого человека неопределимого возраста, который рассказывал мне о своей жизни.

Десять лет назад, в этом самом порту он завербовался на греческое судно. Некоторое время плавал в Красном море, потом в Александрии поменял судно на итальянское и стал ходить между Италией, Грецией и Ливаном.

-В Италии было хорошо. Мы грузили мрамор. Отличная еда, равиоли, лазанья, красное вино...

В течении пяти лет судно было его домом а команда его семьёй. Но раз, в порту Бейрута, в их сухогруз попала граната и он затонул. К счастью на борту были только три человека и им удалось спастись. Остальной экипаж был на берегу, но всё их имущество, включая паспорта, утонуло вместе с судном.

Владелец был вынужден отправить команду по домам, возместив расходы и пообещав вызвать, как только для них будет другое судно.

- Уже прошло два года, я хочу вернуться в Италию, но без приглашения на работу меня не пустят туда. Пока я здесь, в порту, все меня знают и я всегда нахожу какую-нибудь работу. Когда на пароме с Занзибара бывают итальянские туристы, всегда стараюсь немного поговорить с ними. Кто знает, может как-нибудь мне удастся устроиться на итальянское судно.

Наконец Карло вернулся. Мы отблагодарили Константина небольшим подарком и распрощались.

- Если вам что-нибудь понадобится, ищите меня в порту. Просто спросите, меня все знают – сказал он на прощание.

- Зачем вам Константин? Он вам денег должен? – Ответил парнишка.

- Мы друзья. Скажи что его ищут итальянцы.

Константин материализовался через несколько минут, со своей беззубой улыбкой, счастливый что видит нас и что есть перспектива заработать несколько шиллингов.

- Старый порт? Доу? Я там всех знаю.

- Начальник? Он мой друг.

- Но мы хотим на борт доу.

- На доу? На борт? Зачем..?

Единственное, что мы не можем сказать даже Константину, так это то, что мы хотим снять фильм. Хотя ему это и не важно. Иностранцы, как известно, все немного странные, но у них полно денег, и лучше им не возражать. И потом, я в этом уверена, мы ему симпатичны. Через

десять минут мы снова у ворот. Теперь он говорит с охранником. Спорит, жестикулирует, показывает на нас и на море. Наконец ворота открываются и мы можем зайти.

- Но что ты ему сказал?

Ответ теряется в шуме толпы. Люди приезжающие, люди уезжающие, кричащие, толкающие тачки и повозки, просто стоящие засунув руки в карманы. Грузчики, согнувшиеся под тяжестью своей ноши кричат требуя освободить дорогу. Те, что несут мешки с мукой, покрыты слоем белой пыли, контрастирующей с чёрной кожей.

-Держитесь рядом. – шепчет Константин. Рядом завязывается драка. Здоровый парень схватил за руки плюгавенького, у которого в правой руке зажата смятая купюра. Маленький вопит, большой орёт на него. Они толкаются и дёргают друг друга. Большой сильнее и старается вывернуть руку с банкнотой, маленький кричит и сопротивляется, скользя ногами в пыли, пытаясь сохранить равновесие и вырваться. Вокруг них собралась толпа, которая кажется вот-вот вмешается, но они никогда этого не сделают. Константин убыстряет шаг, последнее что я вижу, клубок из двух тел крутящийся в пыли, который теряется в море других, бросившихся не то разнять, не то помочь одному из них.

На главном причале наш покровитель находит хозяина одного из доу, они о чём то говорят очень быстро. Понимаю, что отправляются на Занзибар сегодня ночью. Хозяин однако мотает головой. Константин настаивает. Угадываю смысл его речи, он объясняет, что мы не просто туристы, что тоже плаваем, что пишем книги.

- Десять тысяч шиллингов. – чтобы закончить разговор хозяин называют сумму, которая по местным меркам целое состояние.

- Давай пять. – отвечаю с ходу.

- Хорошо, только я должен вас спрятать – говорит он, показывая на охранников у причалов.

Таким образом мы оказались на палубе доу в микроскопической деревянной шлюпке, которая обычно служит для перевозки людей на берег, но так как сейчас доу стоит у причала, она лежит на палубе, рядом с демонтированным бортовым гальюном.

Так мы провели вторую половину дня полужёла в шлюпке в компании семейства тараканов и десятков других насекомых, невидимые для окружающих, шпиона за погрузкой и разгрузкой десятков судов, неизвестно откуда прибывших и неизвестно куда отправляющихся.

Вдруг причал наполняется зебу. Это африканский эквивалент наших буйволов. Для погрузки стада уложили доски с причала на борт доу. Но животные боятся воды и сопротивляются, упираются копытами, мычат. Люди толкают и хлещут их, тянут за рога, уши и хвосты без всякой жалости. Воздух наполняется тревожным мычанием и запахом навоза. Сотни напуганных животных спотыкаются, пятаются и толкаются, прыгают и в конце концов скатываются в трюмы закатив сумасшедшие глаза.

Сто лет назад из этого самого порта на точно таких же судах увозили стада человеческих существ. Захваченные в войнах или просто купленные в собственных деревнях африканцы совершали длинные переходы из глубины материка на побережье. Пока их вели по джунглям, пусть и закованными в кандалы и цепи, несчастные сохраняли какую то надежду. Ведь джунгли были их домом, и глядя вокруг они всё время видели привычную среду. Трагедия происходила здесь, по прибытию в порт. Люди, никогда не видевшие ничего, кроме долины в которой родились, оказывались вдруг на берегу моря. Бесконечное, огромное пустое пространство без деревьев, без травы, без животных. Двадцатиметровое судно должно было казаться им странным созданием, возможно зверем, притаившимся в мутной воде порта, готовым проглотить их навсегда. Видя своих товарищей, исчезающих в трюмах, поглощаемых тёмным люком ведущим под воду, многие вырывались из цепей, калеча конечности и умирая от потери крови. Другие бросались в море, третьи сходили с ума. Хроники тех времён говорят, что только четверть рабов достигала пункта назначения.

Городок на побережье, служивший пунктом отправки рабов был переименован в Bagamoyo – «Оставь своё сердце».

Тем временем вереница грузчиков, каждый с пятидесятикилограммовым мешком кукурузы на плече, заканчивают погрузку нашего доу. Они подходят к причалу, поднимаются на борт по шаткой доске и сгружают мешки на палубу, где их принимают другие, поднимают и тащат в трюм. Многие мешки дырявые и оставляют за собой ручейки беловатых зёрен кукурузы, которые те же грузчики собирают украдкой. Один, самый смелый, повесил на шею что-то вроде сумки цвета кофе с молоком и ковыряет прямо в дырках, извлекая пригоршни золотистых зёрен, пока его не замечает охрана и не утаскивает прочь. Но как только охрана уходит, остальные используют момент, чтобы набить карманы зёрнами. Кто знает, может застуканный бедолага был в сговоре с товарищами.

Лежа здесь, на дне лодки, время кажется течёт ужасно медленно. Нас никто не видит, но солнце палит нещадно. Жара. Очень неудобно. Скучно. Я не могу даже вытянуть ноги и вспоминаю нашу лодку, просторную и удобную, стоящую на якоре в нескольких милях отсюда.

- И куда нас занесло?

- Надеюсь это не опасно.

Бедность и нищета окружают нас. Многие из этих людей сегодня вечером возможно даже не смогут накормить досыта свои семьи. Я смотрю на телекамеру, которую держу за пазухой. Она маленькая, умещается в ладони, но на деньги, которые она стоит можно было бы купить сотни мешков кукурузы. Мне немного стыдно. И что теперь? Продать камеру и купить кукурузы, чтобы раздать голодным, как современный святой Франциск? Или спрятать, чтобы не вызвать ни у кого соблазна украсть её?

Я вдруг понимаю, что наша безопасность целиком зависит от тех, кто даже не зная нас, согласился нас спрятать и перевезти. Если с нами что-то случится, здесь или в море, никто не сможет проследить наши перемещения, мы просто исчезнем.

Солнце село. Коровы и телята загружены в трюмы стоящих рядом доу, наш трюм забит кукурузой и толпа на берегу редет настолько, что мы теперь можем выйти из укрытия.

- Наконец!

Гальюн убрали с его временного места, прямо перед нашими носами, и установили на штатное, за бортом. Это что-то вроде бочки, закреплённой на борту с наружной стороны так, что нижняя её часть находится над самой поверхностью воды. Чтобы сходить по нужде надо перелезть через борт и залезть внутрь. Стенки бочки укрывают от нескромных взглядов а в полу есть отверстие, через которое видно море.

Вечер. Поднимается парус с его огромной реей. Все мужчины имеющиеся на борту тянут его наверх, повиснув на таях, словно огромная человеческая гроздь. Напевая песню, чтобы выдерживать ритм, поднимают короткими резкими рывками. Парус надувается на ветру, огромный и великолепный, судно начинает беззвучно двигаться по неподвижной воде порта и, пройдя впритирку к соседним судам, направляется к выходу в открытое море.

За пределами порта нас накрывает ночь. Бриз усиливается и доу набирает ход. Ритмичным дуэтом звучат команды с кормы, от рулевого и с носа, от вперёдсмотрящего, и повинувшись этому ритму, экипаж работает фалами, и таями. Манёвры и повороты следуют один за одним в темноте и полной тишине, люди двигаются синхронно и слаженно, словно ночные привидения или участники древнего религиозного обряда. Они никогда в жизни не видели морских карт, но находят путь среди мелей по каким-то загадочным ориентирам.

- Что скажешь?

- Надеюсь нам дадут поесть.

- Нет, я имею в виду такой способ навигации. Ты только посмотри! Я вообще не понимаю, откуда они знают куда править.

Странно, но я не чувствую себя в опасности. Мы среди чужих людей, вдалеке от цивилизации с её писанными законами. Но, возможно, здесь действуют другие, более древние правила.

Внизу кто-то разжѐг огонь. Самый молодой из экипажа теперь за кока и готовит ужин. Казалось бы, разжигать огонь на деревянном судне с деревянной палубой, опаснейшее дело, но они делают это. Ужин готов через пол часа, когда мы уже в открытом море и все помыли руки водой из ржавой жестянки.

На корме, на мешках с кукурузой парнишка поставил пластиковую миску наполненную чем то белым, липким на вид. В центре миски, прямо в белую массу утоплена низкая пиала с красной жидкостью. Естественно все едят из одной общей миски. У них получается очень ловко. В кашу погружают пальцы, не слишком глубоко, чтобы не обжечься, но достаточно, чтобы на кончиках осталось немного. Скатанный шарик макают в красный соус и отправляют в рот. Губы касаются только шарика из каши, пальцы остаются чистыми для следующей порции.

Мы имитируем их как можем, стараясь не обжечься, не облиться, не попасть впросак. Ужинаем молча. Мы смотрим на них, они, с большим любопытством, на нас. А доу в это время, в полной темноте, каким то загадочным способом идет своим путем к Занзибару.

Но сейчас видимо что-то случилось. Судно стоит и все собрались на баке.

-Пойду посмотрю, подожди меня здесь.

- Ни за что. Я тоже пойду.

Мы идѐм по палубе спотыкаясь о невидимые предметы. Загадка разрешается очень просто. Порвался парус. Шесть человек зашивают его деревянными иголками и нитью из скрученной пеньки. Остальные держат керосиновые лампы. Шкипер, увидев нас, улыбается.

-Если он не беспокоится, – подумал я – то и нам не стоит. И, так как делать особо нечего, мы возвращаемся на корму и снова занимаем свои лежанки, устроенные среди мешков.

Просыпаюсь с первыми лучами солнца, пробивающимися сквозь веки.

-Который час?

-Без пятнадцати шесть. И пора уже браться за работу.

Появились стены Занзибара. Большие здания, кружевные стены, мечети, узорчатые фасады. Такой же вид открывался и двести лет назад судам с гружѐнным рабами.

Я достаю телекамеру, портативный треножник и микрофоны. Лиззи причѐсывается. Мы должны заснять наше прибытие на Занзибар.

Но сначала завтрак, который кок уже вынес на палубу: та же вчерашняя каша и красный соус. Только теперь, при свете видно, что эта миска никогда не мылась а в белой массе различимы сероватые личинки, сваренные вместе с кашей.

-...хочу капучино и бриошь..

Тем временем древние стены Занзибара приближаются, открывается старый порт, полный деревянных парусников. И теперь нам предстоит объяснить таможенникам, как нам удалось выехать из Дар Эс Салама не пройдя таможню и не сделав отметку в паспорте.

18. Занзибар

- Ну вот, теперь всё законно и никто не выдворит нас отсюда. – подумала я, когда улыбающаяся толстуха в капитанерии возвратила мне документы на лодку и наши паспорта проштампованные въездными визами Занзибара.

Прошлый раз, когда мы пришли сюда на борту доу, капитан привѐл нас в этот самый офис, и эта же самая толстуха без всяких церемоний заставила нас купить билеты на первое же судно на подводных крыльях, идущее на Дар Эс Салам, и отправила туда откуда мы прибыли. Всё что мы увидели на Занзибаре – активная деятельность на рассвете в порту где

борт к борту стоят доу, да пряный запах гвоздики, который окутал нас ещё до того как мы причалили и исчез только после отъезда.

Теперь мы здесь на своей лодке. Вчера поздно вечером встали на якорь на траверзе города сверкающего тысячами огней. Сегодня утром Карло на тендере отвёз меня на таможенный причал для улаживания формальностей, а сам вернулся на лодку, следуя предостережениям, данным нам в Килифи всеми экипажами побывавшими здесь.

-На Занзибаре никогда не оставляйте лодку без присмотра. Никогда не высаживайтесь на берег на тендере – уведут в пять минут. Оставайтесь там лишь столько, сколько необходимо и как можно скорее уходите на север, подальше от города и деревень, или туда, где за лодкой есть кому присмотреть.

Я обошла все офисы – эмиграционный, таможня, капитанерия и карантинный...казалось что наконец всё закончилось и всё в порядке, но в последний момент оказывается, что не хватает сертификата дератизации. Пытаюсь объяснить, что лодка у нас маленькая, всё под контролем, крыс у нас нет и никогда не будет, но всё бесполезно. Меня стали футболивать из одного офиса в другой, чтобы организовать дератизацию.

При каждом переходе из офиса в офис мне приходится проходить через территорию порта отведённую для экипажей. Это узкий мол, расположенный в стороне от других и ограниченный двумя низкими длинными складами. Между складами стоят большие чаны с водой и мужчины там моются, не обращая внимание на проходящих людей, животных и проезжающие телеги. Однако, когда я появляюсь в третий раз, начинают смущаться. Моряки, они хоть и без комплексов, но всё же не привыкли принимать душ при женщине, да ещё и белой. После первого раза, когда я застала их врасплох, они стараются прикрыться или развернуться в другую сторону, но так одной рукой им приходится держать шланг, выходящий из бочки, а другой качать ручной водяной насос, попытки прикрыться приводят либо к бесполезному расходу воды, либо к остановке насоса, с последующими действиями, которые вместо того чтобы прикрыть, выставляют всё ещё больше на показ. И это совсем не смешно.

Наконец, в энном кабинете я заплатила десять долларов и, вместе с грузом информации об опасности крыс, о болезнях, которые они переносят, особенно лихорадке и тому подобное, мне был дарован сертификат на гербовой бумаге республики Занзибар, подтверждающий что на “Barca Pulita” крыс нет. При этом, естественно, никто на борт даже не поднялся.

И вот я здесь, на причале, жестикулирую, чтобы меня заметил Карло и забрал отсюда. Может быть он заснул. Последние два дня и ночи были тяжёлыми.

Мы спустились на юг, вдоль побережья Танзании, до дельты Руфиджи, самой большой здесь реки, которая ещё за десять миль к северу заявляет о своём присутствии меня цвет моря, которое из голубого становится зелёным, потом зеленовато жёлтым и в конце концов коричневым.

Мы решили подняться немного вверх по реке. Обычно мы этого никогда не делаем, реки могут оказаться опасной западней, но мы знали, что эта очень широкая и глубокая, настолько, что во время войны немецкий военный корабль укрывался здесь от поисков англичан. У нас были относительно свежие карты, которые подтверждали это, но когда мы вошли в дельту и стали подниматься вверх по воде цвета жидкого шоколада, пришлось делать над собой усилия, чтобы продолжать плавание в слепую, не видя ничего под пенной поверхностью и полагаясь лишь на карты и эхолот.

Мангровые заросли вдоль берегов были затоплены до самых крон, так как мы выбрали время прилива, чтобы иметь как можно больше воды под килем. Прошли несколько миль вверх высматривая в воде скалы и другие возможные препятствия, но вскоре нервы сдали и мы решили бросить якорь и продолжить исследования на тендере.

На следующее утро проснулись на рассвете, с началом прилива и отправились вверх по реке, пока солнце ещё не поднялось. Илистые берега быстро скользили назад, благодаря совместным усилиям подвесного мотора и течения. По мере того, как мы удалялись от

дельты, мангровые заросли начали уступать место настоящим деревьям, с тёмно зелёной листвой и вековыми стволами. И как раз, когда солнце начало просвечивать сквозь заросли, на ветвях одного из больших деревьев появилась группа чёрных обезьян. Посмотрев, как они бросаются в бегство, мы нагнали множество узких и длинных деревянных пироги. В каждой по два человека, гребущих лёгкими изящными веслами. Они тоже поднимались по реке используя приливное течение. Периодически одна из пирог исчезала в одном из узких ответвлений реки. Свернув в один из этих рукавов оказываешься среди растительности удивительных цветов. В основном это рисовые поля, множество маленьких квадратов с ярко зелёными растениями погружёнными в воду. В центре каждого поля на сваях хижина из соломы и глины. Они все одинаковые – веранда с одной стороны и множество окошек на боковых стенах, лесенка с перекладинами спускается на землю. Дети и женщины на верандах махали нам в то время как мужчины были внизу, обхаживая рис. Все показывали руками в нашу сторону, словно нас ждали. И действительно, когда нам удалось остановиться у края одного из полей, ухватившись за торчащий столб, хозяин дома направился нам навстречу, идя босиком по мягкому илу, который выдавливался у него между пальцами ног.

- Hallo. Welcome...- На смеси суахили и английского он спросил нас, те ли мы самые, что пришли на яхте, сказал, что можно было подняться выше от того места, где мы бросили якорь и что в двух милях отсюда в деревне на противоположном берегу нас ждут.

- Это наверное Салала. Я смотрела по карте, должно быть это самое большое селение на Руфиджи. Но как, черт возьми, они узнали про нас?

Ведь мы пришли вечером, перед самым закатом, а сейчас прошло всего пол часа после рассвета. Действительно, после заката прошли пара пирог, используя последнее движение прилива, но как они сумели известить всех? Наверняка здесь нет ни телефона ни радио.

- Чудеса!

Мы немного поболтали с хозяином, который перемежая фразы со смехом, рассказывал нам о своём рисовом поле, о реке, о обезьянах и крокодилах живущих здесь.

- Крокодилы!?

- Да, до восьми метров длинны. – Разводил он руки показывая нам. – Иногда я нахожу их на своём поле.

Потом он пригласил нас выпить чаю на веранде. Мы сомневались. В первые часы на восходе мы немного замёрзли и идея выпить чего-нибудь горячего была очень соблазнительна. Но рассказ о крокодилах и мысль идти по скользкой грязи до хижины заставили нас отклонить предложение под предлогом того, что нужно ещё успеть подняться вверх по реке, пока не начался отлив.

К счастью наш собеседник на отказ ответил смехом, возможно догадавшись о истинной причине, и остался на краю своего поля махая нам вслед, пока мы удалялись на фарватер реки.

- Что будем делать? Пойдём в деревню?

- Если нас ждут, не можем же мы разочаровать их.

И действительно, в двух милях выше по течению, на левом берегу реки нас ожидала группа людей. Стоящих на маленькой земляной площадке, где кусты с оранжевыми цветами потрясающе контрастировали с выжженной почвой. Позади них на зелёном фоне растительности выделялось серое здание с двумя башенками.

Но между нами и ними, сквозь слой воды глубиной в ладонь, был виден жидкий скользкий ил, не обещавший ничего хорошего.

- И как, чёрт возьми, мы выйдем на берег?

- Закатав штаны!

- Ты с ума сошёл, я...

В этот самый момент дно тендера коснулось дна и я инстинктивно шагнула ногой на землю, чтобы удержать равновесие. Ай! Нога по колено утонула в тёплой тошнотворной

массе. И даже штаны я не подвернула! Со дна по моей голени стали подниматься мириады мелких пузырьков, в то время как что-то подозрительное царапало мне ногу.

- Вытащи меня отсюда! – заорала я, пытаюсь вытащить ногу, и, самое главное, тувель, который как присоска приклеился ко дну. Когда же присоска наконец поддалась, я катапультировалась обратно в тендер с ногой облепленной илом, пачкая всё внутри чёрной слизью. Карло, согнувшись пополам от смеха, пытался отталкиваться от дна веслом, но оно тоже безнадежно тонуло.

- Да уж! Хорошо что это самое большое селение. На берег выйти невозможно. Что уж говорить об остальном.

Группа людей на берегу начала подавать нам странные знаки. Показывали жестами подняться выше, вроде как указывали дорогу. Наконец, после некоторых усилий нам удалось подняться ещё на пару метров и тут, словно по волшебству, на дне оказалась земляная тропинка шириной сантиметров двадцать и неожиданно твёрдая.

Подвернув штанины, по крайней мере то, что ещё можно было уберечь, мы спустились в воду и подошли к ожидающим нас, таща за собой тендер.

Это была группа стариков. Женщины, в одеяниях сероватого цвета и мужчины в коротких носках, открывающих худые голени и тонкие щиколотки. И только один молодой среди них, в белой форменной куртке, говорил по-английски – поселковый учитель. По сравнению с остальными он был ниже и, главное, толще. Он это считал преимуществом и сразу проинформировал нас, что он не местный.

- Я приезжий и я государственный служащий!

Старики и учитель проводили нас в центр посёлка, примерно в ста метрах от берега реки. Серое здание рядом с водой, как нам объяснили, это старая почта. Работала когда здесь были немцы.

- Река была единственной дорогой сообщения с остальной страной и самой надёжной для доставки грузов и почты.

Не то чтобы сейчас ситуация сильно изменилась, только почта теперь не работает.

Староста посёлка ожидал нас сидя перед своей хижинкой построенной из глины и веток, как и все остальные хижинки обращённые выходами на небольшую площадку утрамбованной земли. Людей вокруг было мало.

- Потому что... – объяснил учитель – все работают на рисовых полях. Вернутся перед самым закатом.

Дети играли в футбол мячом из тряпок завернутых в пакет голубого цвета и обвязанных верёвкой. Падая на землю он не подпрыгивал, а когда кто-нибудь из мальчишек отбивал его головой, слышался глухой удар.

Всё время нашего визита староста не переставал шутить и смеяться, обнаружив однако острый ум и сообразительность, благодаря чему мы понимали друг друга лучше чем учителя, несмотря на то, что говорили на разных языках. Мне он напомнил правителя с Сокотры.

Он предложил нам питьё – кокосовые орехи и чёрный мёд. Чтобы добыть его, объяснил он, в лесу находят соты и поджигают их. Забирают то, что осталось, поэтому мёд тёмный, карамелизированный и в нём плавают мёртвые пчёлы. Однако очень вкусный.

У нас на лодке есть пергамент, который при отправлении вручил нам мэр Порто Венере с просьбой собрать на нём подписи мэров в самых удалённых уголках земли. Пока его подписали «мудир» Сокотры и мэры Массавы, вождь племени афар с островов Dahlak и деревенский староста Tulusdoo. И здесь мы попросили подписаться главу посёлка. Учитель тоже захотел поставить свою подпись. Когда я перечитала написанное им, не поверила своим глазам, фамилия учителя была Manzi.

Как только поменялось течение, мы отправились назад. Последний участок шли по реке в сопровождении пирог полных мужчин и женщин направляющихся к устью реки.

На берегу, недалеко от лодки, мужчина с мальчиком ловили сеть раков. Они заходили в воду по шею, мальчик у берега, отец, более высокий, подалше в реку и процеживали

мутную речную воду растянутой сеткой. Перед закатом они сели в пирогу и услышав наши призывы несмело подошли к лодке.

- Какая красота! – Дно пироги было полно больших разноцветных раков. – Попросим немного.

И начался странный разговор, мужчина говорил только на странном суахили, в то время как Карло пытался отвечать ему по-арабски. В конце концов, чтобы поставить всё на свои места, я протянула рыбаку банкноту в тысячу шиллингов – что то около двух долларов, и так как под рукой не было другой посуды, опустила в пирогу чёрное ведро, лежавшее в кокпите. Мальчик тут же начал наполнять его раками, не обращая внимания на мои протесты, что это слишком много, и остановился только когда я силой забрала у него ведро.

- Слишком много....asante sana... спасибо.

Но они были растеряны и не верили, что мы больше не хотим.

- Надеюсь мы их не обидели. – Подумала я, глядя им в след, когда они удалялись гребя в сторону дома.

- Не думаю. Просто, возможно, мы дали им больше денег, чем они зарабатывают за неделю ловли.

Ночью на реке казалось, что лодка плывёт. Вода стучала в борта и нос прыгал вверх-вниз на волнах. Иногда бревно, ветка или ещё что-то плывущее по течению ударяло о борт и мы внутри вздрагивали и просыпались. Глубокой ночью, после десятого удара, снялись с якоря и пошли вслепую, следуя вчерашнему маршруту записанному в памяти GPS. Вчера поздно вечером прибыли на Занзибар.

- Лиззи! Я здесь! – Кричит Карло с приближающейся с другой стороны мола пироги гружёной кокосовыми орехами.

- Я привязал тендер к лодке, чтобы его не украли.

“Barca Pulita” остаётся на якоре и мы собираемся возвращаться поглядывать на неё с регулярными интервалами. А сейчас отправляемся открывать Занзибар. Одно лишь это название вызывает мысли о сказках, магии и волшебстве.

Волшебство начинается уже на площади у рынка, где останавливаются автобусы прибывающие из глубины острова. Это грузовики с крытой платформой и двумя лавками вдоль бортов набитые до невозможности мужчинами, женщинами в цветных одеждах, корзинами с овощами, гроздьями бананов, связками сахарного тростника и курами. Выгрузившись все и всё занимают свои места по ту сторону бетонной арки, ограничивающей территорию рынка. В центре рыночной площади товар лежит прямо на земле: горы моркови, кучи плодов хлебного дерева, кокосовые орехи, папайя, манго, ананасы. Вокруг, по периметру проходит что-то вроде аркады, с прилавками специй, сушёной рыбы, зерна и мясными, дурно пахнущими и полными мух.

Выйдя с противоположной стороны оказываешься в паутине беспорядочных улочек, которые переходят одна в другую, расширяются небольшими площадями, сужаются, раздваиваются и разветвляются. Под ногами каменная плитка или просто земля, тёмные бордюры по краям служат ступенями у входа в сумрачные лавки, торгующие абсолютно всем, в строения с резными воротами, в зелёные светлые дворики украшенные фонтанами и причудливыми балконами.

В воздухе смешиваются ароматы специй, запах гнили, сушёной рыбы, керосина и горячего кокосового масла.

Старики в длинных, безупречно чистых халатах сидят на низких каменных лавочках у дверей, курят и пьют чай. Женщины, одетые в цветные kanga обтягивающие тело и покрывающие голову, быстро шагают по улочкам неся ношу на голове или ребёнка на спине, ребяташки играют мячом из тряпок, брусочками дерева вместо машинок бутылочными пробками и другими подобными игрушками, или развлекаются катая палками старые велосипедные колёса.

На маленькой площади, куда сбегаются множество переулков, дети продают круглые золотистые булочки, мужчина жарит самсы и блинчики в большом казане на телеге, другой выжимает сок из сахарного тростника, пропуская его между валиками приводимыми в движение рукояткой, вроде тех, что используют для раскатки теста. Он пропускает тростник два три раза, собирает сладкий сок, который постепенно становится всё более пенным, и продаёт его в алюминиевом стаканчике за два шиллинга.

Выходить периодически с базара на набережную, чтобы контролировать лодку оказывается гораздо труднее, чем казалось. Улочки образуют сложный лабиринт. И каждый раз, когда мы хотим выйти наружу идя прямо, оказывается, что улица прямо не идёт и мы оказываемся совсем не там где думали.

Каждый раз требуется приличное время чтобы выйти к морю, и каждый раз лодка оказывается на месте и в порядке.

И мы снова возвращаемся в лабиринты города. Ещё несколько лет назад здесь по краям улиц проходили открытые сточные канавы, которые теперь закрыты. Но иногда, рядом с деревянными балконом и резной дверью, попадаешь в тупиковый переулок перекрытый грудями развалин и всевозможными отбросами и мусором, где свободно бегают крысы и какая-нибудь худая коза жуёт найденный кочан капусты.

В магазинах здесь продают всё - уголь и зерно, металлический прут и ткани, мускатный орех и воду в стаканах. Ещё здесь есть мастерские кузнечные, столярные и швейные, их узнаешь издали по лязгающему грохоту старых Зингеров с педальным приводом. Между мастерскими и бакалейными лавками втиснуты также магазинчики антиквариата, продающие вещи колониального периода и сувениры интернационального производства - бусы, изделия из дерева и серебра, ткани, такие же как и во многих других частях Африки.

Так мы и бродим, идя наугад час и два. Это здорово ощущать как можно больше нового всеми пятью чувствами. Мы пьём тростниковый сок, едим блины, покупаем специи, наблюдаем как работает столяр.

В какой-то момент, когда мы сворачиваем из переулка на маленькую площадь, вижу как навстречу мне идёт мужчина. Он смотрит на меня, и я улыбаюсь, приветствуя его. Он подходит очень близко, смотрит мне прямо в глаза, поднимает руку. Я не понимаю, что происходит, как вдруг чувствую рывок за шею.

Инстинктивно хватаюсь руками за подвеску на шее и издаю нечеловеческий вопль. Карло впереди меня резко поворачивается и не может понять, что случилось. Мужчина прыжком скрывается в переулке, вокруг ни души.

Проходит несколько секунд, прежде чем Карло понимает в чём дело и бросается в вдогонку а я за ним. Мы видим, как он забегает в ворота и вбегаем следом. Внутри садик, растёт папайя, каменный фонтанчик без воды, окна с зелёными ставнями. Ни одной живой души, никаких признаков жизни.

- Кто его знает, что это за место. Может быть лучше убраться отсюда. – неожиданно до меня доходит абсурдность того что мы делаем. Руками я до сих пор держу цепочку и у меня дрожат ноги.

- Ты в порядке? – спрашивает Карло, как только мы возвращаемся в переулок, который теперь снова полон людей.

- Нет. – Я опускаю наконец руки. Цепочка на месте, только порвана и пропал медальон с моими инициалами.

- Он украл только медальон. Какая же я дура, ходить так!

- Мы слишком устали. А ведь нас предупреждали, что надо быть осторожнее.

- Да. И с лодкой тоже.

- Правда. Давай вернёмся на лодку и уйдём дальше на север, куда нам советовали. На сегодня мы уже достаточно рисковали.

Мы направляемся в море. Дети прыгают в воду с молотков и на торговых лотках начинают готовить пищу к ужину. На берегу зажигаются фонари и огни печей. Позади, на фоне

розового неба расчерченного облаками, вырисовываются старые здания, свидетели былого величия, когда говорили: «Когда Занзибар играет на флейте, вся Африка танцует.»

19. Остров птиц

Тендер зарывается носом и задирает корму, потом разворачивается лагом и кренится, задирая один баллон вверх, другой вниз, почти вертикально, в то время как пенная масса воды толкает его в днище. Не успеваю поднять мотор и даже заглушить его. В какой то момент вижу Лиззи на противоположном борту, она отклоняется назад пытаюсь откренить, чувствую, что лечу и погружаюсь в мешанину из воздуха, воды и пены. Моментом позже чувствую, как меня тащит телом и ногами по песку. Правой рукой ещё держусь за баллон тендера, который давит на меня всей массой а левой упираюсь в песок, пытаюсь нащупать что-нибудь твёрдое, чтобы остановиться.

Песок, на котором я лежу, просто идеален. Пляж лёгким уклоном поднимается к возвышающейся платформе, сложенной из старых выбеленных солнцем кораллов, которая и является основанием этого крохотного островка. Волны выбросившие нас сюда поднял муссон. В открытом море это нормальные волны, идущие с регулярными интервалами гребни разделены глубокими впадинами. Может быть они чуть выше чем обычно, так как в последние дни штормило. Но на небольшом расстоянии от острова они растут и преобразуются. То, что только что было пологим барханом, в нескольких метрах от берега превращается в вертикальную стену. Она поднимается, движется вперёд какое то мгновение в неустойчивом равновесии и обрушивается на пляж горизонтальным клином, сметая на берегу всё до самого основания скал.

Одна из них катапультировала нас на берег и теперь тонны воды откатываясь назад пытаются утащить нас за собой. Лиззи с другой стороны тендера кричит что-то уцепившись за баллон, но я не могу расслышать что. Под напором потока, ногами и локтями упираясь в песок, мы стараемся удержаться на берегу, но всё-таки теряем метр или два.

- Давай! Тяни, пока не подошла следующая! Нужно утащить его выше!

Но тендер полон воды и жутко тяжёлый. Бак подвесного мотора плавает вместе с герметичными упаковками со съёмочной аппаратурой. Не выключенный подвесник отчаянно плюётся и взбивает винтом попеременно то воду, то песок. Накатывает следующая волна и протаскивает нас на пару метров вверх - и нас и тендер.

- Теперь держи его! – Кричу я. В этот раз совместными усилиями нам удаётся упереться и противостоять откатывающемуся прибою. Приходит следующая волна и мы поднимаемся ещё на метр. Теперь мы достаточно высоко и я тороплюсь выключить мотор и отчерпать пригоршнями тендер, чтобы облегчить его и вытащить повыше. Стараюсь не думать о том, как мы будем спускать его на воду, чтобы вернуться на лодку.

Остров называется Latham, скалистый клочок суши в восьмидесяти милях на юго-восток от Занзибара. Глядя на него на карте, одинокий остров посреди океана, окружённый мелководьем на десяток миль во всех направлениях, можно предположить что вода там прозрачная и много рыбы. И после месяца проведённого у берегов Танзании в зеленоватой воде пролива между материком и островом Занзибар, постоянно опасаясь воров и других нежеланных гостей, мысль провести некоторое время на необитаемом острове была очень заманчивой.

Но, как только мы вышли из защищённой акватории и взяли курс на Latham, муссон зашёл и подул с востока, направление необычное и маловероятное в это время года. Каприз природы, который для нас, однако, означал встречный ветер и утомительное плавание в острый бейдевинд.

Мы немного призадумались. Когда долго не выходишь в море, на лодке воцаряется беспорядок. Верёвки и вещи разбросаны по палубе, паруса уложены как попало, каюта

завалена книгами и всякой всячиной, готовой свалиться на пол при малейшем крене. Мы даже подумали оставить затею и повернуть на юг и более комфортным курсом, с ветром в корму, отправиться к острову Мафия, который к тому же был нашей конечной целью. Тем более, что ветер усилился и курс бейдевинд означал бы большой крен, волны накрывающие палубу, частые смены парусов и прочие подобные удовольствия.

- А если этот остров необыкновенно красив? – Эта дилемма постоянно встаёт перед нами, когда нужно принять решение куда идти. Каждый раз, когда появляется земля, хочется остановиться, и каждый раз когда проходим мимо остаётся сомнение, что возможно именно здесь мы упустили что-то прекрасное. Но островов очень много, наша жизнь коротка, а путешествие ещё короче.

Однако всё же решаем попытаться. В 18.00 Лиззи отключает автопилот и становится к штурвалу. Я начинаю наводить порядок на палубе и регулировать паруса. Один за другим обтягиваю фок, грот, стаксель и янки N1. Пол часа чтобы набить фалы, отрегулировать шкоты, хорошо закрепить тендер на палубе, собрать все верёвки, закрепить якорь на носу и т.д. наконец лодка в порядке и я чувствую себя спокойнее глядя на чистую палубу блестящую от брызг. Вода с шипением бежит вдоль бортов, нос разбивает гребни волн, идеально стоящие паруса вырисовываются на фоне темнеющего вечернего неба.

Идём курсом 150°. Курс на Latham 130°, но ветер встречный и это максимум, что мы можем сделать. Терпение..., придётся идти в лавировку.

Очень скоро “Barca Pulita” уже бежит в полной темноте. Лёжа на койке прижатый парусиной, которая удерживает меня от падения, я вижу пену от больших волн, которые ударяют в иллюминаторы рубки, потом стекают на палубу и возвращаются в море с успокаивающим журчанием. Лиззи за штурманским столом читает свою книгу и периодически выглядывает наружу.

Чуть позже ветер усиливается, но слегка меняет направление и отходит к северу. Выходим на палубу проконтролировать ситуацию. Лодка управляемая флюгерным устройством последовала за ветром и теперь идёт на северо-восток, она сама легла на курс на Latham. Однако волны идут нам точно навстречу заливая палубу и забрызгивая паруса. Потоки теплой воды бегут с носа до кормы. Скорей возвращаемся в тепло каюты, каждый на свою койку.

- Карло! Карло!

Прошёл примерно час и я внезапно просыпаюсь. Голос Лиззи встревожен. Вскрываю с постели и, ещё не проснувшись как следует, спотыкаюсь на ступеньках.

- Стаксель, стаксель!

В темноте безлунной ночи передний парус едва виден: неясный порхающий белый призрак отчаянно трепещет и бьется. Проходит несколько секунд, прежде чем я осознаю какая беда приключилась: парус порвался, шкотовый угол в воде тянется на верёвках а остальная парусина бьется на ветру.

- Опускай, опускай! Я соберу!

Собираем на палубе обрывки паруса и, свернув по возможности аккуратно, привязываем к леерам. Сейчас в темноте больше ничего нельзя сделать. Завтра утром всё просушим и осмотрим повреждения. Без единого слова ставим янки N2, он поменьше, попрочнее и, самое главное, стоит выше и не страдает от ударов волн. Больно даже думать о порванном парусе. Если бы мы поменяли его хотя бы десять минут назад...

- Да нет. Просто парусина была слишком старая. – Утешаю я себя, чтобы успокоить совесть и не думать о том, сколько стоит новый парус.

Ложимся на прежний курс. На чистом прозрачном небе, чуть справа по носу, сверкает недавно взошедший Южный Крест, словно утешая нас в наших неприятностях. Млечный путь, полный блестящих звёзд, уходит в море за кормой. И утром, с первым светом, который предшествует восходу солнца, появляется Latham - плоская золотистая полоска суши покрытая миллионами чёрных точек. И после, почти сразу, с первыми лучами солнца,

доносится резкий и сильный запах птичьего помёта. Вот что такое эти чёрные точки. Убираем два паруса и медленно движемся по голубой, рябой от светлых пятен воде, сквозь которую видны песок и кораллы на пятнадцатиметровой глубине.

Вместо того, чтобы идти сразу к острову, мы спускаемся на юг, почти пройдя его, и поворачиваем на северо-запад, чтобы в самый ответственный момент, когда будем приближаться к суше, чтобы встать на якорь, солнце не слепило глаза.

Огромные стаи птиц поднялись в воздух, образуя в утреннем небе странные чёрные пятна, которые то конденсируются, то растворяются, словно облака или клубы дыма. Море, однако, спокойно. Несмотря на то, что мы находимся под защитой острова, с его подветренной стороны, кажется суша не хочет прикрывать нас и волны катятся со всех сторон. То ли остров слишком мал и волны огибают его, то ли они приходят из океана с разных направлений.

- Что будем делать? Бросаем якорь?

- Да, думаю можно попробовать.

- Уверен?

Руководства по навигации не объясняют, как становиться на якорь на волнении. Мы всегда говорим о бухтах, заливах, о портах. Здесь же словно в открытом море, вернее так оно и есть, так как Latham, теперь, когда мы его видим, это всего лишь клочок суши затерянный в океане.

В конце концов мы бросили якорь в нескольких стах метров от берега, хотя лодку мотало с борта на борт и с носа на корму хуже чем при переходе. В компенсацию вода под нами кристально прозрачная, я даже вижу наш якорь на пятнадцатиметровой глубине и стайку голубых рыбок бросившихся клевать потревоженный им донный песок.

Мы спустили тендер на воду посреди волн не без акробатических трюков и погрузили в него якорь, вёсла, швартов, мешки с телекамерами, штатив, фотоаппараты.

- И как мы будем высаживаться на берег при такой волне?

- Не знаю. Подойдём ближе, там видно будет.

Мы приблизились к берегу. Вода была глубокой почти до самого берега где прибой разбивался взрываясь фонтанами. В момент, когда гребни поднимались, волны превращались в стеклянные пирамиды и сквозь них, как сквозь стакан, был виден пляж.

- Попробуем?

Я пытался вспомнить как поступали полинезийцы высаживаясь на прибое, поджидая благоприятную волну считая валы: два...три...пять...семь...и вперёд, бросались вслед за самым большим.

- Попробуем!

Мы тоже ринулись за огромной волной, после которой, казалось, должна была бы быть секунда затишья. Мотор на максимум. Пляж приближался, вода меняла цвет, дно поднималось. Лиззи на носу, готовая прыгнуть, я на корме, приготовился поднять мотор, чтобы не стукнулся о песок. Не хватило нескольких метров, нескольких секунд...

Дальше вы уже знаете. То чего вы не знаете, так это то, что трудно описать словами чудо этой полоски земли полностью покрытой птицами, яйцами, только что вылупившимися птенцами, птицами высидивающими птенцов, птицами кормящими птенцов отрывая рыбу.

Ходим одуревшие, изумлённые и оглушённые под палящим солнцем в мире который нам не принадлежит. Миллионы птиц поднимаются в воздух, кричат, кружат над головой и бомбардируют нас экскрементами в оглушительном коллективном протесте. И ещё миллионы остаются на земле, так как ещё не умеют летать. Они кричат на нас и смотрят тревожно. Новорожденные птенцы покрыты нежным пухом, как у мягких игрушек, который вибрирует на ветру. Более взрослые пытаются неуклюже убежать, используя не оформившиеся крылья как костыли. Мамы защищают телом большие яйца в чёрных и серых пятнах.

Я приближаюсь к большой птице. Странно, но она не убегает. Поднимается на лапах, словно стараясь казаться больше, делает странное движение шеей и отпрыгивает мне на ноги полупереваренную рыбу. Возможно это механизм защиты. Всегда есть возможность, что враг удовольствуется рыбой и оставит её в покое. Мы не враги и удаляемся, оставив в покое птицу, которая снова завладевает своей рыбой.

Из яйца, оставленного временно без присмотра на песке, доносится слабый писк. Рождается птенец и две слабые трещины на скорлупе указывают точку где клюв начал прокладывать себе дорогу.

Проходит пол часа, проходит час. Птицы привыкают к нашему присутствию. Они садятся, подходят совсем близко и больше не обращают на нас внимания. Лиззи растянувшись на мягкой земле фотографирует птицу насиживающую два огромных яйца, я снимаю двумя телекамерами.

Тем временем тендер на берегу обсыхает на солнце, ожидая, пока мы найдем способ и наберёмся смелости поставить его на воду, в то время как в двухстах метрах “Barca Pulita” дожидается нас жутко прыгая на волнах.

20. Течь

Мы снова в Дар Эс Саламе, в Танзании, в знойной сонной атмосфере тропиков. Лодка почти готова и программа намечена: идём на Мадагаскар, снимать лемурув и крокодилов, потом на Альдабру, где гигантские черепахи, а после на Сейшелы. Таким образом мы пересечём океан в восточном направлении и по дороге снова зайдём на Чагос на несколько недель, закончить съёмки начатые год назад. Возможно мурена под обрушенным причалом на острове Voddam всё ещё ждёт нас там. Мне хотелось бы заснять под водой, как она выходит из норы за рыбными отбросами, которые Лиззи кидает ей с причала.

С Чагос отправимся дальше на восток, зайдём на Мальдивы, где я хотел бы поснимать на периферийных атоллах традиционную жизнь деревень и опять на восток, в Таиланд, Малайзию или Индонезию. Эта последняя часть программы пока немного туманна, но в течении предстоящих недель плавания у нас ещё будет время собрать информацию и решить.

Пока мы тщательно изучили метеорологические карты, ветра и течения в этой части океана и уверены, что спланировали всё хорошо и будем идти с попутным ветром на протяжении всего перехода. Через три месяца плавания, включая остановки, мы доберёмся до Азии к концу сезона дождей и впереди нас будут ожидать ещё шесть месяцев хорошей погоды, голубое небо и свежий сухой ветер.

Лиззи сейчас в Италии, улаживает проблемы, семейные и по работе, я же здесь, в Танзании, занимаюсь лодкой: покраска, ремонт, контроль такелажа, рулевого устройства и всех конструкций.

Очень жарко и работать очень трудно. Но каждое утро я встаю очень рано со списком того что нужно сделать и принимаюсь за работу с мыслью о том, что через несколько дней всё это закончится и снова будет океан, открытое море, острова и дыхание пассата.

Адам высовывается из центрального люка лодки с ладонями полными ржавчины и испуганным лицом – Danger, Carlo, danger, water!

Я бросаюсь вниз. Спускаюсь в каюту, перепрыгиваю через хаос поднятых пайолов и валяющихся вещей и пробираюсь в нос, к отсеку где Адам, паренёк, который уже несколько дней помогает мне, отскребаёт ржавчину на дне якорного ящика. Падаю на четвереньки, чтобы заглянуть в люк: ужас!

В трюме слышно журчание. Через отверстие в днище морская вода поступает веселым фонтанчиком. Уже затоплена часть отсека и уровень воды повышается на глазах.

- Проклятье. – весь мир обрушивается на меня – Моя лодка. Моя свобода. Всё кончено! Какой же я был кретин!

В действительности я знал, что рано или поздно это должно случиться. Каждый раз, открывая люк я обнаруживал всё больше и больше ржавчины. И каждый раз, когда отскребал её, меня смущало, что ржавчина отваливается крупными, как ломтики сыра, пластинами. И каждый раз, хорошо зачистив наждачкой я покрывал всё четырьмя слоями краски и забывал.

- Это моя вина, только моя вина. – Терзался я. – Но чёрт возьми, нужно что-то делать, чтобы лодка не утонула!

Бегу на корму, спотыкаясь в бардаке каюты, к рундуку с красками и шпаклёвками. Адам возможно подумывал, что я рехнулся и возможно пора бежать с лодки когда я доставал из рундука гору банок с краской, кисти, герметики, смолы и тому подобное. Наконец нахожу то, что искал: *Шпаклёвка эпоксидная двухкомпонентная*, и чуть ниже мелкими буквами, *полимеризуется также в воде*. Одно из тех современных чудес технологии, доступных современным мореплавателям, которые словно по волшебству могут изменить состояние лодки и её участь. И подумать только, ведь в своё время я не хотел брать её! Шпаклёвка была на дне, среди груды эмалей, грунтовок и необрастающих красок предоставленных нам спонсором. Объем этих банок, сложенных на причале верфи, где мы готовили лодку к плаванию, был так велик, что я начал делить их на необходимые – взять с собой и менее важные – оставить. Две банки шпаклёвки оказались среди оставленных и только в последний момент я передумал и забрал на борт.

Я набираю пригоршню голубого компонента правой рукой, зелёного левой, начинаю смешивать их словно тесто и бегом возвращаюсь в зону катастрофы. Смесь в руках становится голубой, нагревается от химической реакции и жжёт ладони. Нужно было одеть перчатки, это написано красным в инструкции, но нет времени. Снова заглядываю в люк, погружаю руки в воду, которая уже заполнила якорный ящик и ищу щель на ощупь. Нахожу почти сразу и усилием вдавливаю в неё смесь. Течь прекращается. Разравниваю шпаклёвку по окружающей обшивке приминая её кончиками пальцев, как разравнивают тесто в уголках сковороды когда готовят пиццу. Ну вот. Дыра заделана. Шпаклёвка полимеризуется в воде и затвердеет за несколько минут. У меня же пока есть время откачать воду и осмотреть повреждения.

Но у меня наворачиваются слезы на глаза, когда я думаю о нашей больной лодке, о её истончившейся обшивке. Я представляю волны, которые будут бить по ней, о сотнях тонн воды, которые будут давить на её ослабшее днище. Если бы я был не так ленив, если бы вовремя принял меры и не удовольствовался бы халтурным ремонтом.

Я оглушён, не знаю что делать, о чём думать. Конечно, теперь мы не сможем идти через океан. Никаких больше Сейшел, Альдабры и Мальдив. Не будет больше бесконечного пространства и безграничных горизонтов...

Я советуюсь с Лиззи в Италии благодаря радио мосту который радиолобитель Пьерлуиджи организовал для нас.

- Да ладно тебе. Попробуем отремонтировать её. – Голос Лиззи далёк, но он даёт мне тепло и успокоение.

- Отремонтировать? Здесь? В Африке? Невозможно!

Проходят дни. Лиззи возвращается. Заплата из эпоксидной шпаклёвки держит. Мы усилили её залив смолой, которую Лиззи привезла из Италии.

“Barca Pulita” на плаву, такелаж и рангоут исправны, паруса готовы и внутри всё в порядке. Внешне она кажется крепкой как и раньше, но мы знаем, что она больна.

- Мы можем завести её на мелководье, посадить на грунт и найти кого-нибудь, чтобы приварил снаружи лист металла для усиления. – Предлагает Лиззи.

- Здесь? В Танзании? Нет, я не рискну. Если сварщик не квалифицированный, мы рискуем оказаться с двумя дырами вместо одной.

- Тогда можем попробовать дойти до Южной Африки. – Предложение номер два.

- Но это очень далеко. – Возражаю я.

- Да, но это единственное место, где мы можем отремонтироваться и быть уверенными в качестве работы.

Южная Африка в 1800 милях на юг, на пол пути к полюсу, а мы находимся на экваторе. По пути будут встречные ветры в Мозамбикском канале, встречные течения и к тому же плавание придётся на разгар сезона циклонов.

- Нет, это невозможно.

Однако идея потихоньку пробивает себе дорогу. Мы снова достаём морские и метео карты и начинаем изучать ветра и течения.

Мыс Дельгадо это огромный выступ, отделяющий залив Танзании от Мозамбика. Он находится в центре турбулентной зоны с таким сильным течением, что даже крупные суда стараются избегать её.

Течение зарождается далеко в открытом океане под действием пассатов. Эти ветра дуют постоянно в одном направлении и поверхностный слой воды постепенно начинает двигаться в направлении с востока на запад, в направлении ветра и волн. И эта океанская река без берегов и границ, пройдя южную оконечность Мадагаскара, налетает на африканский континент как раз на высоте мыса Дельгада. Здесь течение раздваивается. Одна ветвь спускается на юг вдоль мозамбикского побережья, другая же поднимается в направлении Танзании, то есть нам навстречу, и уже под именем «Сомалийское течение» идёт дальше экватора и достигает острова Сокотра. Чтобы добраться до мыса Дельгада нам придётся идти по этой реке со встречным течением и при встречном ветре. Катастрофа! Века назад в подобной ситуации суда предпочитали месяцами отстаиваться в портах, ожидая пока сменится сезон и одно из двух, либо ветер, либо течение сменятся на попутные.

- А если мы тоже подождём? – Вставляет Лиззи.

- Нет, нельзя. У нас уже течь и ржавчина продолжает своё дело.

В действительности у нас всё может получиться, нужно лишь попытаться, и возможно ситуация изменится. К тому же до Дельгада всего 300 миль. Будет очень трудно, но в худшем случае не должно уйти более десяти дней.

Уже десять дней, как мы оставили Дар Эс Салам. Ветер встречный, течение тоже и за десять дней мы прошли всего 75 миль. Всё как и ожидалось, но одно дело размышлять об этом, читая лоцию, и совсем другое находится здесь, когда вода льётся на тебя ведрами, руки болят от постоянной смены парусов, внутри лодки всё влажное, одежда мокрая, вещи падают с полок и катаются по пайолам от постоянной качки и крена.

“Barca Pulita” борется с морем час за часом, день за днём, волна за волной. Её нос врезается в бесконечные валы протыкая гребни с упрямством жеребёнка который пытается брать препятствия валит их грудью. Но после каждых десяти двадцати нормальных волн приходит одна большая. Стена воды обрушивается и заливают палубу, лодка останавливается, словно от испуга, истекая водой из всех шпигатов. Через несколько секунд паруса снова забирают ветер и она с новым рвением устремляется вперёд.

Погода стоит очень странная. Чёрные тучи зарождаются и разрастаются в считанные часы, с юга приходят другие, более высокие облака. Под угрозой этих гигантов мы чувствуем себя маленькими, полностью во власти могущественных и непредсказуемых сил. Иногда эти тучи проходят безобидно, уступая место неожиданным просветам голубого неба. Но чаще они приносят порывы ветра и нам приходится бегом уменьшать парусность, менять стаксели и стоять на руле под ударами ветра и брызг.

Конечно, в этом нет ничего нового или героического. С тех пор как человек стал плавать по морю ему приходится противостоять плохой погоде. Это приходилось испытать и Колумбу и Магеллану. И местным рыбакам, которых мы иногда замечаем между порывами ветра, приходится испытывать это каждый день. Но они вечером возвращаются, вытаскивают

лодки на берег и отдыхают. Мы же вынуждены идти дальше, потому что на побережье нет укрытий, а если бы и были, лучше держаться от берега подальше. Ну и что? Ничего, остаётся только сжать зубы и экономить энергию.

Каждый вечер мы готовим что-нибудь на скорую руку и подводим итоги.

- Сколько миль прошли сегодня?
- Восемнадцать по курсу, намного больше с учётом галсов.
- Сколько осталось до мыса Дельгада?
- Сто девяносто семь миль.
- Остановимся сегодня вечером?
- Не знаю. Есть остров в двух милях, если дойдём до темноты...

Если не найдём остров, чтобы бросить якорь, придется идти дальше. А так как шквалы не разбирают дня и ночи, к утру мы будем совсем вымотанными.

Как то вечером мы встали у большого острова, который казался обитаемым.

- Лиззи, там лодки.
- Лодки?
- Да. Парусные и к тому же большие.
- Можно будет посмотреть. Возможно завтра утром, если сможем позволить себе потратить несколько часов.

На следующее утро видим людей идущих к лодкам цепочкой по пояс в воде и с тюками на головах. Мы подходим к ним.

- Куда вы направляетесь? – спрашивает Лиззи женщин. Они отвечают жестами, указывая на туманный силуэт Танзании на западе. Через несколько минут беседы и жестов Лиззи объясняет – Эта лодка, что-то вроде парома, перевозит людей с острова на берег. Но я не поняла название места, куда они идут и вернутся ли до вечера.

Другая парусная лодка полна мужчин и отправляется на рыбную ловлю.

- Можно с вами? – спрашиваю одного из высунувшихся из за борта. Они смотрят на нас молча, возможно не поняли вопроса, но утвердительно кивают головами. И мы, почти не подумав как следует, оказываемся на борту с ними, оставив тендер на якорю на рифе, как и лодку, в надежде найти их на том же месте по возвращении.

Выходим в море. Нас на борту двадцать семь человек. Шкипера зовут Масуд и, так как он единственный, кто носит футболку, его легко узнать, когда он стоя на корме управляется с румпелем. Его футболка выделяется в толпе голых торсов, чёрных голов и курчавых волос. Лодка бежит среди рифов курсом на север, парус надут пузырьком, словно спинакер. Человек на носу пристально вглядывается в мутные валы и иногда выкрикивает предупреждения, в результате которых Масуд меняет курс и каждый раз мы проходим рядом с вершинами кораллов, которые появляются в последний момент.

- Ты понимаешь, что если мы налетим на один из них, то пойдём на дно в течении двух минут?

- Надеюсь они знают что делают. – говорит Лиззи, проявляя необычное спокойствие.

На этой лодке нет спасательных жилетов, нет спасательных плотов и радио, чтобы вызвать помощь. Но даже если бы и было радио, в этой зоне нет никого, кто мог бы принять наш sos. Действительно, человеческая жизнь мало стоит в этих краях. В случае крушения наиболее удачливые смогли бы продержаться несколько десятков часов на обломках, увлекаемые на юг субэкваториальным течением, но потом всё равно всем наступил бы конец.

Через час посреди моря появляется одинокая белая песчаная коса. Мы поворачиваем на ветер, мужчины подбирают парус и лодка накрывается, дрожит и вибрирует от нагрузки. Все бросаются на наветренный борт, переходим и мы, чтобы помочь откренить, и лодка, после недолгих колебаний, выпрямляется и начинает подниматься на ветер.

Ещё десять минут, последний выкрик, парус падает на палубу, якорь уходит в воду и начинается ритуал рыбной ловли.

Мужчины разделяются на две группы. Половина заходит в воду по шею и растягивает длинную сеть, которую держат поднятой за один край, словно демонстранты несущие транспарант. Другие же превращаются в загонщиков. Приближаясь вплавь они хлопают по воде ладонями и кричат, чтобы напугать рыбу и направить её в сторону сети. Это долгий и медленный процесс. Мы не поняли всех тонкостей, но длится он несколько часов.

Солнце поднимается всё выше и сеть медленно приближается к рифу преодолевая сопротивление воды и постоянно цепляясь за кораллы на дне. Рыбаки работают босиком, не боясь наступить на морских ежей, мурен и рыб бабочек, у которых такие ядовитые шипы, которые могут парализовать конечность на несколько дней. Мы вдвоём снимаем по очереди фотоаппаратами и телекамерами.

К полудню в прилив вода поднялась и песчаная коса исчезла. Я тоже спускаюсь в воду и становлюсь тянуть сеть рядом в парнишкой, который смотрит на меня с недоумением. Но через несколько минут усердных усилий жестокая боль в ноге почти парализует меня: я наступил на морского ежа, одного из тех, с длинными иглами, что даже мои резиновые сандалии не сумели защитить от них. Возвращаясь на лодку вплавь я думаю про себя: «Да по сравнению с ними, мы просто неженки.»

- И долго они ещё будут работать сегодня?

- Думаю ещё прилично. Если бы у нас была хотя бы вода.

Рыбаки, так же как и мы, с утра не притрагивались не к пище не к воде, но, в отличии от нас, кажется они этого не ощущают – кричат, суетятся, хлопают по воде, и возбуждение нарастает по мере того, как сужается кольцо.

В какой то момент один старик оставляет сеть и возвращается к лодке, где остались только мы. Добравшись он совсем обессилел и не может даже влезть на борт. Он так и остаётся держась за планширь с гримасой страдания на лице и медленно соскальзывает в воду. На его бритой голове выделяются кости черепа и мутные безразличные глаза.

- Карло, нужно помочь ему.

- Подожди, я снимаю завершение.

- Да он умрёт! Бросай съёмку! – Кричит Лиззи.

Нужно поднять его взяв под руки и перетащить через борт. Бедолага оказывается лёгким, словно пустая коробка. У него заоченели ноги, и как только мы его отпускаем, он падает на дно лодки.

- Интересно, сколько ему лет?

- По моему не больше сорока.

- Если бы у нас была вода или что-нибудь дать ему поесть.

Неподвижный на грязном дне с закрытыми глазами, тяжело дыша, так что ходят ходуном проступающие рёбра, этот человек представляет собой символ этого мира и законов, которые мы никак не можем понять. Здесь жизнь это борьба в которой люди участвуют пока в состоянии делать это. Когда же они слабеют или стареют, то отступаются, сдаются и умирают. Как рыбы в сети, которые постепенно перестают трепыхаться во всё более тесном круге, который рыбаки подтягивают к борту. Масса созданий всевозможных размеров вываливается на дно лодки, рядом со стариком, который начинает приходить в себя.

Половина рыбы даже не съедобна. У сети нет глаз и вместе с *carangide*, *aguglie* e *gicciole* в неё попадают рыбы ангелы, рыбы шары, морские змеи, медузы, малосъедобные, а некоторые просто ядовитые. И все эти цветные украшения кораллового рифа приносятся в жертву напрасно.

Последние рыбаки добираются до лодки вплавь и мы отправляемся в обратный путь. Бесконечные смены галсов, встречный ветер, встречное течение, перегруженная лодка, безмолвный экипаж. Светит солнце, но мы коченеем от брызг и ветра. Лица у всех хмурые и меня преследует неприятное ощущение, что мы здесь лишние. Ведь за весь день мы вряд ли обменялись более чем сотней слов. Наши обоюдные старания не сумели преодолеть языковой барьер. Возвращаемся когда солнце уже садится в море и в самый последний

момент, когда мы уже сходим на берег, Масуд порывшись в куче без слов протягивает Лиззи самую большую рыбу.

- Asante sana, спасибо – По крайней мере это мы знаем как сказать.

Думаю о старике. Достанет ли у него сил, чтобы завтра начать всё сначала, и ещё о том, что эти люди, у которых нет ничего, сделали подарок нам, у которых есть всё.

На следующий день, прежде чем поднять паруса, мы относим маску для подводного плавания в подарок Масуду и флакон витаминов для старика. Может это чем то ему поможет.

21. Браконьеры

Я чувствую запах деревьев, слабый запах мускуса и мокрой земли которые ветер доносит до нас. Как здорово снова увидеть землю после долгого времени! Как хочется ступить на берег!

В действительности землю мы видели часто в течении последних двадцати дней плавания когда шли вдоль побережья Африки. Но это были недосыгаемые берега: силуэты гор теряющиеся в дымке или острова трамбуемые мощным прибоем. Нашим миром в течении двадцати дней были лишь хаос огромных волн, грозы, ливни и лишь одна мысль: держаться, продолжать идти пока не дойдём до мыса Дельгадо, северного мыса Мозамбика. После Дельгадо африканское побережье поворачивает на юг, течение меняется и, самое главное, появляется множество больших бухт, где можно остановиться и укрыться при плохой погоде.

И вот наконец мы стоим. Мыс Дельгадо позади и “Barca Pulita” качается на якоре в нескольких сотнях метров от острова. Я умираю от желания сойти на берег. Это будет первая земля Мозамбика на которую мы ступим ногой.

Остров кажется необитаемым. Оно и лучше. У нас нет никакой информации о этой территории, потому что никто не заходил сюда на яхте, а если и заходил, то не подумал рассказать о том что видел. Мы знаем лишь, что Мозамбик выходит из хаоса многолетней войны, что это самая бедная страна Африки и что кто-то предупреждал нас быть здесь поосторожнее. Поэтому лучше если остров окажется необитаемым. Это значит что мы увидим здесь лишь природу, рыб и моллюсков.

- Сначала я заведу мотор, потом отпускаяй меня. – Говорю я Лиззи, которая не захотела идти со мной.

- Ветер слишком сильный и дождь начинается – Говорит она, показывая на большие косматые тучи, которые ветер несёт с моря на сушу.

Дёргаю за шнур и маленький подвесник начинает весело тарыхтеть. Лиззи отпускает лить и я удаляюсь, держа курс на берег. Несколькими секундами позже мотор вдруг взывает на высоких оборотах, кашляет и замолкает. Тендер сразу превращается в игрушку ветра и становится лагом.

- Наверное намок. – Думаю я, пытаюсь снова завести его. Действительно, несчастный мотор весь переход висел открытый на кормовом релинге и его сотни раз накрывало волнами и поливало ливнями. Как и нас, впрочем.

Берусь за шнур. Рывок, второй... На третий мотор заводится. Слава богу. Успеваю лишь снова развернуть нос в сторону берега, как мотор глохнет с болезненным звуком. Принимаюсь снова дёргать шнур, но мотор больше не подаёт признаков жизни, тем временем меня уносит ветром. Уже через несколько секунд я был дальше от берега чем наша лодка и всё продолжал удаляться от острова.

Бросаю мотор и берусь за вёсла. Всего несколько секунд уходит чтобы вставить их в уключины, но когда я начинаю грести, лодка уже в ста метрах. Гребу сильнее, изо всех сил, но расстояние не уменьшается. Очевидно ветер и течение сводят на нет все мои усилия.

Пробую зацепиться якорем. Якорь, цепь и швартовый линь связанные вместе составляют десять метров, глубина около шести – слишком коротко. Якорь скребёт по дну но не держит. Надеюсь он зацепится за камень, он всегда это делает когда не нужно, но сейчас нет. Вытаскиваю всё на борт и снова принимаюсь грести. Я чувствую ветер затылком, гребу изо всей мочи, вкладывая в каждый гребок всю энергию на какую способен. Но всё ещё хуже чем прежде. Расстояние кажется даже увеличивается. Может быть и нет, но и не уменьшается, а я уже чувствую тяжесть в руках. Продолжаю грести, чтобы хотя бы сохранить дистанцию и пытаюсь сосредоточиться. Не знаю что делать. Если продолжать грести, то только вымотаюсь, если не буду, всё равно унесёт дальше. Хорошо, что пока я ещё был недалеко, успел крикнуть Лиззи чтобы не волновалась и включила якорный огонь, может сумею вернуться когда изменится течение.

Теперь я думаю только о том, чтобы меня не унесло далеко. Какова скорость течения? Узел? Два? Прежде чем я окажусь по настоящему в открытом море приливное течение должно измениться. А ветер? Ветер должен бы дуть с юго-востока и помогать мне дрейфовать в сторону берега. Да, но сегодня утром он дул с юго-запада, то есть от берега.

Вскоре небо затянуло тучами. Низкая серая полоса, которая ещё недавно была на горизонте, теперь над головой, начался дождь и ветер задул порывами.

Может не будет ничего серьёзного. Тропические грозы непредсказуемы. Иногда это просто ад из ливня и шквалов, иногда же просто дождик без ветра. Уже далёкая “Barca Pulita” скрывается из вида с первыми шквалами. С неба падают крупные капли и воздух сразу свежеет. Решаю грести. Грести против ветра было бы бесполезно, поэтому иду под прямым углом, чтобы углубиться в бухту, хоть я и удаляюсь при этом от лодки.

Гребу, гребу, гребу... Стараюсь поддерживать спокойный размеренный ритм, чтобы не выдохнуться в несколько минут. Концентрируюсь на гребле, чтобы не поддаваться панике. Тендер тяжёлый, вёсла малоэффективны, но я всё равно продолжаю, хоть вокруг теперь ничего не видно. Лодка, остров, материк, мыс Дельгадо – всё скрылось за дождём. Вижу только гребни волн, ветер рвёт их на длинные белые полосы, да ковёр из кратеров, которые капли выбивают на поверхности моря.

Продолжаю грести вслепую, ориентируясь лишь на направление ветра и волн. Надеюсь, что ветер не поменял направление, если вдруг это случилось и я иду в открытое море, то это конец. Конец путешествия, конец игры, конец всего.

Дождь скрыл всё. Это серая косая стена воды. Вода течёт по волосам, по лицу в глаза, капает с бороды. Неистовый ливень длится пол часа, потом ослабевает. Бессмысленно продолжать грести неизвестно куда. Прекращаю и чувствую, что замёрз. Ложусь на дно тендера и прячу голову под маленьким тентом закрывающим нос, но всё остальное тело остаётся снаружи и в первый раз с того момента как всё началось я осознаю, что на мне всего лишь мокрая майка и плавки. Мне казалось этого достаточно для короткой прогулки по берегу. Я дрожу от холода. На глаза попадает ведро валяющееся в тендере, засовываю в него ноги чтобы хоть как то укрыться. Лежу так неподвижно свернувшись, чувствую, как качается тендер, хлопая иногда на большой волне. Слышу стук дождя по тенту и уколы капель по телу. Пытаюсь собраться с мыслями и вспомнить топографию места. Мы бросили якорь у острова в большой бухте. На западе, в глубине бухты – материк, на юге. В направлении откуда дует ветер, должен быть остров и “Barca Pulita”, на севере - мыс Дельгадо, на востоке открытый Индийский океан, безбрежный и пустынный.

Я приподнимаюсь. Абсолютно необходимо найти хоть какие-нибудь ориентиры, чтобы грести в сторону суши. Я уже не надеюсь вернуться на лодку, но должен во что бы то ни стало подойти к берегу до темноты. Мне достаточно было бы увидеть солнце, или его свет за облаками, чтобы знать куда двигаться.

Я замечаю, что цвет неба начинает меняться. Оно пока ещё серое, но свет более тусклый с тонами жёлтого и красного. Грести..? Куда..? Не знаю. Продолжаю обшаривать неясный горизонт, пытаюсь угадать, с какой стороны появится силуэт мыса Дельгадо. И вдруг

вдалеке вижу мачту. Это лодка! Это лодка! Но этого не может быть. Она почти сразу пропадает за завесой дождя. Снова появляется. Это точно мачта, но это не “Varca Pulita”, я это понимаю потому, что мачта слегка наклонена. Рыбаки? Возможно.

Мачта голая, паруса на ней не видно. Лодка стоит, может быть она на якоре. Если удастся добраться до неё я перестану дрейфовать! Снова берусь за вёсла, снова гребу против ветра и против волны. Гребу спокойно, чтобы экономить силы. Считаю гребки. Один, два, три...пятьдесят, пятьдесят один...сто...

Дохожу до пятисот. Силуэт увеличивается. Не на много, чуть-чуть. Пятьсот один, пятьсот два, пятьсот три... Странно, но я не чувствую усталости. Руки работают, спина тоже, несмотря на абсурдно неудобную позу - сидя на перевёрнутом ведре, которое деформируется у меня под задом. Ребро ведра режет бёдра и затрудняет кровообращение, ноги затекли. Каждые пятьдесят гребков меняю положение, чтобы размять их, продолжаю грести и думаю, что это приключение стало испытанием моих возможностей.

Дневной свет быстро тускнеет. Что случится вперёд: я доберусь до лодки или окончательно стемнеет? Но теперь и меня должны уже увидеть и надеюсь, они решат пойти мне навстречу. Должны бы понять, что я в непростой ситуации. Семьсот, семьсот один, семьсот два... Каждые пятьдесят гребков оборачиваюсь. Каждый раз лодка становится чуть больше. Немного, но больше.

Густая волна запаха рыбы, тепла и человеческих тел подтверждает, что я приближаюсь. Запах то пропадает, то снова доносится с порывами ветра. Уже стемнело, но чёрный силуэт уже совсем рядом и я слышу голоса. Последние гребки мощные и быстрые, своеобразный спринт и конец кошмара.

Две руки высовываются из за тёмного борта, две чёрных фигуры помогают мне подняться. Лица не разобрать в темноте ночи. Остальные сидят под прозрачным полиэтиленом укрываясь от дождя, который тем временем снова начал накрапывать. Чёрная кожа, истощённые тела, удивлённые глаза, рваные майки. Из далека лодка казалась внушительной, на самом деле это всего лишь чуть больше чем шлюпка и её жестоко качает.

Я улыбаюсь.

Они улыбаются.

- Говорите по-португальски? – не понимают. Но разве в Мозамбике не говорят по-португальски? После нескольких попыток пробую по-английски, потом несколько слов на суахили. К моему удивлению, отвечают. И я узнаю, что они не из Мозамбика а пришли из Танзании, из порта Линди в 141 миль на север от границы. Они пришли сюда рыбачить нелегально. На борту мешки с солью и бочки с солёной рыбой. Они рыбачат несколько недель среди островов, не причаливая к берегу и не показываясь никому на глаза, а когда лодка полна, так же под парусом, возвращаются в Танзанию. Лодка в длину около восьми метров, из дерева, чёрная и грязная, мешки соли, бочки. Лодка без палубы и мои спасители живут под открытым небом днём и ночью, в дождь и зной, так же как я в своём тендере, только они это делают годами.

Знакомимся. Их имена: Хасан, Маяни, Юсиф...звучит по-арабски, но есть и что-то африканское.

Снова налетает ветер и дождь. Рыбаки исчезают под тентами из полиэтиленовой плёнки. У каждого свой. Мне освободили место под тентом самого молодого. Я оказываюсь рядом с парнишкой, который изо всех сил старается подоткнуть полиэтилен под ноги, вокруг тела и головы, чтобы закрыть доступ холодному воздуху. Дождь стучит по пластику в нескольких миллиметрах от моих ушей и вызывает ощущение холода. Но под плёнкой тепло и я тоже принимаюсь блокировать сквозняки с моей стороны. Тепло... Я чувствую что закован. Майка прилипла к телу, мокрые волосы, руки дрожат. Мой сосед говорит со мной на суахили. Я его не понимаю, но он продолжает периодически говорить что-то, словно чтобы согреться. Остальные, каждый под своим полиэтиленом, смеются или тоже пытаются говорить со мной.

Я думаю о Лиззи. Как она там одна. Вокруг только дождь и ветер. Представляю как она всматривается в темноту, в надежде увидеть меня. Очень хотел бы дать ей знать, что нахожусь в безопасности, но как? Пока я не могу сделать ничего другого, как ждать рассвета.

- Не беспокойся, в крайнем случае вернусь когда поменяется течение... Включи якорный огонь...

Это последнее, что он сказал, пока пытался завести мотор, который заглох, проработав с десяток секунд. Он был в нескольких метрах от кормы и быстро удалялся. Потом он бросил якорь и дрейф остановился, по крайней мере замедлился.

- Если я брошу ему конец с грузиком на конце, возможно... – потом мне на глаза попался оранжевый спасательный поплавок с верёвкой около дюжины метров, который всегда висит на корме, и в голове моментально созрел план: - Если я привяжу к поплавку несколько верёвок и брошу его в воду, он поплывёт по течению в сторону тендера и должен пройти достаточно близко, чтобы его можно было ухватить, и Карло, подтягиваясь за него сможет вернуться несмотря на течение и неработающий мотор.

Бросаю в воду поплавок с его верёвкой, держа один конец в руке, к которому привязываю другую, потом ещё одну и ещё одну. Работаю быстро, как только могу, нагнувшись над рундуком с верёвками.

- Этого должно хватить... Должно всё получиться...- но когда я поднимаю голову, меня ожидает неприятный сюрприз – поплавок качается на волнах в десятке метров от лодки, словно на якорю. Возможно верёвка зацепилась за что-то на дне, за камень или коралл, поди узнай, но поплавок стоит на мете а тендер уже очень далеко.

Неожиданно слышу шум и обернувшись вижу как со стороны носа надвигается стена дождя, которая в несколько секунд накрывает лодку. Капли яростные и крупные как сливы, пугающая серость окутывает всё вокруг. Ничего не видно. Я не вижу даже оранжевый фосфоресцирующий поплавок, который ещё несколько мгновений назад покачивался в десяти метрах за кормой.

Молнии и раскаты грома кажется разрывают море. Куртка моего непромоканца лежит в кокпите вывернутая наизнанку для проветривания в попытке избавиться от запаха плесени, который въелся в неё от постоянной сырости. Проходит несколько мгновений, прежде чем мне приходит в голову одеть её, подкладка промокла насквозь.

Некоторое время ничего не происходит, я сижу в кокпите неподвижно как истукан и капли стучат мне по плечам и голове. Не вижу ничего дальше двух метров от борта.

Вода продолжает стекать по мне и откуда то изнутри накатывает волна ярости, я начинаю кричать: «И какого чёрта он попёрся? Не мог остаться здесь? Да ещё поздно... всегда так... вернись назад... я хочу домой...»

Замечаю что ветер тоже усилился.

- Нет, нет, хватит, хватит... что теперь делать?

Нос лодки прыгает и качается вверх-вниз под ударами ветра и короткой крутой волны, которая поднялась в бухте за считанные минуты.

- Возможно мы дрейфуем, может якорь не держит...

Только этого не хватало! Бросаюсь внутрь, чтобы проверить положение по GPS. Вода льёт с меня повсюду, сразу намокает сиденье, штурманский стол и все карты на нём, но я ни на что не обращаю внимание. Координаты Карло записал карандашом рядом с точкой нашей якорной стоянки. Сравниваю цифры с теми, что светятся на экране GRS. Они отличаются!

- Нет, пожалуйста...

Мы сдрейфовали. Пытаюсь понять сколько и куда. На это уходит целая вечность, голова совсем не работает. Считаю и пересчитываю, пока три раза подряд не получается сто.

- Нас снесло на сто. Сто чего, метров? Да, это могут быть только метры. В каком направлении? Кажется на север. К счастью там нет берега.

И что я могу сделать сейчас, снаружи ничего не видно. Завожу мотор, готовая в любой момент двинуться в сторону якорной цепи если якорь снова поползёт. Пока мотор работает на холостых а я, в очках забрызганных каплями, не свожу глаз с GPS. Под ногами у меня образовалась лужа, мокрое парео облепило ноги.

Цифры не меняются. Снаружи дождь кажется ослаб. Возвращаюсь в кокпит. Злость продолжает нарастать, пинаю всё что попадает под ноги. Вокруг по прежнему ничего не видно. В какой то момент кажется что-то там есть среди волн. Вооружившись подозрной трубой вглядываюсь в серое пространство, но там ничего нет кроме воды. Ярость снова накрывает меня и я снова кричу.

- Чёрт возьми, вокруг и так болезни, аварии и прочие гадости...зачем ещё искать себе другие бессмысленные приключения...Хватит! Возвращайся назад!

Возвращаюсь снова к GPS и снова заливаю всё водой. Цифры всё те же, но звенит тревожный сигнал эхолота. Я настроила его сигнализировать если глубина превысит десять метров. Видимо водовороты течения и удары коротких волн создают помехи и он звенит и напрягает как при приближении к берегу, когда извещает о уменьшении глубины. Не знаю сколько времени он звенит, но когда я его выключаю и раздражающее пи-пи-пи прекращается, нервы успокаиваются. Наверное это он вызвал приступ ярости.

Снова выхожу наружу. Ветер немного ослаб, но льёт по прежнему как из ведра. Уже почти темно и мной одолевает отчаяние. Я сижу под промокшим тентом и плачу. Мне хотелось бы кричать, но сильно болит и жжёт горло, так что я даже перестаю даже плакать.

Внезапно мне показалось, что среди волн виден огонёк. Хватаю подозрную трубу, но ничего не вижу. Тогда беру фонарь и начинаю светить в этом направлении. Огонёк кажется отвечает на мои сигналы, появляется и исчезает когда я выключаю фонарь. Продолжаю ещё некоторое время повиснув на носовом релинге, который теперь уже не прыгает вверх вниз. Кажется, что огонёк приближается, но потом всё вдруг пропадает. Может быть это были просто рыбаки, огонь зажжённый на лодке или на берегу, может быть никто и не отвечал на мои сигналы?

Включаю выключаю фонарь сотни раз, но ответа больше нет.

Не знаю сколько времени прошло, теперь уже непроглядная тьма. По крайней мере я, занятая фонарём, не думала о худшем.

Внезапно мне становится холодно. Спускаюсь в каюту, снимаю мокрую одежду и вспоминаю, что сейчас время радио сеанса с Пьерлуиджи и другими лодками.

- Что делать? Включить радио и сказать что у нас проблема – Карло пропал..?

- Нет, я не осмелюсь сказать это. Да и что они могут сделать? Не знаю. Объявят тревогу? С другой стороны ежедневные сеансы для этого и служат.

Нет. Я не могу. Сообщить об этом по радио, значит признать, что это правда, что случилась беда, я же всё ещё надеюсь, что его голос вот-вот позовёт меня.

Сколько времени прошло? Уже больше четырёх часов.

Прошло пол часа, может быть час, как я прибил к рыбакам. Дождь ослабевает а вонь под полиэтиленом усиливается. Вылезаю наружу, не забыв подоткнуть плёнку вокруг приютившего меня. Воздух снаружи свежий и прекрасно чистый. Первое, что я вижу – огонёк вдалеке. Это всего лишь светящаяся точка в темноте, но это не может быть ни что иное, как якорный огонь на мачте нашей лодки и он согревает мне душу.

Пытаюсь поговорить с капитаном. Он старше других, лицо в морщинах, щетина и впалые щёки. Показываю ему на огонёк вдали.

- Это моя лодка. Жестами пытаюсь объяснить ему – Поднимем паруса, выберем якорь. Отвезите меня к лодке. Видишь тот огонёк вдали – это моя лодка.

Не просто объяснить всё это, но в конце концов у меня получается. Он качает головой и отвечает жестами:

- У нас здесь сети. Двенадцать сетей. Мы не можем оставить их здесь.

Он подсказывает мне идти на тендере на вёслах.

- Не осилю... Слишком далеко.

Они предлагают пойти со мной, чтобы грести по очереди. Садимся в тендер, трое рыбаков и я. Желание пойти изъявили все, но я вынужден был оставить двоих, чтобы не перегрузить лодку.

Они принесли вёсла и принялись грести с энтузиазмом. Может быть тузик всё таки слишком нагружен. И эти ребята скорее всего хорошие рыбаки но не моряки. У них даже не получается синхронизировать греблю. Вёсла стучаются друг о друга, лодка движется зигзагами и продвигаемся мы очень медленно. Надвигается низкая туча и налетают первые порывы ветра. – Возвращаемся назад! – кричу я. Они сразу понимают и начинают грести в противоположном направлении - к лодке. Вовремя. Ветер свистит и несёт тендер, мы едва успели схватиться за лодку.

И я снова оказываюсь под полиэтиленом с тем же самым парнем, смирившись с тем, что придётся провести здесь всю ночь. Ложусь, но заснуть не могу. То ли от вони, то ли от холода, или от того что голова лежит на чём то твёрдом, или от непонятной болтовни моих соседей. Я думаю о Лиззи. Одна на лодке, в тревоге и бессильна что-либо сделать. Думаю о каюте нашей лодки. Тепло, комфортно, светло, чисто...

Нет, решаю не включать радио. Если я сделаю это, мне трудно будет сохранять спокойствие. Меня приводит в ужас даже мысль признать что что-то случилось. Но если я не извещу их сегодня, завтра всё равно придётся выйти на связь. И что я скажу?

- Пьерлуиджи, у меня проблема – Карло не вернулся.

И что потом делать? В одиночку я точно не в состоянии не идти дальше не вернуться обратно. Я могла бы попросить кого-нибудь приехать сюда помочь мне вернуться в Танзанию. Но кого? Могла бы попросить Пьерлуиджи связаться с Чезаре, он всегда говорил если какие проблемы обращаться к нему. Он мог бы договориться с Мауро и приехать спасти меня. Но как, чёрт возьми, кто то сможет приехать сюда? В бухту в Мозамбике, где нет дорог. И потом, я здесь в Мозамбике без въездной печати в паспорте. И они, даже если приедут, как могут уйти на борту яхты, которая не прибывала?

Снаружи продолжают доноситься звуки, кажется, что кто-то зовёт. Я постоянно выбегаю в кокпит и с отчаянием вглядываюсь в чёрную воду, но ничего и никого не видно. Холодно. Я сняла мокрую одежду но ещё не оделась и волосы всё ещё мокрые. Ложусь на койку и накрываюсь полотенцем. Внезапно осознаю, что пытаюсь не думать о настоящем в мыслях я же в будущем. Обдумываю, что можно будет продать отдельно от лодки, когда доберусь до Танзании: компрессор, скороварки, карты Средиземного моря, книги, радиостанцию, килограммы запасного крепежа.

Очень хочется есть. Я бы съел даже сушёную рыбу, если бы мне её дали, но спросить я не осмеливаюсь. Ветер почти прекратился и воздух снова кажется тёплым.

Может попробовать самому на вёслах?

Пытаюсь понять насколько я устал и насколько трудным может быть предприятие. Осматриваю небо, оно всё ещё темное, но туч не видно и ветерок совсем лёгкий. А течение? Всматриваюсь в тёмную воду под бортом. Она неподвижна. Может течение начало меняться?

Было бы лучше успокоиться и подождать рассвета. Завтра при свете всё будет проще...

Время идёт. Не могу заснуть. Решено: попытаюсь! Рыбаки просыпаются. Капитан достаёт из под плёнки что то завернутое в тряпку. Это фонарик. Старый и помятый. Один из тех фонариков из светлой жести, которые делали до того как появилась пластмасса. Он испускает тусклый свет. Но это единственный источник света которым они располагают и они отдают его мне.

Один, два, три... нужно найти правильный ритм... пятьдесят, пятьдесят один... сто... сто один... двести... триста...

Рыбацкая лодка превращается в тёмный силуэт на горизонте. После пятисот исчезает. Огонёк нашей лодки всё там же, лишь чуть ярче. Кажется. Но я не уверен. Нет никакого ориентира, чтобы оценить продвижение. Я не знаю есть ли течение, не вижу берега и даже маяка мыса Дельгадо. Заставляю себя не думать. Нужно сконцентрироваться на счёте гребков и не думать ни о чем другом. Нужно забыть о том что я один, что ночь, что здесь неизвестные мне течения и что там вдаль простирается океан. Каждый раз, когда дохожу до сотни, начинаю снова с единицы и дойдя до девяносто девяти говорю – шестьсот, семьсот, восемьсот...

Один, два, три.. .пятьдесят, пятьдесят один, пятьдесят два... я не чувствую усталости но руки теряют силу и трудно координировать гребки... девяносто, девяносто один, девяносто девять, тысяча двести... Тысяча двести? Разве уже не было тысяча двести? Чёрт, не помню. Начинаю снова с тысячи ста. Жалко, словно я потерял сотню гребков. Продолжаю грести и считать. Каждые сто гребков оборачиваюсь посмотреть. Осматриваю небо, надеясь не увидеть новые тучи, смотрю на огонёк, он становится ярче, но всё равно ещё низко. А ведь мачта высотой целых восемнадцать метров. Если объект высотой восемнадцать метров виден почти над поверхностью воды, на каком расстоянии он находится? Нужно знать угол и рассчитать косинус. Или тангенс?

Я беру свой дневник и начинаю писать. Отрывочные фразы, связанные лишь тем, что вместе составляют одну картину, в которой я пытаюсь выразить всё то, что у меня в мыслях и на сердце.

Время тянется бесконечными десятиминутными интервалами.

- Крошка, я вернулся... – голос ясный и близкий. Я подскакиваю с койки, тетрадь падает на мокрый коврик . Строчки написанные фломастером расплываются.

- Какая разница. Всё равно я об этом никогда никому не расскажу!

Две тысячи восемьсот гребков, я дошёл. В каюте тепло и светло. Лиззи обнимает меня.

- Чем это от тебя воняет? Рыбой?

- Ничего, ничего... завтра я тебе всё расскажу.

22. Остров воров

Четыре дня подряд ветер не даёт передышки. Четыре дня мы сидим и не осмеливаемся высунуть нос из каюты. Рыбаки, спасшие меня тогда ночью, ушли. Может быть укрылись в бухте, а может быть вернулись в Танзанию. Больше вокруг никого не видно, мы остались одни. Только облака бегут над кронами пальм на окружающих нас островах. Острова рядом, но они недосыгаемы, потому что ветер слишком сильный, чтобы снова пытаться высадиться на тендере. Начинаю задумываться, доберёмся мы вообще когда-нибудь куда-нибудь. Кажется что расстояния увеличиваются со временем. Время, течения и море слишком велики, а наши силы ничтожны.

Этой ночью приливное течение, идущее против ветра, разворачивало лодку, её болтало на волнах и якорная цепь скрипела в своей металлической оковке на носу. Посреди ночи я вышел обернуть цепь тряпкой, чтобы сталь не тёрлась о сталь. Средство выдержало несколько часов, потом скрип начался снова, но мне не хотелось выходить наружу что то делать. И ветер сегодня завывал как никогда.

- Он что, никогда не прекратится?

Однако он прекратился. Сразу после обеда ветер неожиданно ослаб. В шесть часов мы приняли решение.

- Используем момент и уходим. – сказала Лиззи.
- Но мы даже не сошли на берег.
- Не важно. Пошли искать место где есть люди.

Так, поддавшись минутному импульсу мы выбрали якорь и подняли паруса.

В конце концов всё зависит только от нас. Достаточно защёлкнуть карабины, потянуть фалы и паруса поднимаются. Не нужно заказывать билеты, собирать багаж, прощаться с кем то. Поднять паруса ничего не стоит. Лодка набирает ход, нос в море и море начинает скользить под килем.

Смотрю на небо над головой, оно кристально прозрачное. Позади, в направлении земли небосвод ещё хранит розовый отсвет, напоминание о солнце, которое подсвечивает сзади занавес африканских гор. Впереди же по курсу нас ожидает ночная темень и океан.

Ветер достаточно свежий, всё так же южный, но море совсем спокойное, и будет таким ещё некоторое время, пока мы не выйдем из залива, который служил нам убежищем.

- Будут там волны. – спрашиваю я
- Уже четыре часа, как перестало дуть. Вот увидишь, будет спокойно.

В десять вечера мы уже в открытом океане. Небо звёздное. Ветер по прежнему южный, сильный, но не слишком, около двадцати пяти узлов. Волны высокие, но регулярные. Должно быть мы уже далеко от многочисленных островов рассыпанных вдоль побережья.

- Как далеко мы от суши?
- Десять миль.
- Пора поворачивать?
- Думаю да.

Паруса почти не видны в чёрном небе, но наши руки сами помнят положение шкотов. Отключаю ветровой автопилот и поворачиваю штурвал на юг, в то время как Лиззи освобождает один за одним шкоты передних парусов, чтобы сразу же набить их с другой стороны. Лодка разворачивается, паруса переходят на другой галс.

- Чёрт возьми, какой сильный ветер! – подумал я вслух, услышав как они хлопают в момент перехода, когда свободно полощутся на ветру.

- Хочешь поменять стаксель? – предлагает Лиззи.
- Не знаю. В этой темноте трудно что-то понять.

Трудно решить. Если парусов слишком много, лодка сильно кренится и нагрузки слишком велики, если мало, лодка становится медленной, плохо управляется и превращается в игрушку волн.

В конце концов мы ничего не меняли и просто сидим и слушаем звуки океана, шум набегающих волн и удары масс воды в борта лодки, которая, не смотря ни на что, продолжает продвигаться вперёд.

- Оставим всё так. Мне кажется неплохо идёт.
- Будем надеяться, что не усилится.

Время идёт и мы продвигаемся ещё на несколько миль на юг. Сразу после полуночи я выхожу в кокпит, убедиться что берег по прежнему на безопасном расстоянии, и по привычке бросаю взгляд на юг.

- Лиззи, быстрее иди сюда! Посмотри,.. что то странное. Оденся.
- Что? Где?
- Вон там, вдали.

Низкая чёткая серая линия разрезала небо на юге.

- Что это?
- Не знаю. Не понимаю.
- Смотри как оно движется!

Ночь. Небо тёмное, но хорошо различима более тёмная линия растущая и расширяющаяся как злое волшебство, проглатывая пригоршни звёзд и куски неба. В то время как на севере небосвод прозрачен и полон звёзд, с юга на нас движется что то мутное и непроницаемое.

- Быстрее! Рифим паруса!

Странно, ветер совсем не усиливается пока мы возимся гротом беря три полки рифов и уменьшая его до размеров носового платка.

- Давай бизань уберём совсем.

Мы переходим на середину палубы, отдаём фал и тянем вниз парусину, увязывая её вокруг гика. Работаем в нереальной тишине, в то время как небо становится абсолютно чёрным а ветер прекращается, оставив нас неподвижными посреди волнующегося моря.

- Смотри! Смотри как движется!

Надвигающийся фронт извещает о приближении рокотом и первый порыв ветра невероятной силы налетает словно удар хлыста. Лодка кренится, словно от гигантского тумака и остаётся наклоненной, словно не собираясь больше подниматься.

- Стаксели! Стаксели!

- Что? Что? – кричит Лиззи в ответ.

- Нужно убрать их! Иначе перевернёмся! – ору я и бросаюсь на нос против стены дождя и ветра по палубе которая теперь превратилась в опасную наклонную плоскость. Стаксели полные ветра и воды тянут мачты к горизонту и правый борт уже погрузился в воду. Добираюсь до мачты и отдаю фалы, в то время как Лиззи на баке тянет вниз парусину. Вовремя. Паруса идут вниз трепеща и бьются на ветру словно обезумевшие животные. Наконец освободившись, лодка выпрямляется. Бок о бок с Лиззи укладываем стаксели оказавшиеся большей частью в воде.

- Уфф! Едва успели!

- Что?

- Едва успели говорю.

- Не поняла.

- Не важно...

Увязывая паруса мы работаем в нескольких сантиметрах друг от друга, но вой ветра и шум дождя глушат слова. Молча крепим парусину, чтобы её не унёс озверевший ветер, и когда всё надёжно закреплено под потоками воды, почти вслепую находим путь к кокпиту и спускаемся в каюту. Внутри от дождя шум стоит словно от водопада. Прерывистое белое мерцание, проникающее сразу во все иллюминаторы, освещает наши лица призрачным светом. Слышу как волны бьют в борт, как скрипят тросы руля от тонн воды наваливающихся на яхту, а мачты скрипят от усилий.

- Что будем делать?

- Будем надеяться, что в нас не попадёт молния.

- И что ничего не сломается.

В таких случаях лодка должна выиграть сражение. Это она должна противостоять волнам, находящиеся на борту ничего не могут сделать. Мокрые мы сидим и тупо смотрим на неясный свет лампочки штурманского столика, в то время как снаружи неистовствует ураган.

- Я устал.

- Я больше не могу.

Проходит час, может быть два. Шум бьющегося на ветру грота выводит меня из ступора. Мы выходим на палубу, где свирепствует страшной силы ветер. О звёздах остались лишь воспоминания, небо чернильно-чёрное. Убираем и грот, отбирая его сантиметр за сантиметром у ветра, который собрался унести его прочь. Надёжно привязываем его к гика верёвкой взятой наугад в рундуке. Волны огромны и всё рокочет вокруг. Периодически из ниоткуда возникает пенный гребень и обрушивается на нас, после чего мы обтекаем,

вцепившись в первое, что попадётся под руку. Хорошо что темнота скрывает от нас картину расщепившего моря.

- Идём внутрь. Здесь опасно.

Уже за полдень, прошло двенадцать часов и я наблюдаю за стайкой голубых рыбок, пасущихся в водорослях на дне. Мы снова стоим, бросили якорь в большой бухте - бухте Вамири, и составляем список повреждений: одна лата грота сломана, оторвалось по шву одно из полотнищ грота, один из риф шкентелей порвался, внутри всё мокрое, мы оба смертельно уставшие. В общем и целом всё закончилось не так плохо. Мы устали но не измучены и не деморализованы, но сегодня утром, с первым светом решили, что дальше так продолжаться не может. Повернули к берегу и спрятались в первом же укрытии, какое попало.

Завтракаем, хотя уже почти вечер и это первая пища, к которой мы притрунулись за последние двадцать четыре часа. Едим ломтики поленты поджаренные на сливочном масле с молоком и сахаром. Я пыталась вспомнить, как моя мама готовила поленту. Сначала её поджаривала а потом добавляла молоко или добавляла всё сразу? В конце концов кладу на сковородку всё сразу. Полента тает во рту, опускается в желудок и согревает сердце. Жаль что мы не можем сойти на землю. В бухте множество очень привлекательных на вид островов, но они слишком далеко и ветер слишком силен. Мы заперты на борту и не можем сделать ничего другого, кроме как ждать.

- Поньярю за рыбой? – спрашиваю я без особой уверенности.

- Успокойся! Ты что не видишь, что не стоишь на ногах?

- А что будем есть на ужин?

- Сладкий картофель.

- Опять!

Проходит день и ветер снова утихает. На тендере мы добираемся до ближайшего островка. Нас встречает толпа оборванных людей, но для нас это первый контакт с жителями Мозамбика. Они угрюмы, но кажется исполнены добрых намерений и помогают нам вытащить тендер на сушу. Один из них на ломанном английском пригласил следовать за ним в деревню.

- В деревню? Почему бы и нет.

Через пол часа пути понимаем, что деревня находится на другой стороне острова и нам ещё предстоит пересечь широкое пространство, где мы видим множество маленьких обезьян и стаи попугаев которые с криком разлетаются при нашем приближении. В конце тропинки снова видно море и группа больших домов построенных из стволов и листьев пальм. Улицы чистые, подметённые. Дома крепкие, хорошо построенные. На улицах видны лишь мужчины и мальчики, женщины же только выглядывают издалека из за стен домов. Ко мне, что то крича, бежит человек в то время как я снимаю телекамерой море и деревню. Он требует денег. Наш проводник жестом даёт понять, чтобы мы не обращали на него внимания: - Он немного сумасшедший. Другой подбирает с земли высохшего осьминога, покрытого коркой соли и облепленного грязью. Становится в позу. Просит сфотографировать его с осьминогом в руке, потом требует денег.

- Послушай! Пошли отсюда. Не нравится мне это место.

- Вернёмся к тендеру. У меня тоже на душе не спокойно.

Даём понять нашему проводнику что уже поздно и нам пора возвращаться. Он кивает и устало пускается в путь, ведя нас другой дорогой.

- Разве мы не должны возвращаться туда?

- Возможно он хочет показать нам всю панораму.

Однако он просто тянул время, чтобы его дружки могли закончить кое какие делишки. Тендер мы нашли на том же месте, где оставили его, но исчезли непромоканцы, вёсла, якорь

и швартовый конец. На замке, блокирующем подвесной мотор на корме, тоже следы попыток срезать его. Все исчезли. Наш гид бормочет какие-то извинения и тоже исчезает. Мы спускаем тендер на воду и направляемся к лодке с чувством горечи и полные новых опасений.

- А если они забрались на борт в наше отсутствие?

Уже много лет мы не закрываем лодку на замок, ещё и потому, что простой замок – не очень надёжная защита от злоумышленников. Лучше доверяться чувству гостеприимства людей, которые обычно чем беднее, тем благороднее и даже в мыслях не держат обворовать нас. Ведь если разобраться, мы обладаем большим количеством бесполезных вещей.

Пятнадцать минут уходят, чтобы добраться до лодки и убедиться, что беспокойство было напрасным. На борту всё в порядке.

- Ну да, мы слишком далеко от берега. Они не осмелились бы забраться сюда.

- Всё равно, завтра уходим.

- Сначала нужно починить риф шкентель и зашить грот.

Поднимаем тендер на борт, уложив его на баке между мачтой и релингом. Подвесной мотор крепим на его кронштейне. Тем временем солнце в блеске лучей погружается в беспокойное море.

- Смотри как дует!

- Пусть продуется, нам ещё минимум день понадобится чтобы закончить ремонт. А пока мы здесь, можем быть спокойными.

Проводим вечер за шитьём устроившись на диванах в каюте, заваленные парусиной грота, который мы затащили внутрь для ремонта.

- Да уж! Пока Мозамбик – сплошное разочарование. Будем надеяться, что не везде так.

- Да нет. Первое впечатление всегда самое неприглядное.

Это случилось в прошлой кругосветке на «Веккието». После десяти дней плавания с Фиджи мы пришли на Соломоновы острова, архипелаг затерянный в Тихом океане, населённый аборигенами меланезийской расы, то есть чёрными, словно уголь. Мы подошли к первому острову ближе к вечеру, вошли в лагуну и собирались бросать якорь, как к нам подошла пирога в десятком аборигенов на борту, абсолютно чёрными и практически голыми. У них были красные от бетеля, который они продолжали постоянно жевать, губы и чёрные полуистертые зубы, ещё чернее чем кожа.

Один из них пытался что-то сказать нам, мы не понимали. Он повторял и жестикулировал всё больше возбуждаясь. Нас обуюла паника, мы подняли паруса и собрались уходить. Собиралась гроза, но нам она казалась менее страшной чем эта агрессивная шайка. Мы шли всю ночь и в середине следующего дня прибыли на другой остров... где нас встретила другая пирога с такими же чёрными и странными людьми. Во второй раз они казались уже менее страшными. Мы остались на месяц, время достаточное, чтобы понять, что местные аборигены самые милые и гостеприимные в мире.

Продолжая болтать, вороша воспоминания, мы зашивали парус. Перед сном я вышел на палубу. Воздух прозрачный и тёплый. Небо снова чёрное. Иду на бак проверить якорь и сразу замечаю, что что-то не так. – Лиззи! Лиззи! Тендер пропал!

- Как пропал. Упал?

- Невозможно. Он был привязан.

Возвращаюсь бегом на корму, Лиззи выходит с двумя фонарями.

- Упал?

- Невозможно. Его украли.

Оглядываюсь вокруг, осматриваю корму и вижу подтверждение своим подозрениям: подвесной мотор тоже исчез со своего места.

- На, возьми фонарь.

Безрезультатно шарим фонарями по взволнованной поверхности моря. Ничего не видно. Тендер исчез и ничего нельзя поделать.

По правде говоря, перед закатом я видел местную лодку, она бросила якорь в миле от нас и просто стояла, люди ничем не занимались. Может это были они? Дождались темноты, чтобы втихаря подойти, забраться на борт и сбросить тендер на воду. Свист ветра, стук фалов по мачтам и прочие шумы заглушили всё.

Я в растерянности и напуган. Ночь тёмная и ветер свистит. Представляю себе шайку грабителей с криками поднимающихся на борт с претензией на свою часть благосостояния. Что можно сделать, чтобы защититься.

- Забаррикадируемся внутри. – предлагает Лиззи.

- Да ладно. Не будем смешить людей. Одно дело украсть что-то тайком и совсем другое напасть. – говорю я, но сам не очень в этом уверен.

Ночь проходит полная кошмаров и подозрительных звуков на палубе. Поскрипывает фал, качается гик и что-то ещё, что так и остаётся неопознанным.

На рассвете море пустынно. Земля далеко и мы без тендера не можем уже сойти. Принимаемся шить паруса, проклиная судьбу и воров живущих на этих берегах. Тем временем восходит солнце и море под его лучами светлеет, становится голубым, полным золотых отблесков. И постепенно уныние проходит, пока мы под его ласковым теплом, один с одной стороны паруса, другая с другой, пропускаем иглу через парусину, втыкая и вытаскивая её бесконечное количество раз. Хорошо, у нас нет больше тендера. Мы заперты на борту и эта шутка нам дорого обойдётся. Но море, небо и всё что нас окружает, стоят гораздо больше.

На закате мы готовы и выбираем якорь.

- На этот раз идём без остановок.

23. В море грязи.

Идём очень осторожно. Взгляд прикован к барометру а уши к радио, которое постоянно включено. Два раза в день, в восемь утра и в шесть вечера слушаем что-то вроде метеосводки, которую передаёт английский радиолюбитель из Кении. Энтони – так его зовут, получает метеокарты с американского спутника, расшифровывает их и передаёт для таких как мы, тех кто в море: направление ветра, скорость, прогноз на последующие часы и, самое главное, циклоны. Если в зоне будет формироваться циклон, Энтони определит его, вызовет нас по радио, предупредит об опасности, даст координаты и данные его траектории. С этого момента у нас будет двадцать четыре часа, чтобы укрыться где-нибудь и подготовиться.

В интервалах между сводками я наношу на карту наши координаты и готовлюсь к худшему, изучая морфологию берега: бухта Де Мокумба Да Прая, бухта Монтепуэз, бухта Перно Велозо, порт Антонио Енез. Пока берега проплывают на расстоянии видимости в сорока милях по правому борту, я изучаю особенности тех мест, что мы проходим. Бухты, дельты рек, цепи островов, невидимые за горизонтом, которые мы возможно никогда не увидим, но в случае необходимости должны быть в состоянии добраться до них в кратчайшее время, чтобы укрыться от шторма.

Идеальным укрытием в случае циклона могло бы быть русло реки. В небольших притоках часто можно швартоваться прямо к мангровым деревьям, заросли которых создают защиту, отражают ветер. Но нужно иметь достаточно времени, чтобы войти в реку прежде чем начнётся светопреставление. Беда если циклон застанет на полпути при подходе к берегу. В лощиях говорится о двадцатиметровых волнах, которые начинаются обрушиваться в пяти милях от берега, о ветрах, которые поднимают в воздух кокосовые орехи и швыряют их словно ядра, со скоростью двести километров в час. Инструкции говорят, что с палубы необходимо убрать всё что не прикручено болтами: навесы, верёвки, паруса, фалы, всё что

способно подняться в воздух и может быть сорвано и превратиться на ветру в сумасшедший хлыст. В экстремальных случаях советуют закрыться внутри и надеяться на судьбу или оставить лодку и укрыться в какой-нибудь яме, как это делают обитатели островов, где циклоны частое явление.

И пока я думаю обо всём этом, лодка спокойно идёт солнечным днём. Море взволновано, но не очень, волны синие, небо голубое. В такой день не верится во все эти страхи. Трудно поверить, что это чистое небо может превратиться в ад.

С тех пор как остался позади мыс Дельгада течение стало попутным и мы ежедневно проходим приличное количество миль. И погода тоже наладилась. Море совершенно пустынно и после острова воров мы больше никого не встречали, ещё и потому, что во избежание встреч мы стараемся держаться на расстоянии от берега.

- Ну, Лиззи! Может хоть на этот раз нам повезёт.

Ещё шесть дней и мы окончательно выйдем из опасной зоны.

Всё это было четыре дня назад. Сейчас я под водой, медленно двигаюсь в коричневой жидкости. Глаза открыты, но ничего не вижу, даже собственные руки на расстоянии в несколько сантиметров, вцепившиеся в туго натянутую цепь, которая наклонно уходит на дно. Одной рукой держусь за цепь другая спускается вниз на ощупь, потом перехватываюсь и теперь другая рука идёт вниз, ощупывая кольца цепи один за одним. Стараюсь контролировать дыхание, не зажимать слишком редуктор зубами. Так в маске, с редуктором и баллонами я опускаюсь на дно реки, густая илистая вода цвета расплавленного шоколада течёт, закручиваясь вокруг меня водоворотами.

- Там ниже течение должно быть помедленнее. – думаю я продвигаясь вслепую и стараюсь заглушить страх. Неожиданно стучаюсь рукой обо что-то твёрдое и острое и чувствую ил под ногами. На ощупь пытаюсь понять, что это такое. Что-то металлическое, похоже большая балка из двутавра полузанесенная илом и якорная цепь попала под неё. Свободной рукой пытаюсь проследить цепь под балкой, но это очень опасно. Цепь ходит вверх вниз синхронно с колебаниями лодки на волнах и тянет балку. Та приподнимается когда цепь натягивается и опускается снова когда ослабевает. Можно лишиться пальцев. Мне становится страшно. Бросаю всё и выныриваю в сером утреннем свете.

Там снаружи погода ещё больше испортилась. Лиззи, запечатанная в жёлтый непромоканец, возвышается надо мной на фоне страшного неба. Дрожа, вцепившись в релинг, она смотрит на меня сквозь мокрые от дождя очки.

- Ну? – спрашивает она.

- Застряла под балкой. – кричу я. – Поддай мне верёвку, я ещё раз попробую.

Обвязываю вокруг пояса швартов и снова погружаюсь, снова иду по цепи. На десятиметровой глубине добираюсь до балки и креплю верёвку к ней, завязывая узлы вслепую. Когда готов, дёргаю несколько раз за верёвку. Это сигнал, о котором мы договорились. Лиззи натягивает швартов, чтобы балка хоть немного приподнялась, и одновременно выдаёт несколько метров цепи чтобы она ослабла и я мог бы вытащить её.

Мы находимся в совершенно абсурдном месте. Бейра – это город в устье реки в глубине большого залива. Три дня назад Энтони передал предупреждение о «тропическом шторме» в двухстах милях от нас. Это не был собственно циклон, но мог стать им. Он был достаточно далеко, но мог приблизиться. Мы испугались и бросились искать убежище в большом заливе Бейры.

- Нам повезло. Там есть река и у нас достаточно времени дойти туда. Если циклон всё-таки не разовьётся, тем лучше, используем случай чтобы пополнить запасы.

У нас ушла вся первая половина дня, чтобы зайти вглубь залива и вся вторая, чтобы подняться по судоходному каналу, который ведёт в устье реки. С последними лучами солнца мы бросили якорь на рейде города, как раз в тот момент, когда Энтони объявил, что «тропический шторм» остаётся стационарным. Мы уже почти приняли скоропалительное

решение, как погода вдруг испортилась, словно подтверждая, что мы сделали правильно, уйдя в укрытие.

Мы встали прямо посередине реки, думая что стоим надёжно. Но через несколько часов дождя река стала шире и течение начало усиливаться. К рассвету это уже было просто бедствие, поток жидкой грязи нёс стволы, ветки и мёртвых животных.

Вот тогда мы заметили что-то вроде гавани со стороны города. В другое время мы бы постарались избегать таких мест: порты стран третьего мира не самое лучшее место для парусной яхты. Суда сталкиваются с судами, буксиры без особой осторожности тянут огромные баржи с бортами помятыми в столкновениях. Достаточно одного удара, одного неверного манёвра и парусной яхте настанет конец. Но сейчас порт казался менее опасным чем река и потом, без тендера это единственная возможность сойти на берег. Мы выбрали якорь, вошли в порт и отшвартовавшись у борта буксира со знаками ООН, который в свою очередь стоял у борта большего судна, за которым было ещё одно... Короче говоря мы были уже пятыми, далеко от земли, с причалом нас соединял мост из помятых судов. Может быть и к лучшему. По крайней мере мы вдали от любопытных, шляющихся по причалу, которые могли бы решить посетить лодку в наше отсутствие, если бы мы стояли ближе.

- Давай сойдём на берег.

Сойдём! Легко сказать. Мы начали перелезать через борта буксира ООН и других судов. Груды ржавчины, острые листы металла, смазка... не понятно куда поставить ногу и какой стороны пройти. Между последним и предпоследним судами пришлось идти по двум скользким провисшим стальным тросам. Было похоже на тибетский мост, вроде тех что в передаче «Игры без границ». Но когда мы, живые и здоровые, хоть и в грязной и заляпанной одежде, добрались до последнего судна нас ожидал ещё один сюрприз. От борта до причала было по крайней мере три метра.

- Давай, прыгай.

- С ума сошёл. Очень высоко и полно ям и кочек.

- Попробуй хотя бы.

- Давай ты.

Но Карло тоже не хватило мужества и мы уже думали вернуться на «тибетский мост», когда с берега нам стали свистеть и делать знаки. Маленький буксир, собиравшийся швартоваться, пришёл нам на помощь. Он подошёл к борту, мы шагнули на его рубку и он доставил нас к причалу. И не только это. Пока мы пытались выразить благодарность людям на буксире, человек на разбитом грузовике знаком предложил подняться в кабину и быстро промчавшись по дороге идущей вдоль причалов высадил нас у таможни.

“Obrigado” – повторяли мы, исчерпав на этом свой запас португальского, а он только улыбался.

Офисы таможни и иммиграционной службы помещались в двух деревянных конурках у причала где с судна сгружали мешки с кукурузой в миниатюрные железнодорожные вагоны с надписями: Замбия, Зимбабве, Малави, возможно конечные места назначения.

Внутри была лишь деревянная стойка, пыльный вентилятор и пара разбитых кресел.

Формальности заняли много времени. Бейра не является портом входа. Мы должны были остановиться в другом месте и проштамповать паспорта. Атмосфера в таможне была не из лучших.

- Да, но была плохая погода, мы зашли чтобы укрыться. – пытались мы объяснить немного по-итальянски, немного жестами, немного по-испански. Всё казалось очень сложным, пока один из служащих не сообразил, что мы с парусной яхты.

- Аа. Ну тогда всё в порядке! – и все успокоились. Паспорта нам проштамповали и, так как нам необходимо было пополнить запасы, нам дали разрешение на двадцать четыре часа и сопровождающего (а может быть надсмотрщика)- Рауля.

- И что мы будем с ним делать? Сбежим? – мне не нравилась идея ходить по городу под присмотром этого типа, который в посреди этой бедности и упадка носил джинсы Левис 501, очки Райбан с голубым отливом и курил Мальборо одну за одной.

- Я бы сказал лучше использовать его. Пусть отвезёт нас на рынок, и давай поторопимся. Не хочется оставлять лодку одну на долго.

Но ничего нельзя было поделаться, Рауль хотел повести нас в ресторан. На такси мы приехали на пыльную улицу полную магазинов торгующих зерном. Под деревянной аркадой дверь со стёклами. Внутри всё погружено в полумрак, над деревянными столами вентиляторы. Рауль провёл нас наверх по лестнице и мы расположились на втором этаже, где было ещё меньше света а кирпичный потолок был всего в нескольких сантиметрах от наших голов.

- Что будете есть? – спросил наш друг.

- А что есть?

- Есть супы, сэндвичи... есть блюдо из ягнёнка, типичное местное блюдо, хотите?

- Конечно, давай возьмём ягнёнка.

В это самый момент на соседний стол принесли блюдо из белой керамики в центре которого красовался сэндвич с яичницей. Какой аппетитный. Мне вспомнились бутерброды, которые я брала с собой во время школьных поездок и не смогла устоять.

- Я не буду ягнёнка. Возьму сэндвич с яйцом.

Ещё никогда я не была так довольна в своем выборе! Местное блюдо из ягнёнка оказалось смесью из мозгов, желудка и других внутренностей несчастного животного. Рауль и таксист глотали большие куски, макая хлеб в бульон с потрохами. Карло, хоть и говорил, что оценил деликатес, смотрел очень внимательно, какие куски берёт.

После бараньих потрохов настала очередь рынка. Двухэтажное здание серого кирпича в конце пыльной замусоренной улицы. На первом этаже лежали груды моркови, капусты, картошки, лука, цветных перцев, связки неизвестных трав. Яркие блестящие цвета мокрых овощей сильно контрастировали с тускло серым зданием и запахи, которые издавал весь этот праздник природы, смягчали сухость вызванную пылью, от которой задышался весь город.

На верхнем этаже были фрукты и рыба.

- Ты займись фруктами а я пойду поищу раков...

Кто-то сказал нам, что в заливе Бейры ловят самых крупных в Мозамбике раков. Карло исчез, оставив меня с Раулем, который контролировал каждый манго, каждый плод папайи, каждый овощ который я покупала. Он подвергал их тщательному контролю, чтобы потом заменить на другие, которые мне казались такими же безукоризненными.

- Лиззи, иди сюда! Раки!

Карло нашёл что искал. Я направилась к нему и, по мере того как приближалась, запах тухлой рыбы становился невыносимым.

- Смотри какие большие. Берём? - спрашивает он указывая на гору тигровой расцветки раков длиной сантиметров по двадцать.

- Ты что, не слышишь как они воняют. - меня подташнивало от запаха, но продавец уже совал их в ивовую корзинку, служившую меркой.

- Килограмм? Два килограмма?

Мы стояли в нерешительности.

- Сколько хочешь? Подожди, я тебе сделаю скидку. Подожди, скажи сколько сам хочешь заплатить. Подожди, не уходи. – возможно рыночный там-там донёс весть о нашем придиричивом контроллёре и он просто хотел закончить сделку до прихода Рауля.

Карло пытался с шутками выйти из положения: затыкал нос, пытаясь сказать ему и не обидеть при этом, что раки не свежие. В ответ торговец схватил самого крупного рака, ловко очистил и сунул в беззубый рот.

- Смотри как они хороши.

- Слушай, давай купим их и пойдём отсюда. Уж наверняка найдём кому их подарить. Я уже не могла от вони, и готова была купить всё, лишь бы покончить с этим. После рынка мы ещё были в пекарне, довольно грязной, где горячие булочки брали строительными перчатками, в паре полупустых магазинов, где нашли фасоль, чечевицу и яйца не очень свежего вида.

За пару часов мы нашли всё, кроме воды, потому что водопровод не работал, и дизельного топлива, которое поставляется только судам, и для этого нужно разрешение правительства.

- Неважно. Давай возвращаться. – В конце концов и вода и топливо у нас ещё были а Южная Африка была уже не так далеко.

- Согласна, возвращаемся.

Но нет. Рауль настоял чтобы мы зашли в пыльную лавку, набитую изделиями из дерева, кости, соломы и лоскутов ткани. В одном из углов стояли три слоновых бивня а хозяин старик работал над четвёртым, покрывая его резьбой.

- “Ivory” – сказал он, показывая пальцем на витрину полную маленьких фигурок. Там были фигурки животных, ножи для бумаги, перочинные ножики, головы Будды, всё исключительно из слоновой кости, и он с надеждой предлагал их нам, дуя на вещи, сдувая пыль.

- Нет. Мы не можем. Это запрещено.

- Да Нет. Здесь можно. – настаивал старик. Он взял целый бивень.

- Вот. Бери. Двести долларов. – глаза его сверкали.

- Нет, не могу. Меня арестуют. – чтобы было понятно Карло показывал ему переkreщенные запястья, словно на них надеты наручники.

- Ну хорошо. Тогда сто пятьдесят... Сто. – ему казалось невозможным что мы отказываемся от такого выгодного предложения и сделка не состоится.

Я думала о компаниях по защите слонов, тигров, черепах, носорогов и всех тех животных которых человек рискует полностью истребить из за привычки превращать их в предметы обстановки и тем временем наблюдала как в глазах старика гаснет надежда.

В конце концов он пожал плечами. И сегодня его слоновая кость не нашла своего покупателя. Мы купили ножик с рукояткой, лезвием и ножнами из эбенового дерева чёрного как сажа.

Рауль проводил нас до порта, теперь он уже вызывал симпатию. Мы хотели пригласить его к нам, но кажется этого нельзя делать.

- У меня нет разрешения подниматься на борт иностранных судов. – объяснил он немного стыдливо перед уходом.

Маленького буксира нигде не было видно, но между причалом и первым судном были перекинута несколько досок привязанных верёвками. Нагруженные своими мешками мы забрались на первое судно и уже направлялись к тибетскому мосту, как я услышала крик Карло.

- Мамма миа! Что случилось?! – он неожиданно остановился, глядя за борт, выронив пакет с покупками. Я тоже бросилась глянуть вниз. Мне понадобилось время чтобы осознать - воды за бортом не было!

Порт был сух. Совсем без воды. словно гигантская водокачка откачала всё до капли. Сотни лодок, баржи, сухогрузы, буксиры и рыболовецкие суда лежали на суше в иле.

- Помогите! А как же лодка?

Бросаем мешки, пустые канистры из под воды, корзину с раками, всё остальное и бросаемся вперёд, перепрыгивая борта, поднимаясь по лесенкам, перебираясь с одного судна на другое к буксиру ООН, за которым скрывалась наша лодка.

- Швартовы скорее всего порвало. – думала я, представляя лодку стоящей опершись на киль, повисшей всем весом на четырёх швартовых связывающих его с буксиром.

- Наверное свалилась на бок.

- Давай, Лиззи, скорее!

Добравшись до третьего судна замечаю наши мачты, возвышающиеся над палубой следующего. Они смотрят вверх но кажутся страшно наклоненными. Перепрыгивая через борта, пробираясь среди покорёженных лестниц, по дырявым палубам мы перебрались через четвёртое судно и добрались до последнего.

Лодка ещё стояла, но с креном.

- Что это было?

- Отлив. И как мы не подумали.

Нам даже не пришло в голову проконтролировать глубину порта. В Мозамбике перепад прилива и отлива четыре метра. При отливе вода ушла и суда оказались в густом полужидком иле который река нанесла за сотни лет. Никто ничего нам не сказал, возможно думали что мы знаем, ведь это происходит каждый день.

- Ты посмотри! Похоже на шоколадный пудинг.

- И что будем делать?

Мы не могли сделать ничего другого, кроме как удвоить количество швартов соединяющих нас с буксиром и ждать, надеясь что руль, гребной вал и ветровой авторулевой не пострадали.

- Пстой! Сделаем эксперимент.

Я взял кокосовый орех и бросил его за борт. Тяжёлый шар плюхнулся и утонул не оставив даже следа на поверхности.

- Если упадём мы, с нами будет то же самое.

- Замолчи. Лучше не думать об этом.

Вода вернулась через два часа. Сначала желтоватый ручеек начал подниматься к центру гавани, потом коричневый широкий ручей и в конце концов река, которая наполнила порт. Суда снова закачались на воде, словно ничего не произошло. Но наш киль, глубоко утопленный в дно, казалось не желал выходить наружу. Тем временем вода прибывала и поднялась уже выше ватерлинии. Потом - «плюх» - киль высвободился с чавкающим звуком.

- Мы ничего не повредили?

- Надеюсь нет.

Мы осмотрели трюм, там всё казалось в порядке. Чтобы проконтролировать корпус снаружи, нужно было нырять в воду, но у меня перед глазами всё ещё стоял бесследно исчезнувший в грязи кокосовый орех.

- Давай убираться отсюда. – предложил я.

- Ты с ума сошёл. Хочешь вернуться в реку?

Идея возвратиться на речное течение мне совсем не нравилась, но остаться здесь и опять увязнуть в иле при следующем отливе мне нравилось ещё меньше.

- Вернёмся в море?

- Не получится. Не успеем выйти из реки до темноты.

В итоге мы выбрали реку, но постарались встать поближе к берегу, где течение должно было быть не такое сильное. Недалеко от нас обломки военных кораблей загромождали берег реки. За кораблями виднелись цветные одежды и чёрные лица, толпа людей на рынке под открытым небом.

- Завтра, если погода улучшится, можно будет пойти посмотреть.

Однако погода ухудшилась. Течение усилилось и сегодня утром, когда пришло время выбирать якорь, цепь не желала возвращаться на борт, зацепившись за что-то на дне. Вот поэтому я сейчас и нахожусь под водой. Лиззи ослабила цепь и я пытаюсь вытащить её из под балки. Странно, но мне уже почти совсем не страшно передвигаться здесь вслепую. Наоборот, глухая тишина и темнота, окружающие меня на дне реки, вызывают ощущение спокойствия, а там наверху ветер, волны, болтанка. В голову закрадывается абсурдная мысль: отсидеться здесь пока всё не успокоится. Отгоняю её и стараюсь сконцентрироваться на цепи, перебираю по ней руками осторожно прислушиваясь к её натяжениям и

ослаблениям при каждом рывке лодки. Но на этот раз цепь теряется под более серьёзным препятствием. Я нащупываю трубы, балки, стены и проёмы в чём то, чего не вижу и даже не могу вообразить. Возможно переборка корабля. Цепь трётся о лист металла скрипя и вибрируя. - Не попасть бы между ними – думаю я. Если рука или нога угодит между цепью и бортом...

Снова выныриваю в бурлящий наверху мир. Лиззи стоит на носу, дождевая вода стекает с неё потоками.

- Там затонувший корабль или что-то в этом роде. Цепь уходит внутрь, ничего не разберу.

- Вылезай. Я слишком боюсь когда ты там внизу. Подождём пока погода улучшится.

Однако небо выглядит ужасно и со стороны моря катятся серые волны, которые течение реки делает очень крутыми. Швартов закреплённый за балку рвётся и нос снова прыгает вверх-вниз дергая цепь, которая звенит при каждом рывке. В это время с берега кто-то зовёт нас. Человек в светлой униформе кричит и машет фуражкой.

- Уже час как кричит. – говорит Лиззи. – Я смотрела в бинокль. Не пойму чего он хочет.

- Оставь его. Нужно решить что делать.

- Слушай, обрежем цепь.

- Тогда потеряем якорь. И как потом?

Это трудное решение. Отдав цепь мы лишаемся её и основного якоря, от одной мысли об этом мне нехорошо, словно потерять часть себя самого. Конечно, у нас есть запасной якорь, но он меньше и намного менее надёжен, особенно сейчас, когда возможны циклоны и хороший якорь очень важен. Но если её не обрезать, останемся здесь на течении и если цепь вдруг внезапно порвётся сама будет катастрофа, течение понесёт нас вдоль берега в опасной близости от затонувших судов.

Наконец, скрепя сердце, я иду на нос с большими кусачками которые мы держим для аварийных случаев. Открываю максимально губки и зажимаю звено цепи, мотор заведён и Лиззи готова рулить, как только лодка будет свободна. Сжимаю рукоятки, металл деформируется, губки входят в него как в масло.

- Подожди. Смотри, они идут сюда. – кричит Лиззи, показывая на каноэ с тремя людьми на борту, только что отошедшее от берега. Один в униформе в центре, двое других гребут как сумасшедшие, пытаюсь преодолеть против течения разделяющие нас пятьдесят метров.

- Всё, уже режу. – я сильнее сжимаю рукоятки и цепь рвётся. Лодка сразу же разворачивается и только усилие мотора спасает нас от столкновения с обломками кораблей. С каноэ доносится крик досады, человек поднимается и кидает камень, который со стуком падает на палубу.

- Что за кретин? Чего ему надо?

Но нет времени спрашивать разъяснений, мы направляемся на середину реки с трудом правя между волн и водоворотов.

- Хватит. Возвращаемся в море.

- Уверен?

- Уверен. Лучше шторм чем этот бардак.

Мы оба знаем, что в море будет довольно рискованно, но после этой реки, бухты и затонувших кораблей по берегам этот риск кажется не очень большим. И когда мы оба согласны у нас стопроцентный консенсус.

“Barca Pulita” прыгает по волнам, подгоняемая течением в шесть узлов и неслась к морю с невероятной скоростью.

- Смотри сюда, что-то странное.

- Что там?

- Кажется фотография.

К камню, который бросили с лодки, был привязан сверток. Пластиковый пакет с обёрнутым газетой поляроидным снимком, на котором изображён тот в униформе.

Маленькая черно-белая фотография плохого качества вроде тех, что делали пол века назад. Больше ничего. Не слова не подписи.

- Интересно, чего он хотел?

- Этого ты не узнаешь никогда. Потому что сюда, я тебе клянусь, мы больше не вернёмся.

Через два часа мы уже в море. Энтони по радио передаёт, что «тропический шторм» медленно удалился на юг. Вся ночь ушла на то чтобы против ветра выбраться из залива в который впадает река Бейра.

А утром новое яркое солнце осветило неожиданно и невозможно голубое море.

24. Шторм

Мы находимся на траверсе Ричардс Бей. Дует норд-ост и он усиливается. Барометр падает, но это уже не важно, мы уже почти дошли. Ричардс Бей – первый город Южной Африки и наше путешествие в 1200 миль находится на последнем этапе. Порт Дурбан – наша конечная цель, всего в 120 милях.

Тропики остались за кормой и вместе с ними опасность циклонов. Теперь воздух каждое утро становится всё прохладнее а море кажется стало более тёмным и менее приветливым. Появилась длинная волна идущая с юга. Бесконечная череда водяных дюн медленно поднимает и опускает поверхность моря, словно погружённое в летаргический сон чудовище дышит под водой, готовое проснуться в любой момент. В этом новом море, которое в некоторых аспектах похоже на наше, барометр снова становится оракулом на борту. На долгое время мы забыли о нём, в тропиках давление не меняется, но теперь его настроение определяет и наше: если он падает, мы беспокоимся, если падает быстро, пугаемся, если растёт, расслабляемся.

Этой ночью давление падает. В полночь было 755, в четыре часа 753 а теперь, в шесть упало до 751. Ветер действительно сильный и видимо ещё усилится.

- Зайдём в Ричардс Бей?

Город едва виден, группа квадратных строений вдоль неясной береговой линии. Он всего в десяти милях по правому борту и соблазн очень велик. Первое цивилизованное место после почти года в тропиках.

- Подумай только, фрукты, молоко, мясо, шоколад...

- ... мороженное, бриоши...

Море же странно спокойно и лодка с попутным ветром, с парусами раскинутыми как крылья бабочки, весело летит вперёд, поднимая брызги на каждой волне.

- Ну как можно терять такой ветер. Потом возможно придётся неделями ждать пока снова подует с севера.

Решаем идти дальше. Бриоши и свежий хлеб придётся подождать ещё денёк. Пробуем лишь связаться по радио, чтобы услышать прогноз погоды.

- Порт Ричардс Бей, порт Ричардс Бей, вызывает итальянская яхта “Barca Pulita”

В Танзании, Мозамбике и Кении никто ни разу не ответил на наши радиовывозы. Здесь же профессиональный и безупречный женский голос сразу же отозвался в громкоговорителе УКВ рации.

- Barca Pulita, what can I do for you?

- Как здорово. Нам отвечают.

Я говорю что мы направляемся в Дурбан и прошу прогноз на участок моря отделяющий нас от первого большого порта Южной Африки. Мы входим в зону больших атмосферных возмущений южного полушария и я знаю, что погода может измениться очень быстро.

- Ветер норд-ост, пять баллов, усиление до семи. – отвечают с земли. Не очень обнадеживающе, но и не катастрофа.

- Что будем делать? Идём дальше?
- Не знаю. Ты что скажешь?
- Я скажу что если ветер останется северо-восточным, то будет нам в корму весь переход, если же повернёт на юг, тогда беда.
- По прогнозу не должен, по крайней мере ближайшие двенадцать часов.
- Сколько осталось до Дурбана?
- Сто двадцать миль. Восьмиузловым ходом за четырнадцать часов должны дойти.

Десять часов. Ветер усилился до тридцати узлов. Берём второй ряд рифов на гроте и бизани. Волнение пока терпимо, но гребни выросли в длину. Они похожи на длинные стены перемещающиеся по поверхности моря и начинают уже обрушиваться, но только изредка. Мы делаем девять узлов и наша лодка похожа на катер. Смотрю на пенную кильватерную струю за кормой, слушаю шум корпуса прокладывающего себе путь в воде и ускоряющегося на гребнях. Мы идём почти со скоростью вол, они нагоняют нас с трудом. Идём слишком быстро? Слишком форсируем? Не знаю. Каждый лишний узел скорости экономит час времени плавания и сокращает расстояние которое отделяет нас от Дурбана. Лишь бы ветер оставался норд-ост.

11.00 Ветер больше тридцати узлов. Барометр продолжает падать. Хватит рисковать. Берём третий ряд рифов на гроте и ставим штормовой стаксель. Вовремя. Лодка замедляет свой сумасшедший бег среди волн и идёт спокойнее. Заменяю карабин оттяжки гика согнувшийся от нагрузки. Пруток нержавеющей стали диаметром двенадцать миллиметров согнулся словно резина. Делаем поворот, перекидываем паруса на правый борт и берём курс на юго-восток, чтобы уйти подальше от берега. Подозреваю, что вблизи берега на банке Агулас эти волны могут стать опасными. К счастью ветер дует стабильно с северо-востока.

16.00 Мы приняли метео прогноз радио Дурбана. Ожидается юго-западный шторм с ветром до сорока пяти узлов.

- Проклятье, Ричардс бей предсказывал двенадцать часов норд-оста!

Вот и случилось то, чего все лоции советуют избегать: «Когда дувший продолжительное время северный ветер меняется на южный, море в районе банки Агулас может стать опасным для судов любых размеров.»

Опасность возникает от взаимного эффекта течения и волн на участке моря, где глубина от бесконечной на границе континентального шельфа вдруг резко уменьшается до двухсот метров. Пока ветер дует с севера, течение над Агулас приглушает и удлиняет волны, которые движутся в том же направлении. Но когда ветер меняется на противоположный, столкновение старых и новых крутых волн может вызвать возникновение аномальных волн огромной высоты. Настоящие водяные шпильки высотой десять, двенадцать и даже пятнадцать метров, нестабильные и обрушивающиеся. Несколько лет назад судно длиной сорок метров было разломано пополам гигантской волной, которая подняла его в центре, переломив на две части.

- Ладно, Лиззи. Мы уже почти дошли.
- Сколько осталось?

Спускаюсь в каюту посмотреть наше местоположение. Мы в двадцати пяти милях от Дурбана и стрелка лага показывает скорость в девять узлов. Хватило бы трёх часов, чтобы дойти до порта и если бы мы не приняли метео, шли бы спокойно дальше, потому что ветер всё так же дует с северного направления и ничто не предвещает его изменение.

«Внимание» - говорится в лоции: «когда предвидятся подобные условия необходимо немедленно удалиться от изобаты двести метров в море на большие глубины, которые не влияют на движение волн.»

- Не верю что ветер сменится в ближайшее время.
- Я тоже.

Трудно решиться взять курс в открытое море когда порт в двух шагах и приближается шторм. Я представляю волноломы Дурбана и зеркало защищённой акватории за ними. Представляю как мы, с поднятым жёлтым флагом, наконец стоим на якоре в яхт-клубе, в то время как в море бушует шторм. Три часа и мы будем в порту. Тем временем лодка в отсутствии нашего решения продолжает свой бег на юг с большой скоростью по морю которое кажется всё более взволнованным. Небо потемнело и грозит разразиться дождём. Смотрю опять карту. Наше положение – крохотная точка нанесённая карандашом на белом поле. Смотрю где находится порт. Между нами и Дурбаном лежит банка Агулас и курс проходит по касательной к пресловутой изобате двести метров. Сейчас 16.30. Через два часа мы могли бы быть на расстоянии видимости земли. Но уже будет ночь и нам придётся искать вход в порт в лучшем случае при больших попутных волнах с севера. План порта на карте показывает два мола ориентированных на северо-восток. Пытаюсь представить вход, он всегда кажется узким, когда смотришь с моря, и вижу лодку несущуюся вперёд, подгоняемую огромными волнами, ещё больше вырастающими на малой глубине. Необходимо определить вход на большом расстоянии и попасть с первого захода, потому что заход с попутным штормом не позволит второй попытки. Достаточно небольшой ошибки и мы врежемся в чёрный мол. Лиззи спустилась вниз ко мне и наблюдает как я вожусь с картой.

- Брось. Не нужно рисковать. – улыбается она.

- Согласен. Слишком опасно. Пойду отрегулирую «Джованни»

Может быть она тоже представила чёрный мол о который разбиваются волны. Поворачиваю флюгер ветрового рулевого и изменяю курс на восток, в море. Лиззи работает со шкотами, регулируя паруса на новый курс – галфвинд. Уходим от берега, ветер теперь не попутный и лодка дико прыгает на волнах.

19.30. Мы удалились на двадцать пять миль от изобаты двести метров. Этого хватит? Барометр слегка поднимается до 752. Ветер по прежнему северный. Наступила темнота и чёрное небо не обещает ничего хорошего, его теперь почти не видно. Убираем паруса, и ложимся в дрейф, оставив только штормовой стаксель. Курс держим на восток, но течение продолжает сносить нас на юг. Нужно быть осторожными, чтобы нас не унесло ниже Дурбана, потому что потом будет трудно возвращаться против течения. Работая в полной темноте приводим всё в порядок на палубе, тщательно всё крепим и ждём.

01.00 Стоим с одним штормовым стакселем. До восьми вечера ветер продолжал дуть с юга, потом пол часа ливень, молнии и безветрие, теперь подуло с юго-запада. Волнение беспорядочное, волны идут со всех направлений. Мы задраили все люки и приготовили спасжилеты и обвязки у выхода из каюты, чтобы одевать при выходе на палубу.

11.00. Дождь, молнии. День, но небо серое, почти чёрное. Ветер южный, тридцать пять узлов. Барометр стабилен. Мы поставили грот с тремя рифами и дрейфуем под двумя самыми маленькими парусами, стараясь чтобы ветром нас снова не унесло на север.

Дурбан в тридцати пяти милях, это шесть – семь часов плавания, но при южном ветре он недостижим, как если бы был на луне.

24.00. Давление поднимается - 755. Но ветер по прежнему жестокий. Лодка вся мокрая и блестит от носа до топов мачт. Дождь стекает по парусам. Периодически волна ударяет в корпус с глухим звуком и накрывает нас каскадом брызг. Сразу после этого кажется что море успокаивается покрывшись слоем зеленоватой пены и наступает неожиданная тишина. Мы можем лишь ждать.

15.00. Выходим на палубу поснимать беснующееся море. Высокие длинные, грандиозные волны. Они кажутся живыми, одушевлёнными. Сначала вызывают страх, потом удивление. В конце концов мы просто любимеся грозной силой штормового океана:

- Смотри какая великолепная волна. – я хватаюсь за лебёдку, боясь что меня унесёт за борт.

Стоим на палубе пол часа, а может час глядя на море, зачарованные и мокрые. Пытаемся снимать. Каскады пены накрывают нас и даже три слоя непромоканцев не в состоянии остановить потоки воды стекающие за шиворот.

Как странно. Неожиданно прошёл страх. Лодка кажется маленькой игрушкой играющей с волнами намного большими её самой. Кренится, качается, втыкается в гребни, бросается вниз по склонам. Мы тоже играем вместе с ней.

Возвращаемся в каюту проконтролировать по GPS наше местоположение. Сначала я должен вытереться с головы до ног, чтобы не залить водой карту и стол. Ветер повернул на юго-восток и несёт нас в сторону суши. Мы снова рискуем приблизиться к изобате двести метров. Невозможно представить что будет если эти волны станут круче и начнут обрушиваться. Совершенно невыносимо оказаться там. Давление ещё увеличилось и барометр встал на 760. Но если барометр растёт, почему ветер не ослабевает?

22.00. Сделали поворот и легли в дрейф на другом галсе, чтобы удалиться от берега. Теперь мы движемся на юг. Дурбан уже в пятидесяти милях. Вой ветра немного изменил тон, возможно он ослабевает. Возможно через несколько часов мы сможем поднять паруса и идти на Дурбан в лавировку. Однако волнение стало ещё сильнее и трудно устоять на ногах.

Лежим на койках с поднятыми бортиками которые удерживают нас от выпадания при непредсказуемых движениях лодки. Я попробовал читать, но не могу. Попробовал спать – не получается. Проводим часы в апатичном оцепенении обмениваясь изредка словами.

- Сколько времени нас уже болтает?

- День.

- И сколько ещё будет?

24.00. Задуло ещё сильнее. Я вышел на палубу с анемометром, измерить силу ветра. Но передумал. Снаружи невозможно устоять на ногах и кажется что находишься в аду. Но в каюте удивительный порядок. Мы привязали всё, что могло бы упасть, закрепили книги на полках, убрали кастрюли с плиты, задраили иллюминаторы, закрыли герметично вентиляторы «Дорадо», собрали и уложили в рундуки все вещи, кроме самых необходимых. Для выхода на палубу люк открываем только чтобы быстро протиснуться и сразу закрываем, чтобы не заливало водой, но выходим очень редко, лишь раз в пол часа, посмотреть нет ли вокруг судов и глянуть на мачты и паруса.

В остальном мы можем лишь ждать. Жуём нежаренные орешки, купленные в Дар-Эс-Саламе. Они отдают плесенью, но кажутся замечательными.

02.30. Ветер ещё усилился. Дует просто с невероятной силой. Два паруса, хоть и крохотных, теперь слишком много. Мы убрали штормовой стаксель и привязали его к палубе. Остался только грот с тремя рифами, всего пять квадратных метров, но и их достаточно чтобы крен достигал 20 градусов, и это хорошо, под боковой нагрузкой лодку меньше болтает. С какой скоростью дует ветер? 45 узлов? 50 узлов? Барометр поднялся ещё на одно деление. Может быть поэтому продолжает дуть? Потому что барометр растёт слишком быстро? Я начинаю отчаиваться. Нанёс на карту наши координаты, Дурбан уже в 80 милях.

09.00. Снова рассвело. Нас снесло ещё на 20 миль на юг. Барометр 762, 5, очень высокий и не перестаёт расти. На борту напряжение и усталость. Уже два дня мы ничего не едим за исключением кофе с молоком, который делаем смешивая растворимый кофе с порошковым молоком заливая их тёплой водой. Воду кипятим поддерживая за край плитку, чтобы её не катапультировало на пол.

- Ба! Мы в 20 милях от Ричардс Бей. – говорит Лиззи нанеся точку на карту. За два дня шторм отбросил нас на 60 миль на юг, в точку, которую мы проходили пятьдесят часов назад.

- Может быть попробуем зайти в Ричардс Бей?

Под зарифлённым гротом и штормовым стакселем приближаемся к земле среди десятков дрейфующих судов которые немилосердно болтаются на огромных волнах идущих с юга.

Ближе к берегу вода наполняется плавающими обломками, ветками и стволами деревьев. Мы крутим слалом между судами и дрейфующими обломками. Через два часа появляются волноломы и лодка неожиданно прекращает качаться. Мы поднимаемся по каналу меж двух молов, вода такая спокойная, что кажется нереальной. Нашли гавань, где отшвартоваться. Рядом посёлок затопленный дождём. Шторм, который мы пережили в море, вызвал бедствия и на суше: наводнения, реки вышли из берегов.

Очень странно быть неподвижными, странно чувствовать цемент причала под ногами, странно видеть магазинные вывески.

Проверяю якорный отсек. Ремонт эпоксидной шпаклёвкой и стеклотканью держит великолепно, нет ни капли воды.

- Может быть можно было идти и через океан?

- Представляешь, сейчас мы были бы в Таиланде или Индонезии.

Вместо этого мы стоим у серого бетонного причала безымянного коммерческого порта в Южной Африке. И небо здесь не навевает истому как в тропиках.

Подходит человек:

- Я видел ваш флаг. Я тоже итальянец. Живу здесь уже тридцать лет, у меня механическая мастерская. Если вам что-то нужно...

Подходят таможенники в шортах и гольфах, светлые волосы расчёсаны безупречно.

- Добро пожаловать в Южную Африку. Сейчас закончим таможенные процедуры и сможете опустить жёлтый флаг.

Они с удовольствием задерживаются поболтать и выпить с нами кофе. Говорят что Южная Африка это новая страна и нам понравится.

- Давай, Лиззи. Пошли искать бриоши

25. Глядя на горизонт

Уже несколько недель мы стоим в огромном порту полном судов, плавучих платформ, кранов и буксиров. Наша лодка, отшвартованная у безобразного мола, возвышающегося над нами на несколько метров, невидима посреди этой суматохи. Мы наблюдаем эту странную жизнь порта в ожидании когда нас поднимут и поставят на верфи, где наконец можно будет заварить дыру открывшуюся несколько месяцев назад в далёкой гавани Танзании.

И хотя Южная Африка индустриальная современная страна, мы столкнулись с большими трудностями. Сначала мы не могли найти верфь, которая могла бы поднять нашу лодку. “Barca Pulita” оказалась слишком тяжёлой для кранов, которые обычно поднимают яхты, и слишком лёгкой и деликатной для гигантских кранов коммерческих верфей. Потом нам удалось убедить ответственного за подъём небольших буксиров использовать его платформу для подъёма нашей лодки.

- Только придётся подождать. Как только у меня случится маленький буксир, я подниму вас вместе с ним. – пообещал он.

В воскресенье мы стояли у мола верфи в ожидании оказии быть поднятыми на берег, когда вдруг чуть не стали участниками жуткой аварии.

Я читал в каюте, когда услышал странный звук, какая то вибрация исходила от дна и заставляла дрожать всю лодку. Я вышел посмотреть в чём дело: корма огромного судна возвышалась над моей головой. Я сразу понял, что что-то у них идёт не так. Судно было слишком близко и дистанция сокращалась. На выпуклой части кормы над моей головой угрозой возвышалась надпись “Msc-Michelle-Panama”, а прямо передо мной на уровне моря винт, медленно вращался на заднем ходу, лопасти появлялись и скрывались на поверхности

воды. Моряки на палубе кричали. Один из них, глядя на меня, развёл руками с обречённым видом, словно говоря:

- Мы здесь ничего не можем поделаться.

Я словно окаменел, глядя на происходящее как в замедленном фильме. Однако в мостике или в машинном отделении видимо заметили ошибку, потому что винт неожиданно остановился и начал крутиться в противоположном направлении. Вода вскипела. Слишком поздно! Нужно время, чтобы остановить движение судна!

Судно продолжало двигаться, прошло в десяти метрах от нас и врезалось в берег как раз где был слип. Я видел как задрожала и сместилась вбок платформа, словно сдвинутая мистической силой. Сталь сминалась словно картон и лопался бетон мола, а буксир на платформе трясся словно игрушечный.

В несколько мгновений всё закончилось. Мол разбит, платформа смята, слип искорёжен, буксир в шатком равновесии на борту платформы. Судно наконец остановилось и брызгало водой изо всех отверстий, пытаюсь с помощью трюмных насосов остаться на плаву. У нас единственный ущерб – порвало швартов от водоворота поднятого винтом.

Лиззи вернулась десятью минутами позже.

- Что за чертовщина здесь происходит?

- Нам сильно повезло. – ответил я. – Двадцать метров сюда, и у нас не было бы лодки.

Однако все наши планы изменились. Нужно было ждать, пока починят слип, возможно на это понадобятся месяцы. Мы решили не озадачиваться и перейти к молу яхт-клуба на западной стороне порта.

- Не беспокойтесь, пока ищите верфь для ремонта, познакомитесь в городом. Можете стоять у нашего мола сколько понадобится. Бесплатно разумеется.

Невероятное гостеприимство. Бесплатное место у чистого гостевого причала, вода и электричество для работ, душ, бассейн и все структуры клуба, приглашения на ужин от членов клуба по очереди.

Красота!

Не знаю насколько мы были обязаны такой любезности тому, что цвет нашей кожи был таким же как у посетителей яхт-клуба. Но мы соглашались и наши дни стали длинными и ленивыми. Мы делали небольшие ремонтные работы, искали запчасти, писали, смотрели вокруг под чистым и жарким небом Южной Африки.

И действительно, Южная Африка очень странная страна. Днём, когда идёшь по оживлённым улицам полным автомобилей и магазинов, город похож на любой американский. Вокруг небоскрёбы, зелёные парки, супермаркеты и большие отели. Белые и чёрные смешиваются на улицах и в магазинах в пёструю разноцветную озабоченную толпу. Вечером же улицы становятся пустынными, словно действует негласный комендантский час.

- Осторожно, не ходите пешком ночью. – была первая рекомендация чиновников, тоже белых, когда мы прибыли в Дурбан из Ричардс Бей, после двухдневного плавания по спокойному морю, которое ничем не напоминало свирепого монстра, каким оно было неделю назад.

Видимо ходить по Дурбану ночью очень опасно. Белые после заката передвигаются только на автомобилях с заблокированными дверями и заряженным пистолетом в бардачке. Улицы превращаются в царство банд чёрных и отчаявшихся. И достаточно посмотреть вокруг чтобы понять, что здесь в Южной Африке, несмотря на благие намерения многих, проблема цвета кожи остаётся очень серьёзной.

В этой большой стране, полной лесов и природных ресурсов, живёт сорок один миллион человек. Тридцать миллионов чёрных, шесть миллионов белых, четыре миллиона метисов и миллион индийцев. Белые делятся на буров, пришедших из Нидерландов, и англичан, которые в своё время основали колонию. Буры и англичане говорящие на разных языках, никогда не находили общего языка и продолжали воевать до недавнего времени (всего несколько десятилетий назад).

Чёрные в свою очередь разделены на племена. Зулу происходят от легендарных воинов которые в прошлые века захватили и терроризировали всю южную часть Африки. Ещё есть **xhosa**. К которым принадлежит Нельсон Мандела, сото, тсвана, венда, индебеле, тсонга, свази, педи и так далее. Множество языков, разные традиции, племена, каждое со своими вождями и традициями независимости от которых трудно отказаться. И наконец индийцы, привезённые сюда англичанами в качестве полурабов и оставшиеся в стране основав общины отделённые от всех других. Их женщины, маленькие с чёрными блестящими волосами, одеваются в сари, готовят только с карри и выходят замуж только за индийцев.

В этой смеси рас, историй и разных запросов, реформы ведущие страну к всеобщему равенству и братству потребуют немало времени.

Тем временем белые цепляются за свои последние привилегии. Они говорят, что Южная Африка раньше была раем, а сейчас начинает превращаться в страну бедных, похожую на другие страны Африки.

Чёрные мало говорят. Но они ходят в школу, участвуют в выборах и начинают становиться частью государственного механизма. Двадцать лет назад их бывшие хозяева жили как набобы, потому что их было мало, в стране богатой ресурсами и огромное количество полурабов работали почти даром. Теперь рабы освободились и желают жить так же как и белые. Но богатства страны, которые раньше делились между небольшой группой, поделённые на всех превратились в ничто. Раньше белые руководили а чёрные работали, теперь же в организации работ возникли сложности, напряжение, взаимные претензии, забастовки и безработица. Уровень жизни падает, преступность растёт.

Мы выслушиваем жалобы одних и разделяем надежды других.

Наконец мы нашли новую верфь с гигантским краном, способным поднять даже тридцать тонн нашей лодки и отшвартовались у другого грязного высокого причала, снова в ожидании своей очереди.

Бригада рабочих приходит каждый день, готовят трюм к сварочным работам. Двое, что работают, естественно чёрные, тот что командует – белый. В обед бригадир идёт в ресторан а двое рабочих садятся на пыльном причале и достают свёртки с едой. Один из двоих зулу. Его говор похож на странную последовательность свиста и щелчков а его обед всегда состоит из половины варёной свиной головы, включая глаз, половину языка и половину жирного застывшего мозга.

Мы постоянно предлагали ему кофе. Поначалу он был очень подозрителен. Видимо ему казалось странным что белый предлагает что-то чёрному, но через несколько дней перестал отказываться и в конце концов в ответ предложил мне кусок свиной головы. И мне даже пришлось её попробовать!

Но несмотря на то, что всё это может быть интересным, мы не дождемся момента когда снова отправимся в море. Мы чувствуем себя неловко среди этих людей. Может быть это напряжение, которое чувствуется в воздухе. Может быть это просто от большого города с его дымом, шумом и движением. Но каждый день после работы мы прогуливаемся вдоль мола глядя на бесконечную линию, которая отделяет море от неба и кажется говорит нам:

- Идите, мир велик, не останавливайтесь никогда.

Вечером мы снова изучаем карты и читаем лоции, выбирая путь, который снова выведет нас в океан.

Прошло уже три года как “Barca Pulita” оставила позади мол в Портовенере. За это время пройденные мили, волны и вереница стран проплывших за бортом изменили наше мироощущение и наши планы. Мы теперь не можем сказать, когда закончится наше путешествие, но, по правде говоря, никто нас уже и не спрашивает об этом. Детальные планы, точные маршруты, даты и сроки остались за кормой в том далёком мире который мы оставили в тот момент когда отдали швартовы и увидели как удаляется причал. Теперь наши планы туманны, курс неясен и ещё не прочерчен, но одно ясно точно: путешествие

продолжается, потому что земля слишком велика и слишком прекрасна чтобы заранее планировать остановиться.

Перед нами снова лежит океан, бесконечный как вселенная, усеянный островами маленькими и большими, иногда скученными, словно рой мошкары, иногда одиночными.

- Куда пойдём?

- Я думаю на Дальний Восток.

- Я бы тоже хотел, но будет встречный пассат.

- Может быть и нет, если сможем держаться в зоне экватора.

- Конечно сможем, но сейчас давай спать.

Днём, когда работаем, держим включенной радиостанцию. Слушаем метеопрогнозы, сообщающие об атмосферных фронтах и возмущениях, ветре, который усиливается а потом утихает, о волнении, то увеличивающемся, то успокаивающемся. Слушаем вызовы судов, запрашивающих разрешение на вход в порт и выход в море. Мы лишь ждём момента, когда сами запросим по радио:

- "Barca Pulita" вызывает портовый контроль. Просим разрешение на выход в море.